

Свежий свет от древних памятников.
Очерк наиболее ярких подтверждений
Библии, полученных в результате
недавних открытий в Египте,
Палестине, Ассирии, Вавилонии,
Малой Азии

А. Г. Сейс

Fresh Light from the Ancient Monuments

A. H. Sayce

The Project Gutenberg eBook of Fresh Light from the Ancient Monuments.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Свежий свет древних памятников

Автор: А. Г. Сейс

Дата выхода: 18 июня 2010 [eBook #32883]

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK FRESH LIGHT FROM THE ANCIENT MONUMENTS ***

Fresh Light from the Ancient Monuments

Очерк наиболее ярких подтверждений Библии, полученных в результате недавних открытий в:

Египте. Палестине. Ассирии. Вавилонии. Малой Азии.

Арчибальд Генри Сейс, магистр философии.

Заместитель профессора сравнительной филологии, Оксфорд.

Hon. LL.D., Dublin.

Second Edition.

Лондон:

The Religious Tract Society.

36, Paternoster Row; 65, St. Paul's Churchyard.

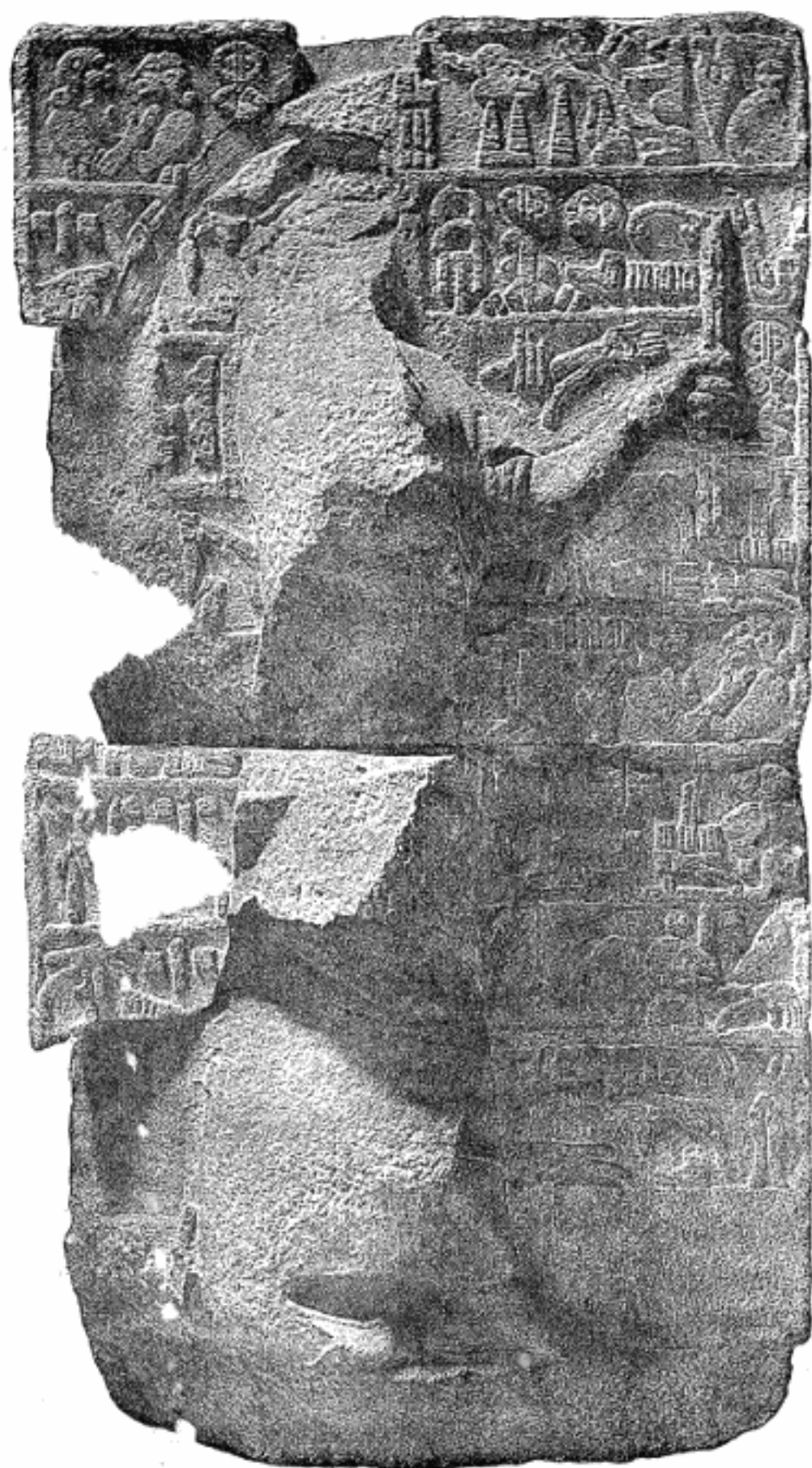
1884

Содержание

- [Предисловие.](#)
- [Глава I. Введение.](#)
- [Глава II. Книга Бытия.](#)
- [Глава III. Исход из Египта.](#)

- Глава IV. Моавитский камень и надпись из Силоама.
- Глава V. Империя хеттов.
- Глава VI. Ассирийские вторжения.
- Глава VII. Навуходоносор и Кир.
- Приложение I.
- Приложение II.
- Указатель.
- Сноски

Предисловие.

Памятник хеттского царя, сопровождаемый надписью на хеттских иероглифах, обнаруженный на месте Кархемиша и хранящийся в Британском музее.

Цель этой небольшой книги объясняется ее названием. Открытия за открытиями сыплются на нас из восточных стран, и рассказы о результатах восточных исследований, сделанные всего десять лет назад, уже начинают устаревать. Поэтому полезно подвести итоги наших сегодняшних знаний и посмотреть, насколько они соответствуют той "старой истории", которая знакома нам с детства. Тот же дух скептицизма, который отверг ранние легенды Греции и Рима, приложил руку и к Ветхому Завету, решив, что сами священные истории - лишь собрание мифов и басен. Но внезапно, как по мановению волшебной палочки, древний восточный мир ожил благодаря лопате исследователя и терпеливому мастерству дешифровщика, и теперь мы видим памятники, на которых написаны имена или рассказано о подвигах героев Священного Писания. Один за другим эти "камни вопиющие" были исследованы или более полно объяснены, а к ним постоянно добавляются другие, не менее важные.

[pg 002].

Какие поразительные подтверждения библейских повествований были получены в результате новейших открытий, вы увидите на следующих страницах. Во многих случаях подтверждения сопровождались иллюстрациями. Неожиданный свет был брошен на факты и утверждения, которые до сих пор оставались неясными, или было дано совершенно новое объяснение какому-либо событию, записанному вдохновенным писателем. Что может быть более поразительным, чем открытие великой Хеттской империи, о существовании которой было забыто, и которая, тем не менее, когда-то на равных соперничала с Египтом с одной стороны и Ассирией с другой? Упоминания о хеттах в Ветхом Завете, которые подвергались сомнению скептической критикой, были показаны в полном соответствии с фактами, и было указано их истинное место в истории.

Но рассказ о Хеттской империи - не единственное открытие последних четырех-пяти лет, о котором следует рассказать в этой книге. Надписи Саргона прояснили трудности, связанные с десятой и одиннадцатой главами пророчеств Исаии, и доказали, что в них не описывается "идеальная" кампания "идеального" ассирийского царя. Напротив, кампания была вполне реальной, и когда Исаия произносил свое пророчество, ассирийский монарх шел на Иерусалим с севера и собирался стать "жезлом" Божьего гнева на его грехи. За десять лет до разгрома армии Сеннахериба его отец, Саргон, [pg 003] захватил Иерусалим, но "остаток" спасся от ужасов осады и вернулся с покаянием "к могущественному Богу".

Возможно, самым примечательным из недавних открытий является то, которое относится к Киру и его завоеванию Вавилонии. История завоевания, рассказанная самим Киром, теперь в наших руках, и она заставила нас изменить многие взгляды, почерпнутые из греческих авторов, которые мы вкладывали в слова Писания. Кир, как мы теперь знаем из его собственных источников, был многобожником, а не зороастрийцем; он был царем Элама, а не Персии. Именно Элам, а не Персия, как гласили пророчества Исаии, вторгся в Вавилон. Сам Вавилон был взят без осады, и поэтому г-н Босанкет, возможно, прав, считая, что Дарий из Даниила был Дарием, сыном Истасписа.

Не менее интересным было открытие Силоамской надписи, которая показывает нам те самые символы, которые использовались евреями во времена Исаии, возможно, даже во времена самого Соломона. Это открытие пролило свет на топографию Иерусалима раннего периода, и стало ясно как день, что евреи царского периода были не грубым и варварским народом, как это было принято считать неверующей критикой, а культурным и литературным

населением. Книг среди них, должно быть, было так же много, как в Финикии или Ассирии; не [pg 004] забывать и о результатах раскопок, предпринятых в прошлом году в земле Гошен. Пифом, город-сокровищница, построенный израильтянами, был раскопан, и дата Исхода была установлена. М. Навиль даже нашел там кирпичи, сделанные без соломы.

Но старые записи Египта и Ассирии имеют не только исторический интерес. Они рассказывают нам о религиозных доктринах и устремлениях тех, кто их составлял, и о том, каким было их представление о долге перед Богом и людьми. Достаточно сравнить гимны, псалмы и молитвы этих древних народов, искавших "Господа, если возможно, чтобы они почувствовали Его и нашли Его", с более полным светом, явленным на страницах Ветхого Завета, чтобы обнаружить, насколько широка была пропасть, лежавшая между ними. Один искал то, что другой уже нашел. Еврейский пророк был предтечей и глашатаем Евангелия, и свет, пролитый Евангелием, отразился на него. Он уже видел "солнце праведности", восходящее на востоке; псалмопевец из Шинара или благочестивый поклонник из Асхура были подобны тем, "для кого день еще не рассветал".

[pg 009]

Глава I. Введение.

Как были расшифрованы клинописные надписи: догадки Гротефенда, исследования Лассена и Роулинсона, открытия Ботты, Лэйарда, Джорджа Смита и Рассама, достоверность наших современных знаний.

Расшифровка клинописных или клинообразных надписей Ассирии стала одним из самых удивительных достижений нынешнего века. Часто спрашивают, как ученые-ассирийцы смогли прочесть ассирийский текст почти с такой же уверенностью, как страницу Ветхого Завета, хотя еще несколько лет назад и язык, и символы, которыми он написан, были совершенно неизвестны. Краткая история возникновения и развития дешифровки лучше всего ответит на этот вопрос.

Путешественники обнаружили на разрушенных памятниках Персеполиса и других древних местах Персии надписи, выгравированные клинописью, или, как их еще называли, стреловидными символами. Известно, что некоторые из этих памятников были воздвигнуты ахеменидскими царями - Дарием, сыном Гистаспеса, и его преемниками, поэтому можно предположить, что и надписи были высечены по приказу тех же царей. Надписи были сделаны тремя разными системами клинописи, и, поскольку три вида надписей всегда располагались рядом, было очевидно, что они [pg 010] представляют собой различные версии одного и того же текста. Подданные персидских царей принадлежали к нескольким расам, и как в наши дни турецкий паша на Востоке вынужден публиковать указ на турецком, арабском и персидском языках, если он должен быть понят всем подвластным ему населением, так и персидские цари были вынуждены использовать язык и систему письма, свойственные каждой из управляемых ими наций, когда хотели, чтобы их прокламации были прочитаны и поняты ими.

Очевидно, что три версии ахеменидских надписей были адресованы трем основным народам Персидской империи, и что та, которая неизменно появлялась первой, была

составлена на древнеперсидском, языке самого государя. Эта персидская версия, как оказалось, представляет для дешифровщика меньше трудностей, чем две другие, сопровождавшие ее. Количество знаков, использованных при ее написании, не превышало сорока, а слова были отделены друг от друга косым клином. Некоторые слова содержали так много знаков, что было ясно, что эти последние должны обозначать буквы, а не слоги, и что, следовательно, персидская клинопись должна была состоять из алфавита, а не из слоговой таблицы. Кроме того, стало ясно, что надписи нужно читать слева направо, так как концы всех строк находились точно друг под другом на левой стороне, в то время как справа они заканчивались неравномерно; более того, последняя строка иногда заканчивалась на значительном расстоянии от правого края надписи.

Ключ к расшифровке надписей был впервые обнаружен благодаря удачной догадке немецкого ученого Гротефенда. Гротефенд заметил, что надписи обычно начинались с трех или четырех слов, одно из [pg 011] которых менялось, а остальные оставались неизменными. Изменяемое слово имело три формы, хотя одна и та же форма всегда появлялась на одном и том же памятнике. Гротефенд предположил, что это слово представляет собой имя короля, а следующие за ним слова - королевские титулы. Одно из предполагаемых имен встречалось гораздо чаще других, и поскольку оно было слишком коротким для Артаксеркса и слишком длинным для Кира, было очевидно, что оно должно означать либо Дария, либо Ксеркса. Изучение классических авторов показало Гротефенду, что некоторые из памятников, на которых оно было найдено, были построены Дарием, и он, соответственно, придал символам, составляющим его, значения, необходимые для написания "Дария" в его старой персидской форме. Таким образом, ему удалось получить предположительные значения для шести клинописных букв. Теперь он обратился ко второму царскому имени, которое также фигурировало на нескольких памятниках и имело ту же длину, что и имя Дария. Это мог быть только Ксеркс, но если это так, то пятая буква, составляющая его (r), обязательно должна быть такой же, как третья буква в имени Дария. Так оно и оказалось, и это послужило наилучшим доказательством того, что немецкий ученый был на верном пути.

Третье имя, которое было гораздо длиннее двух других, отличалось от второго только в начале, а последняя его часть напоминала имя Ксеркса. Очевидно, что оно не могло быть ничем иным, как Артаксерксом, а то, что это действительно так, подтверждалось тем, что вторым символом, составляющим его, был тот, который имел значение g.

Теперь у Гротефенда был небольшой алфавит, и с его помощью он начал читать слово, которое всегда следовало за царским именем и поэтому, вероятно, означало "царь". [pg 012] Он обнаружил, что оно очень похоже на слово, означающее "царь" на зендском, старом языке восточных персов, на котором говорили в одной части Персии в то же время, когда на древнеперсидском, языке ахеменидских князей, говорили в другой. Таким образом, не оставалось никаких сомнений в том, что он действительно решил великую проблему и открыл ключ к расшифровке клинописных текстов.

Однако он мало что сделал для завершения этой работы, и прошло много лет, прежде чем в ней был достигнут реальный прогресс. Тем временем изучение Зенда достигло больших успехов, особенно в руках Бурнуфа, который в конце концов обратил свое внимание на клинопись. Но именно ученику Бурнуфа, Лассену, а также сэру Генри Роулинсону принадлежит заслуга окончательного завершения расшифровки этих надписей. Открытие списка персидских сатрапий в надписи Дария в Накш-и-Рустеме и, прежде всего, копия длинной надписи Дария на скале Бехистуна, сделанная сэром Г. Роулинсоном, позволили этим ученым независимо друг от друга построить алфавит, который отличался только значением, присвоенным одному символу, и, с помощью родственных зенда и санскрита,

перевести язык, столь любопытно появившийся на свет. Таким образом, расшифровка персидских клинописных текстов стала уже свершившимся фактом; дальше нужно было расшифровать две версии, которые были начертаны рядом с ними.

Но это оказалось непростой задачей. Слова в них не были разделены друг от друга, а символы, из которых они состояли, были чрезвычайно многочисленны. Однако с помощью часто повторяющихся имен собственных даже эти две версии постепенно уступили [pg 013] терпеливому мастерству дешифровщика; и тогда выяснилось, что одна из них представляет агглютинативный язык, такой как язык турок или финов, а другая - диалект, очень похожий на древнееврейский Ветхого Завета. Памятники, найденные почти сразу после этого в Ассирии и Вавилонии Боттой и Лэйярдом, вскоре прояснили, какому народу принадлежал этот диалект. Оказалось, что ниневийские надписи написаны на том же языке и той же формой клинописи; следовательно, именно для семитского населения Ассирии и Вавилонии персидские цари составили одну из версий своих надписей. Эта версия послужила отправной точкой для расшифровки текстов, которые были обнаружены в результате раскопок в Ассирии.

Можно было подумать, что дальнейший ход дешифровки не вызовет особых затруднений, ведь значения многих ассирийских иероглифов были известны, а сходство языка, на котором они написаны, с ивритом было обнаружено. Но сложная природа ассирийской клинописи - огромное количество символов, используемых в ней, различные фонетические значения одного и того же знака, частое использование идеограмм, обозначающих идеи, а не звуки, - привела к тому, что дешифровка некоторое время продвигалась медленно. Действительно, если бы ассирийские надписи ограничивались теми, что выгравированы на алебастровых быках и других памятниках Ниневии, наши знания об этом языке всегда оставались бы сравнительно ограниченными. Но, к счастью, ассирийцы, как и вавилоняне до них, использовали глину в качестве материала для письма и создали библиотеки, которые были заполнены литературой на обожженных кирпичах.

[pg 014]

Одним из важнейших результатов исследований сэра А. Х. Лэйарда в Ниневии стало открытие разрушенной библиотеки древнего города, ныне погребенной под курганами Куюнджика. Разбитые глиняные таблички, принадлежавшие этой библиотеке, не только предоставили студенту огромную массу литературных материалов, но и стали прямым подспорьем в изучении ассирийского алфавита и языка. Среди литературы, представленной в библиотеке Куюнджика, были списки иероглифов с их различными фонетическими и идеографическими значениями, таблицы синонимов, каталоги названий растений и животных. Однако это было далеко не все. Изобретателями клинописи был народ, предшествовавший семитам в освоении Вавилонии и говоривший на агглютинативном языке, совершенно отличном от языка их семитских преемников. Эти аккадцы, как их обычно называют, оставили после себя значительное количество литературы, которая высоко ценилась семитскими вавилонянами и ассирийцами. Большая часть ниневитских табличек, соответственно, состоит из подстрочных или параллельных переводов с аккадского на ассирийский, а также из книг для чтения, словарей и грамматик, в которых аккадский оригинал помещен рядом с его ассирийским эквивалентом. Часто случается, что значение ранее неизвестного ассирийского слова можно выяснить, обнаружив, что оно передается как аккадское слово, со значением которого мы уже знакомы. Двухязычные тексты не только позволили ученым восстановить давно забытый аккадский язык; они также оказали им максимальную помощь в реконструкции самого ассирийского словаря".

Три экспедиции, проведенные г-ном Джорджем Смитом, а также более поздние экспедиции г-на Ормузда Рассама в значительной степени пополнили коллекцию табличек из Куюнджика, первоначально приобретенных для Британского музея сэром А. Х. Лэйярдом, а также позволили обнаружить несколько других табличек из библиотек Вавилонии. Хотя, таким образом, только одна из многих библиотек, которые сейчас лежат под землей в Вавилонии и Ассирии, еще не исследована должным образом, количество ассирийской литературы в распоряжении студента уже больше, чем содержится во всем Ветхом Завете. Помимо помощи, которую оказывают старые словари и списки слов и иероглифов, он имеет больше возможностей для определения значения слова путем сравнения параллельных отрывков, чем изучающий библейский иврит; и, соответственно, во многих случаях ассирийский язык позволяет определить значение еврейского слова, смысл которого до сих пор был сомнительным.

Кроме того, изучающий ассирийский язык обладает преимуществом, которое не разделяет гебраист. Благодаря своему иероглифическому происхождению, клинописная система письма широко использует так называемые детерминативы, то есть знаки, которые не имеют фонетического значения, но определяют класс, к которому принадлежит слово, которое они сопровождают. Поэтому всегда можно с первого взгляда определить, является ли слово, с которым мы имеем дело, именем мужчины, женщины, божества, реки, страны или города; или, опять же, обозначает ли оно животное, птицу, растение, камень, звезду, лекарство или т. п. Со всеми этими вспомогательными средствами, соответственно, не удивительно, что изучение ассирийского языка достигло огромного прогресса за последние несколько лет, и что [pg 016] обычный исторический текст может быть прочитан с такой же уверенностью, как страница из одной из исторических книг Ветхого Завета. Более того, мы можем сказать, что его можно читать с еще большей уверенностью, поскольку он представляет нам подлинные слова автора оригинала; в то время как текст Ветхого Завета дошел до нас через руки сменяющих друг друга поколений переписчиков, которые испортили многие отрывки так, что они стали грамматически невразумительными.

В то же время иероглифическое происхождение клинописи имело как недостатки, так и преимущества. Составляющие ее знаки могут выражать как идеи, так и звуки; и хотя мы можем знать, какие идеи представлены, мы не всегда можем точно определить, какое произношение им следует присвоить. Так, в английском языке идеограмма + может быть произнесена как "плюс", "добавлено к" или "больше", в зависимости от удовольствия читателя. Ассирийские писцы обычно добавляли один или несколько фонетических знаков к используемым ими идеограммам, чтобы указать их произношение в данном отрывке; но эти "фонетические дополнения", как их называют, часто опускались в случае известных собственных имен, таких как имена местных царей и божеств. Поэтому точное произношение этих имен можно определить только тогда, когда мы найдем их фонетическое написание; и есть одно или два собственных имени, например, имя героя великого халдейского эпоса, которые еще никогда не встречались в фонетическом написании.

Еще один недостаток, связанный с иероглифическим происхождением ассирийской слоговой таблицы, - это количество различных фонетических значений, которые может иметь один и тот же символ. Это вызвало немало проблем на заре расшифровки ассирийского [pg 017]; но это была трудность, которую сами ассирийцы ощущали не меньше, чем мы. Поэтому они приняли различные способы ее преодоления; и по мере того, как эти способы становились известными, трудности перестали ощущаться. Короче говоря, изучение ассирийского языка теперь стоит на такой же надежной и уверенной основе, как и

изучение любого древнего языка, знание которого традиционно передается нам; а древность его памятников, богатство словарного запаса, совершенство грамматики и слоговой характер письма, которое выражает как гласные, так и согласные звуки, - все это в совокупности делает его чрезвычайно важным для изучения семитских языков. Его восстановление не только пролило свет на историю и древности Ветхого Завета, но и послужило иллюстрацией и объяснением языка Ветхого Завета.

[pg 018]

Глава II. Книга Бытия.

Недавние открытия, особенно в Вавилонии и Ассирии, пролили много света на Бытие.- Аккадцы.- Ассирийский рассказ о сотворении мира.- Вавилонская суббота.- Следы рассказа о грехопадении.- Местонахождение Рая.- "Адам" - вавилонское слово.- Халдейская история о потопе.- Сравнение с записью в Бытии.- Вавилонский рассказ о строительстве Вавилона.- Свет, брошенный ассирийскими надписями на имена в Быт. х.-Гомер; Мадай; Яван; Куш и Мизраим; Фут; Ханаан; Элам; Асшур; Арфаксад; Арам; Луд; Нимрод.-Местонахождение Ура.- Приблизительная дата спасения Лота Авраамом.-Египет во времена Авраама.-Списки голода.-Дата назначения Иосифа вторым правителем в Египте.-Сказка о двух братьях.- Гошен.

В мире нет книги, о которой было бы написано больше, чем о Библии, и, возможно, нет такой части Библии, которая породила бы большую литературу, чем Книга Бытия. Каждое слово в ней подвергалось тщательному изучению, то учеными, стремившимися раскрыть ее глубочайший смысл или защитить от нападок противников, то враждебными критиками, стремящимися разоблачить каждый предполагаемый недостаток и уличить ее в ошибках и непоследовательности. Нападающим и защитникам долгое время приходилось довольствоваться теми доказательствами, которые можно было почерпнуть из изучения самой книги или из сомнительных преданий древних народов, переданных писателями Греции и Рима. Такие сообщения были в равной степени несовершенны и недостоверны; историческая критика в эпоху классических авторов еще только зарождалась, и они мало заботились о том, чтобы точно описать [pg 019] традиции рас, которые они презирали. Возникал даже вопрос, можно ли доверять фрагментам египетской, вавилонской и финикийской мифологии или истории, извлеченным христианскими апологетами из утраченных произведений местных авторов, писавших на греческом языке. Египетские династии Манефо, вавилонские истории о сотворении мира и потопе, рассказанные Бероссом, противоречивые финикийские легенды, собранные Филоном Библием, - все они в большей или меньшей степени подозревались в том, что являются выдумкой более позднего времени. Ранние главы Бытия стояли почти в одиночестве; и друзья, и противники чувствовали опасность опираться в своих аргументах на очевидное сходство записанных в них историй с мифами и легендами, содержащимися во фрагментах Манефа, Бероса и Филона Библия.

Теперь все изменилось. Чудесные открытия последнего полувека бросили поток света на древний восточный мир, и часть этого света обязательно отразилась на Книге Бытия.

Памятники Египта, Вавилонии и Ассирии были спасены из своих укрытий, и надписи на них вновь заговорили живыми словами. Мертвый мир вновь ожил благодаря лопате экскаватора и терпеливому труду дешифровщика. Мы оказываемся лицом к лицу с Сеннахерибом, Навуходоносором и Киrom, с теми, чьи имена знакомы нам с детства, но кто до сих пор был для нас лишь именами, лишь теневыми обитателями нереального мира. Благодаря исследованиям последнего полувека мы можем теперь проникнуть в детали их повседневной жизни, изучить их религиозные представления, послушать, как они [pg 020] сами рассказывают о событиях своего времени или о традициях прошлого, которые были переданы им по наследству.

Именно в Вавилонии и Ассирии мы находим иллюстрации к предыдущим главам Бытия, что, впрочем, вполне естественно. Семитский язык, на котором говорили в этих двух странах, был тесно связан с языком Ветхого Завета, так же тесно, как два современных диалекта английского языка связаны друг с другом; и именно из Вавилонии, из Ура Халдейского, который сейчас представлен курганами Мугейра, Авраам отправился в будущий дом своих потомков на западе. Именно к Вавилонии относятся библейские рассказы о грехопадении, потопе и смешении языков: две райские реки - Тигр и Евфрат, ковчег покоился на горах Арарата, а город, построенный вокруг башни, которая, по замыслу людей, должна была доставать до небес, был Вавилон или Вавилон. Вавилония была более древним царством, чем Ассирия, и получила свое название от города Ассур, ныне Калах Шергат на Тигре, первоначальной столицы страны. Она была разделена на две половины: Аккад (Быт. х. 10) - Северная Вавилония, а Сумир, ветхозаветный Шинар, - Южная Вавилония. Первобытное население Сумира и Аккада было связано не с семитской расой, а с племенами, которые до позднейших времен сохранялись в горах Элама. Они говорили на двух однокоренных диалектах, которые были агглютинативными по характеру, как языки современных турок и финнов; то есть грамматические отношения выражались соединением слов, каждое из которых сохраняло самостоятельное значение. Так, in-nin-sun - [pg 021] "он дал его", буквально "он дал", e-mes-na - "из домов", буквально "дом-много домов". В ранний период, который, однако, не может быть точно определен, шумирийцы и аккадцы были захвачены и покорены семитскими вавилонянами более поздней истории, причем Аккад, по-видимому, был первой половиной страны, попавшей под власть новых завоевателей. Возможно, что Касдим, еврейское слово, переведенное в Авторизованной версии как "халдеи" или "халдеи", - это вавилонское casidi, или "завоеватели", название, которое сохранилось за ними после их завоевания.

Аккадцы были изобретателями пиктографических иероглифов, которые впоследствии превратились в клинопись или клинообразную систему письма; они основали великие города Халдеи и достигли высокой степени культуры и цивилизации. В их городах имелись библиотеки, заполненные книгами, написанными частично на папирусе, частично на глине, на которой, пока она была еще мягкой, металлическим стилусом оттискивались знаки. Книги были многочисленны и касались самых разных тем. Среди них особенно выделялись две, которым придавалась особая степень святости. Одна из них содержала магические формулы для защиты от нападения злых духов, другая представляла собой сборник гимнов богам, который использовался жрецами в качестве своеобразного молитвенника. Когда семитские вавилоняне, родственные евреям, арамейцам, финикийцам и арабам, завоевали старое население, они получили от него, наряду с другими элементами культуры, клинописную систему письма и литературу, написанную на ней. Священные гимны по-прежнему служили молитвенниками, но теперь они были снабжены подстрочными переводами [pg 022] на вавилонский (или, как его обычно называют, ассирийский) язык. Часть литературы состояла из юридических кодексов и решений, а поскольку наследование и владение имуществом

часто зависело от их знания, завоевателям было необходимо знать язык покоренного ими народа. Со временем, однако, оба диалекта - сумирский и аккадский - перестали употребляться, но необходимость в их изучении осталась, и мы видим, что вплоть до последних дней существования Ассирии и Вавилонии образованные классы обучались старому вымершему аккадскому языку, так же как в современной Европе учат латынь. Время от времени писцы Сеннахериба или Навуходоносора пытались писать на древнем языке и при этом иногда допускали ошибки, схожие с теми, которые сегодня допускает школьник при написании латыни.

Аккадцы, как и китайцы, были в первую очередь литературным народом. Их представление о хаосе относилось к тому периоду, когда еще не было книг. Соответственно, легенда о сотворении мира, хранящаяся в библиотеке Кутха, содержит следующее любопытное утверждение: "На памятной скрижали никто не писал, никто не объяснял, ибо тела и плоды не рождались на земле". Автору легенды казалось, что искусство письма восходит к самому началу человечества.

Однако эта легенда о сотворении мира - не единственная, которую удалось извлечь из затонувшего корабля ассирийской и вавилонской литературы. Кроме рассказа, приведенного во фрагментах Беросса, есть еще один, который имеет поразительное сходство с рассказом о Сотворении в первой главе Бытия. [pg 023] Однако не похоже, что этот рассказ был аккадского происхождения; во всяком случае, нет никаких признаков того, что он был переведен на ассирийский язык с более древнего аккадского документа, и даже есть основания полагать, что он не может быть более ранним в его нынешней форме, по крайней мере, чем седьмой век до н.э. Мы располагаем, к сожалению, только его частями, поскольку многие из серии глиняных табличек, на которых он был начертан, были потеряны или повреждены. Рассказ начинается следующим образом.

1. В то время небеса над головой не имели ни одного имени,
2. И земля под землей не записала ни одного имени:
3. Да, бездна была их первым творцом,
4. Потоп морской был тем, кто родил их всех.
5. Их воды были заключены в одном месте, и
6. Цветущий тростник был не собран, болотное растение не выросло.
7. В то время боги не выходили на свет, ни один из них,
8. Ни именем не были они записаны, ни судьбой (не были они определены).
9. Тогда были сотворены (великие) боги,
10. Лахму и Лакхаму вышли (первыми),
11. Они выросли....
12. Затем они стали хозяевами неба и земли,
13. Время было долгое (и тогда)
14. Боги Ану (от которых родились Бел и Эа)
15. Воинство неба и земли.

И только когда мы доходим до пятой скрижали серии, где описывается назначение небесных тел - работа четвертого дня творения, согласно Бытию, - повествование снова сохраняется. Здесь мы читаем, что Творец "сделал прекрасными станции великих богов", или звезды, выражение, которое напоминает нам о часто повторяющейся фразе Бытия: "И увидел Бог [pg 024], что это хорошо". Звездам, луне и солнцу было предписано управлять ночью и днем, а также определять год с его месяцами и днями. Однако последняя часть скрижали, как и последняя часть первой скрижали, была уничтожена, а от следующей скрижали - той, что описывала сотворение животных, - остались лишь первые несколько строк. "В то время, - начинается она, - боги в своем собрании создали (живых существ). Они сделали прекрасными могучих (животных). Они заставили живых существ появиться на свет, скот полевой, зверя полевого и гада". Последующее слишком искажено, чтобы передать связный смысл.

Нет нужды указывать на то, насколько близко ассирийское повествование о сотворении мира напоминает Бытие. В нем встречаются даже самые формулировки и фразы Бытия, и хотя не сохранилось ни одного фрагмента, в котором бы прямо говорилось, что работа по сотворению мира была совершена за семь дней, мы можем сделать вывод, что так оно и было, исходя из порядка событий, записанного на скрижалях. Но при всем этом сходстве существует еще большее несходство. Философские концепции, которыми открывается ассирийский рассказ, и политеистическая окраска, которую мы находим в нем далее, не имеют аналогов в Книге Бытия. Дух двух повествований существенно различен.

Последняя табличка, вероятно, содержит рассказ об учреждении субботы. Во всяком случае, мы узнаем, что седьмой день у вавилонян, как и у евреев, считался днем отдыха. Он даже назывался одним и тем же именем "суббота", слово, которое в ассирийском тексте определяется как "день отдыха для сердца", а аккадский эквивалент объясняется как "день завершения труда". В календаре [pg 025] дней святых для месяца Элул, являющегося интеркаляром, седьмой, четырнадцатый, двадцать первый и двадцать восьмой дни лунного месяца считаются субботаами, в которые запрещалось выполнять определенные работы. В эти дни, как сказано, "нельзя есть плоть, приготовленную на огне, нельзя менять одежду тела, нельзя надевать белые одежды, нельзя приносить жертву, царь не должен ездить на своей колеснице и говорить публично, авгур не должен бормотать в тайном месте, нельзя применять лекарства для тела и произносить проклятия". На самом деле не разрешалось делать ничего, что подразумевало бы работу. Вавилонская суббота отличалась от иудейской по сути своей лунным характером. Первая суббота приходилась на первый день месяца, независимо от продолжительности предшествующего ему месяца. В то время как в Ветхом Завете суббота и новолуния отличаются друг от друга, в вавилонском ритуале они объединены. Поэтому неудивительно, что вавилоняне были знакомы с семидневной неделей, каждый день которой был посвящен одной из семи планет; это был промежуток времени, естественно выделенный четырьмя четвертями Луны.

Среди фрагментов ассирийских библиотек до сих пор не найдено ни одного рассказа о грехопадении человека, подобного тому, что содержится в книге Бытия. Мистер Джордж Смит, правда, предполагал, что обнаружил его, но текст, который он отнес к грехопадению, на самом деле является древним гимном Творцу. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что такой рассказ когда-то существовал. Архаичная вавилонская гемма изображает дерево, по обе стороны которого сидят мужчина и женщина, за ними змея, а их руки протянуты к свисающему с дерева [pg 026] плоду. Несколько случайных упоминаний в двуязычных (аккадских и ассирийских) словарях проливают свет на это представление и сообщают нам, что аккадцы знали о "злом змее", "змее ночи" и "тьмы", который привел к

грехопадению человека. Дерево жизни, столь многочисленные иллюстрации которого встречаются на ассирийских памятниках, объявляется "сосной" в Эриду, "святилище бога Ирнина"; а Ирнин - это название Евфрата, если рассматривать его как "змеиную реку", опоясывающую мир, как канат, и являющуюся потоком Хеа, "бога-змея дерева жизни". Евфрат, как мы помним, был одной из рек Рая.

Место, где находился рай, следует искать в Вавилонии. Сад, который насадил Бог, находился в Эдеме, а Эдем, как мы узнаем из клинописей, был древним названием "поля" или равнины Вавилонии, где были созданы первые живые существа. Город Эриду, который жители Шумира называли "хорошим" или "святым", был, как мы видели, святилищем Ирнина, а посреди леса или сада, который когда-то находился рядом с ним, росла "священная сосна", "дерево жизни". Эдемские реки можно найти в реках и каналах Вавилонии. Две из них - Евфрат и Тигр - аккадцы называли Идикла, "река Идикла", библейский Хиддехель, в то время как Пишон - вавилонское слово, означающее "канал", а Гихон может быть аккадским Гуханом, потоком, на котором стоял Вавилон. Даже слово "херувим" имеет вавилонское происхождение. Это имя, данное одному из тех крылатых чудовищ с телом быка и головой человека, которые иногда помещаются в ассирийских скульптурах по обе стороны от дерева жизни. [pg 027] Они стояли у входа в вавилонский дворец и должны были препятствовать злым духам проникать внутрь. Это слово происходит от корня, означающего "приближаться" или "быть рядом", и, возможно, первоначально означало того, кто был близок к Богу.

Как и *херувим*, *Адам* также был вавилонским словом. Оно имеет общее значение "человек" и используется в этом смысле как в древнееврейском, так и в ассирийском языках. Но как в иврите оно стало собственным именем первого человека, так и в старых вавилонских легендах "адамиты" были "белой расой" семитского происхождения, которая заметно контрастировала с "черными головами" или аккадцами первобытной Вавилонии. Однако изначально именно эта темная раса претендовала на роль "людей", которых создал бог Меродах; и только после семитского завоевания Халдеи дети Адаму или Адама стали обозначать белое семитское население. Поэтому темную расу до последнего называли адамату или "краснокожими", что народная этимология связывает с адаму "человек". Сэр Х. Роулинсон провел параллель между темной и белой расами Вавилонии и "сынами Божьими" и "дочерьми человеческими" из Бытия. Адам, как нам говорят, был "сыном Божьим" (Лк. iii. 38). Но ничего похожего на то, что мы читаем в шестой главе Бытия, пока не найдено среди клинописных записей, и хотя в них говорится о гигантских героях, таких как Нер и Этанна, живших до Потопа, мы ничего не знаем об их происхождении.

Вавилоняне, однако, прекрасно понимали, что потоп был вызван порочностью человеческой расы. Часто отмечалось, что, хотя [pg 028] предания о всеобщем или частичном потопе встречаются по всему миру, только в Ветхом Завете его причина носит нравственный характер. Халдейский рассказ о потопе, обнаруженный г-ном Джорджем Смитом, представляет собой исключение из этого правила. Здесь, как и в Бытие, Сисутрос, аккадский Ной, спасается от гибели благодаря своей набожности, а остальное человечество тонет в наказание за свои грехи.

История о потопе стала темой не одной поэмы аккадцев. Две из них были объединены автором великого эпоса в двенадцати книгах, в котором описывались приключения солнечного героя, чье имя нельзя прочитать с уверенностью, но можно условно назвать Гисдхубар. Объединенный рассказ был введен в качестве эпизода в одиннадцатую книгу. Весь эпос был выстроен по астрономическому принципу, так что каждая книга должна соответствовать одному из знаков Зодиака, одиннадцатая книга, следовательно, отвечает Водолею. Сисутрос, который был переведен без смерти, подобно библейскому Еноху,

вынужден сам рассказать историю Гисдубару. Гисдубар в поисках здоровья отправился на берега реки смерти в устье Евфрата, и здесь вдали, в потустороннем мире, он видит и беседует с Сисутросом. Фрагменты нескольких редакций поэмы были найдены не только среди развалин Ниневии, но и в Вавилонии, и, соединив их вместе, удалось восстановить почти весь первоначальный текст. Переводы, сделанные разными учеными, обязательно улучшались по мере прогресса ассирийских исследований, и хотя первый перевод, сделанный мистером Джорджем Смитом, был в основном правильным, в нем было [pg 029] много мелких неточностей, которые впоследствии пришлось исправлять. Самой последней и лучшей версией является та, что была опубликована профессором Хауптом. На ней основан следующий перевод этого рассказа:-

(Кол. I) "Сисутрос говорит с ним, даже с Гисдубаром: Позволь мне открыть тебе, Гисдхубар, историю моего сохранения, и оракул богов позволь мне рассказать тебе. Город Суриппак, город, который, как ты знаешь, построен на Евфрате, этот город был уже древним, когда боги в нем задумали устроить потоп, даже великие боги, каких много - их отец Ану, их царь-воин Бел, их престолонаследник Адар, их князь Эн-Нуги. Эа, владыка мудрости, сидел вместе с ними и повторял их постановление: "Для их лодки! Как лодка, как лодка, корпус, корпус! Слушай их лодку и понимай корпус, о человек Суриппака, сын Убара-Туту; выкопай дом, построй корабль, сохрани, что сможешь, из зародыша жизни. (Боги) уничтожат семя жизни, но ты живи, и попроси семя жизни всякого рода взойти в середину корабля. Корабль, который ты построишь, ... локтей должна быть длина его в меру, ... локтей содержание ширины его и высоты его. (Над) глубиной покрой его". Я понял и сказал Эа, господину моему: "Построй корабль, который ты повелел так, если это сделаю я, то дети народа и старики (одинаково) будут смеяться надо мной". Эа открыл уста свои и сказал, обращаясь ко мне, рабу своему: "Если они будут смеяться над тобой, ты скажи им: (каждый), кто ополчился против меня и (не верит прорицанию, которое) было мне дано, ... Я буду судить вверху и внизу. (Но что касается тебя) не закрывай дверь (пока) не придет время, о котором Я пошлю тебе [pg 030] слово. (Тогда) войди в дверь корабля и введи в середину его зерно твое, имущество твое и товары твои, семью твою, домочадцев твоих, наложниц твоих и сыновей народа. Скот полевой и диких зверей полевых, сколько я сохраняю, я пошлю к тебе, и они будут стеречь дверь твою". Сисутрос открыл уста свои и говорит; он говорит Эа, своему господину: "О господин мой, никто еще не строил корабля (таким образом) на суше, чтобы содержать зверей (полевых). (План?) Дай мне посмотреть, и корабль (я построю). На земле корабль (я построю), как ты повелел мне"...

(Кол. II) "...В пятый день (после начала его) в окружности его четырнадцать мер корпуса его (отмерил); четырнадцать мер отмерил (крыши) над ним. Я сделал его жилым домом (....). Я оградил его. Шесть раз Я уплотнял его, семь раз Я делил (его проходы), семь раз Я делил его внутренность. Утечки для вод посреди него Я отрезал. Я увидел прорехи, и то, чего не хватало, я добавил. Три сари битума я налил снаружи. Три сари битума я вылил внутрь. Три сари людей, несущих корзины, которые несли на головах еду, я предоставил, даже саро еды для людей, а два сари еды лодочники разделили. В жертву (богам) я приносил волов; я (устанавливал жертвоприношения) каждый день. Пиво, пищу и вино (в корабль) я собрал, как воды реки, и (нагромоздил их), как пыль(?) земную, и (в корабль) еду рукой своей положил. (С помощью) Самаса [Бога-Солнца] было закончено уплотнение корабля; (все части корабля) были сделаны прочными, и я заставил такелаж нестись вверх и вниз. (Тогда из моих домашних) ушло две трети: все, что у меня было, я собрал вместе; все, что у меня было [pg 031] серебра, я собрал вместе; все, что у меня было из золота, я собрал вместе; все, что у меня было из семени жизни, я собрал вместе. Все это я перенес в корабль; всех рабов моих и наложниц, скот полевой и зверей полевых, сыновей народных, всех их я перенес. И назначил

Самас время, и сказал: "Ночью я вызову на небо дождь разрушения. Войди в середину корабля и закрой двери твои". Наступило время, и он сказал: "Ночью я вызову на небо дождь разрушения". В тот день я достиг вечера, дня, которого я со страхом ожидал. Я вошел в середину корабля и затворил дверь, чтобы закрыть корабль". Бузур-сади-раби, лодочнику, я отдал дворец со всем его имуществом. Затем с горизонта неба (подобно) черной туче поднялась Му-сери-и-намари (Вода рассвета при свете дня). Риммон посреди нее гремит, и Небо и Бог Ветра идут впереди: престолонаследники идут через горы и равнины: Нергал могучий удаляет нечестивых; Адар идет, повергая всех перед собой. Духи земли несут потоп; в своем ужасе они проносятся по земле; потоп Риммона достигает небес; все, что было светом, обратилось во тьму".

(Кол. III) "(Поверхность) земли, как (огонь?), они расточили; (они уничтожили все) живое с лица земли; на битву с людьми они привели (воды). Брат не видел брата своего; люди не знали друг друга. На небе боги убоялись потопа и искали убежища; они вознеслись на небо Ану. Боги, как собака в своей конуре, сбились в кучу. Истар плачет, как мать, великая богиня произносит свою речь: "Все в глину обратилось, и зло я [pg 032] пророчила в присутствии богов, как я пророчила зло в присутствии богов, для гибели моего народа я пророчила (это) против него; и хотя я, мать их, родила мой народ, как икра рыб, они наполняют море". Тогда боги плакали вместе с нею о духах земли; боги на троне сидели в плаче; покрыты были уста их от грядущего зла. Шесть дней и ночей продолжается ветер, потоп и буря. На седьмой день, когда приблизился день, буря утихла, потоп, который сражался с людьми, как вооруженное войско, успокоился. Море стало высыхать, а ветер и потоп прекратились. Я смотрел, как шумит море, и все человечество превратилось в глину; как тростник, плавали трупы. Я открыл окно, и свет пал на лицо мое; я опустил и сел; я плачу, по лицу моему текут слезы мои. Я смотрю на области у края моря; округ поднялся на двенадцать мер в высоту. К земле Низир направил корабль; гора Низир остановила корабль, и он не мог перевалить через нее. В первый день, во второй день гора Низира остановила корабль. На третий день, на четвертый день гора Низир остановила корабль. Пятый день, шестой день, гора Низир остановила корабль. На седьмой день, когда он приблизился, я послал голубя, и он улетел. Голубь полетел и вернулся, и не нашел места для отдыха, и вернулся. Затем я послал ласточку, и она улетела. Ласточка полетела и вернулась, и не нашла места для отдыха, и вернулась. Я послал ворона, и он улетел. Ворон пошел и увидел на воде падаль, и поел, и поплыл, и побрел; и не вернулся. Я послал (животных) на четыре ветра, я [pg 033] принес жертву. Я построил алтарь на вершине горы. Я поставил сосуды [каждый из которых содержал треть эфы] по семеркам; под ними я разложил тростник, сосновое дерево и пряности. Боги почувствовали аромат; боги почувствовали приятный запах; боги, как мухи, собрались над жертвоприношениями. Тогда великая богиня при своем приближении осветила радугу, которую Ану создал по своей славе. Хрустальный блеск тех богов, что были передо мной, да не забуду я";

(Col. IV) "О тех днях я думал, и никогда не смогу забыть их. Пусть боги приходят к моему алтарю; но пусть Бел не приходит к моему алтарю, так как он не задумался, а вызвал потоп, и мой народ он отправил в бездну". Когда же Бэл при приближении своем увидел корабль, Бэл остановился; он исполнился гнева против богов и духов небесных: "Пусть никто не выйдет живым! пусть никто не живет в бездне! Открыл Адар уста свои и заговорил, говорит он воину Бэлу: "Кто, кроме Эа, может составить замысел? Да, Эа знает и все передает". Эа открыл уста свои и заговорил, и говорит воину Бэлу: "Ты, о воинственный князь богов, почему, почему ты не подумал, а вызвал потоп? Пусть понесет грешник грех свой, пусть понесет нечестивец нечестие свое. Пусть праведный князь не будет отсечен, пусть верные не будут (уничтожены). Вместо того чтобы вызвать потоп, пусть увеличатся львы, чтобы люди были убиты; вместо

того чтобы вызвать потоп, пусть увеличатся гиены, чтобы люди были убиты; вместо того чтобы вызвать потоп, пусть случится голод, чтобы люди были расточены; вместо того чтобы вызвать потоп, пусть увеличится чума, чтобы люди были уменьшены. Я не открыл решения великих богов. Одному Сисутросу я послал сон, и он услышал [pg 034] решение богов". Когда Бел снова посоветовался с самим собой, он вышел на середину корабля. Он взял меня за руку и велел мне подняться, даже мне велел подняться; он соединил мою жену со мной; он обратился к нам и соединил себя с нами в завет; он благословил нас (так): "До сих пор Сисутрос был смертным человеком, но теперь Сисутрос и его жена соединились вместе, чтобы стать подобными богам; да, Сисутрос будет жить вдали, в устье рек". Они взяли меня, и вдали, у устья рек, поселили меня".

Вряд ли есть необходимость указывать точки согласия и несогласия между этим вавилонским рассказом о потопе и рассказом Бытия. Самое поразительное различие между ними, которое бросается в глаза, - это политеизм вавилонской версии в отличие от монотеизма библейского повествования. Здесь вместо богов Халдеи перед нами предстает единое верховное Божество; мы больше не имеем дела с Белом, который требует заступничества Эа, прежде чем согласится не губить невинных вместе с виновными; это сам Господь, который "сказал в сердце Своем: не буду больше проклинать землю ради человека". В вавилонской легенде, кроме того, Ной и Енох смешаны вместе; Сисутрос не только спасен от вод потопа, но и переведен в обитель богов. Сам сосуд, в котором хранилось семя жизни, в двух историях не одинаков. Согласно древнееврейскому повествованию, это был ковчег, согласно вавилонской поэме - корабль. Правда, в одном месте он называется "дворцом", причем используется то же слово, которое во многих отрывках Ветхого Завета применяется к небесному "дворцу" Бога; [pg 035] но у него есть лоцман, Бузур-сади-раби, "Бог Солнца могучей горы", а Сисутрос вынужден возражать по поводу странности постройки корабля, который должен плыть над сушей. Следует, однако, заметить, что святилища, в которых перевозили изображения богов, в Вавилонии назывались "кораблями" и что эти "корабли" соответствовали ковчегу древнееврейской скинии.

Земля Низир, в которой покоился корабль Сисутроса, находилась среди гор Пир-Мама, на северо-востоке Вавилонии. Ровандиз, самая высокая вершина в этой части Азии, возвышается немного севернее Пир-Мама, и поэтому кажется вероятным, что она представляет собой "гору Низир". Вся эта страна была включена аккадцами в обширную территорию Гути, или Гутиум, что примерно соответствует современному Курдистану. Соответственно, стоит отметить, что широко распространенная восточная традиция считает Гебель-Гуди, или гору Гуди, горой, на которой покоился ковчег, и что в ранней еврейской легенде эта гора называется Лубар или Барис, граница между Арменией и Курдистаном, в земле Минни. Арарат, или Урардху, как написано в клинописных надписях, обозначал Армению, а в особенности район вокруг озера Ван; так что "горы Араратские", о которых говорит Бытие, вполне могли быть курдскими хребтами Южной Армении. Только в очень поздний период название Арарат впервые было применено, и то только к высоким горам на севере.

В аккадской мифологии Ровандиз, по-видимому, также считался Олимпом, на котором обитали боги. В этом случае она обычно называлась "горой востока"; но восток здесь был северо-востоком, поскольку [pg 036] других легендах она отождествлялась с Аралу, или Аидом, золотой горой, которая, по преданиям, находилась на крайнем севере. Именно на этот аккадский Олимпос ссылается Иса. xiv. 13, где вавилонский царь описывается как хвастливый, что он "взойдет на небо и возвысит престол свой над звездами богов", что он

"воссядет на горе собрания богов на крайнем севере". Эту гору иногда называли "горой мира", поскольку предполагалось, что небосвод вращается на ее вершине, как на шарнире. Однако мы не должны думать, что аккадцы, как и греки, действительно верили в то, что боги живут над облаками на земной Ровандиз, за исключением очень раннего периода их истории. Как мы не думаем о небе, когда используем слово "небо" в духовном смысле, так и под "горой собрания богов" они подразумевали духовную гору, земным типом которой был Ровандиз. Именно этим мы должны объяснить то положение, которое занял Сисутрос после своего перевода. Он не живет вместе с богами на севере, а располагается "в устье рек" Евфрата и Тигра, которые в древности впадали в Персидский залив по отдельным руслам. В эпоху, когда географические познания аккадцев не простирались очень далеко, неизвестный район за устьем Евфрата стал представителем потустороннего мира; а сам Евфрат отождествлялся с Датиллой, рекой "бога жизни и смерти", а также с потоком или "великой глубиной", которая, как предполагалось, опоясывает землю подобно чудовищному змею.

Имя халдейского Ноя, Сисутрос, или, как оно [pg 037] написано клинописью, Хасис-адра, или Адра-хасис, на самом деле является титулом, данным ему за его праведность и означающим "мудрый (и) благочестивый". Его собственное имя означает "Солнце жизни", хотя его точное произношение несколько неясно. Ни одно из этих имен не совпадает с библейским Ноем, но последнее получило полное объяснение в ассирийском языке, где оно означает "покой".

После Потопа в книге Бытия рассказывается, что люди путешествовали с востока, пока не пришли на равнину Синар, где построили Вавилонскую башню в тщетной надежде подняться на небо. Однако Бог смутил их язык и рассеял их по лицу земли. Упоминания в этом повествовании о Шинаре и Вавилоне указывают на то, что здесь мы снова можем ожидать найти вавилонский рассказ о смешении языков, точно так же, как мы нашли вавилонский рассказ о потопе. Как мы уже видели, аккадцы считали себя выходцами с "горы востока", где покоился ковчег, а Шинар - это древнееврейская форма родного имени Сумир - или Сунгирь, как оно произносилось на родственном диалекте Аккада - южной половины досемитской Вавилонии. Теперь мистер Джордж Смит обнаружил несколько разбитых фрагментов клинописного текста, который, очевидно, относится к строительству Вавилонской башни. В нем рассказывается о том, как некоторые люди "восстали против отца всех богов" и как помыслы сердца их вождя "были злы". В Вавилоне они попытались построить "курган" или башню, похожую на холм, но ветры сдули их работу, и Ану "смутил великих и малых на кургане", а также их "речь" и "сделал странным их совет". То самое слово, которое используется в значении "сбивать с толку" [pg 038] в повествовании Бытия, используется и в ассирийском тексте. Библейский автор, используя нередкую в Ветхом Завете игру слов, сравнивает его с названием Вавилона, хотя этимологически последнее слово не имеет к нему никакого отношения. Вавилон - ассирийское Babilî, "Врата Бога", и это всего лишь семитский перевод старого аккадского (или, скорее, шумерского) названия города, Са-dimîra, где Са - "врата", а dimîra - "Бог". Халдейская традиция относит строительство башни и последующее смешение языков ко времени осеннего равноденствия; и возможно, что царь-герой Этанна (Титан у греческих писателей), , который, как утверждается, построил город вопреки воле небес, был тем нечестивым вождем, при котором была воздвигнута башня.

За смешением языков последовало рассеяние человечества. Землю вновь заселили потомки трех сыновей Ноя - Шема, Хама и Иафета. Шем - это ассирийское Саму, "оливкового цвета", Хам - Хамму, "жгуче-черный", а Иафет - Иппат, "белая раса". Племена и расы, ведущие от них свое происхождение, перечислены в десятой главе Бытия. Однако эта глава имеет

географический, а не этнологический характер; народы, названные в ней, сгруппированы в соответствии с их географическим положением, а не по кровному или языковому родству. Так, несемитские эламиты отнесены к семитским ассирийцам, а ханаанские финикийцы, говорившие на том же языке, что и евреи, и происходившие от тех же предков, ассоциируются с египтянами. Если признать этот факт, то нетрудно показать, что утверждения этой главы полностью соответствуют выводам современных исследований.

[pg 039]

Ассирийские надписи пролили свет на имена, содержащиеся в ней. Гомер, сын Иафета, представляет Гимирраев из надписей, Киммерийцев классических писателей. Потесненные скифами русских степей, они угрожали захватить Ассирийскую империю под предводительством Тейспеша, но были разбиты Эсар-Хаддоном в 670 г. до н. э. в великой битве на северо-восточной границе его царства и оттеснены на запад в Малую Азию. Там они разграбили греческий город Синопе и, как саранча, распространились по плодородным равнинам Лидии. Среди даров, присланных в Ниневию лидийским царем Гугу или Гигесом - имя, в котором мы можем увидеть Гога из Иезекииля, - были два киммерийских вождя, которых он захватил собственной рукой. После этого Гигес был убит в битве с варварами, и прошло несколько лет, прежде чем они были окончательно истреблены.

Мадаи - меды, название, данное ассирийцами многочисленным племенам к востоку от Курдистана. Впервые они упоминаются в надписях около 820 года до н. э. и были частично покорены Тиглатом-Пилесером II и его преемниками. В это время они жили независимыми общинами, каждая из которых управлялась своим "городским вождем". Медийская империя, поднявшаяся на руинах Ниневии, на самом деле была творением царей Экбатаны, современного Хамадана. Население этого района было известно вавилонянам как манды, или "варвары", и из-за путаницы последнего слова с собственным именем Madâ, или "меды", историки были вынуждены предположить, что империя Экбатана была мидийской.

Яван - это греческое слово "ионийский", но в Ветхом Завете оно обычно применяется к острову [pg 040] Кипр, который на ассирийских памятниках называется островом Явнан, или ионийцев. Более конкретное название острова на иврите - Киттим, происходящее от названия финикийской колонии Китион, которую сейчас представляет Ларнака. Впервые Кипр был посещен вавилонянами в очень отдаленный период, поскольку Саргон I Аккадский, который, согласно Набониду (ок. 550 г.), жил за 3 200 лет до его времени, довел свое оружие до его берегов. Что касается Тубала и Мешеха, то они так же часто ассоциируются вместе в ассирийских надписях, как и в Библии. В ветхозаветные времена Тубал или Тибарени занимали юго-восточную часть Каппадокии, а Мешех или Мосхи примыкали к ним на севере и западе. Ашкеназ - это ассирийское Асгуза, название района, который находился между царствами Экбатана и Минни.

Куш и Мизраим обозначают Эфиопию и Египет, причем Эфиопия примерно соответствует современной Нубии. Поскольку Эфиопия была в основном заселена племенами, пришедшими через Красное море из Южной Аравии, имя Куш в Ветхом Завете (как в стихе 7 этой главы) было дано и Южной Аравии. Однако, говоря правильно, оно обозначало страну, которая начиналась на южной стороне Первого катаракта. Мизраим означает "два Мацора", то есть Верхний и Нижний Египет. Нижний Египет был первоначальным Мацором, словом, означающим "стена", и относился к линии укреплений, защищавших царство с восточной стороны от нападений азиатских племен. Это слово неоднократно встречается у библейских писателей, хотя в Авторизованной версии его смысл затушеван. Так, в Ис. xxxvii. 25 Сеннахериб хвастается, что он "иссушил все реки [pg 041] Мацора", то есть устья Нила; а в

Ис. хіх. 6 вместо "ручьи обороны" следует перевести "нильские рукава Мацора". В то время как Мацор был названием Нижнего Египта, Верхний Египет назывался Патрос (Ис. хі. 11), что является египетским Pe-to-res или "южной землей". Патрусим, или жители Патроса, упоминаются среди сыновей Мизраима в главе Бытия, над которой мы сейчас работаем.

Пхут - это, по-видимому, египетский Пунт на побережье Сомали. Из него привозили пряности и другие ценные товары, и египтяне иногда называли его "божественной землей". Лехаим из стиха 13 - это ливийцы, а Нафтухим, возможно, жители Напаты в Эфиопии. Кафторим, или жители Кафтора, - это финикийское население, поселившееся на побережье Дельты. С раннего периода весь этот район был колонизирован финикийцами, и, поскольку сама Финикия называлась египтянами Кефт, часть Египта, в которой они поселились, получила название Кефт-ур или "большая Финикия". Из различных отрывков Ветхого [Завета](#)¹ мы узнаем, что филистимляне, которых цари Египта когда-то наняли для гарнизона пяти городов на крайнем юге Палестины, первоначально были финикийцами из Кафтора, так что слова стиха перед нами должны были быть перемещены со своего места: "Кафторим, от которых произошли филистимляне" - правильное прочтение.

Ханаан означает "низменность", и в первую очередь так называлось побережье, на котором были построены великие города Финикии. Однако, поскольку внутренние районы страны были заселены родственным населением, название [pg 042] стало обозначать всю Палестину, так же как сама Палестина первоначально означала лишь небольшую территорию филистимлян. В пророчестве Исайи о Тире (xxiii. 11) это слово используется в его примитивном значении, хотя и здесь Авторизованная версия ввела в заблуждение английского читателя, неправильно переведя "город торговцев" вместо "Ханаан". Сидон, "город рыбаков", был самым древним из ханаанских или финикийских городов; как и Тир, он был разделен на два квартала, называвшихся соответственно Большим и Малым Сидоном. С севера к финикийцам примыкал Хет, или хифиты; о них нам предстоит многое сказать в одной из следующих глав, поэтому сейчас мы обойдем их стороной. Аморит был жителем гор Палестины, в отличие от ханаанея или жителя низин, и это имя встречается на египетских памятниках. Города Арка и Сими́рра (или Земар) упоминаются Тиглатом-Пилезером II, а город Арвад или Арадос (ныне Руад) неоднократно упоминается в ассирийских надписях. Также упоминается Хамат (ныне Хама), который был завоеван Саргоном и стал резиденцией ассирийского правителя.

Название Элам впервые получило свое объяснение благодаря расшифровке ассирийских текстов. Это название горной области к востоку от Вавилонии, столицей которой в свое время был Шушан или Сузы, и оно представляет собой не что иное, как ассирийское слово elam, "высокий". Элам - это перевод аккадского Numma, под которым аккадцы подразумевали все нагорье, ограничивающее равнину Вавилонии с восточной стороны. Здесь находилась древняя монархия, соперничавшая в древности с Халдеей, и долгое время являвшаяся опасным соседом [pg 043] последней. Однако она была окончательно свергнута ассирийским царем Ассур-бани-палом около 645 года до н.э. Родовое название страны - Анзан или Ансан, а название ее столицы, Сусан или Шушан, на языке ее жителей, по-видимому, означало "старый город".

Асшур или Ассур первоначально был названием города на берегу Тигра, руины которого сейчас известны как Калах Шергат. Название имело аккадское происхождение и означало "берег воды". Город долгое время оставался столицей округа, названного по его имени Ассирией, но в конце концов был вытеснен Нинуа или Ниневией. Ниневия находилась напротив современного города Мосул, и именно из остатков ее главного дворца, ныне погребенного под курганами Куюнджика, было привезено большинство ассирийских

надписей, хранящихся в Британском музее. В нескольких милях к югу от Ниневии, на месте, известном сейчас как Нимруд, находился Калах, город, построенный Шалманезером I, жившим до 1300 года. Впоследствии Калах пришел в упадок, но был восстановлен в девятом веке до нашей эры. "Между Ниневией и Калой, согласно Бытию, стоял Ресен. Ресен - это ассирийское Рис-ени, "голова потока", который однажды упоминается в надписи Сеннахериба. Рехобот-Ир, или "открытые пространства города", должно быть, обозначает пригород Ниневии и не может быть отождествлен с Дур-Саррукином, основанным Саргоном в Хорсабаде, в нескольких милях к северу.

Из контекста ясно, что Арфаксад должен означать Халдею; этот вывод подтверждается тем фактом, что это имя также может произноситься как Арпа-Чесед, или "граница Халдеи". Чесед - единственное число от Касдим, слова, используемого в Ветхом Завете для [pg 044] обозначения жителей Вавилонии. Происхождение этого слова сомнительно, но, как уже было сказано выше, оно, скорее всего, обозначает ассирийских касидов, "завоевателей", термин, который вполне можно применить к семитским завоевателям Сумира и Аккада. Греческое слово "халдеи" происходит от калда, племени, жившего на берегах Персидского залива, и впервые упоминается в девятом веке до нашей эры. При Меродахе-Баладани калдаи стали хозяевами Вавилонии и настолько полноправной частью ее населения, что в классические времена дали свое имя всей стране.

Арам, брат Арфаксада, представляет, конечно, арамейцев Арама, или "нагорья", которое включало большую часть Месопотамии и Сирии. В поздние времена Ассирийской империи арамейский язык, язык Арама, стал общим языком торговли и дипломатии, который должен был выучить каждый купец и политик, а в более поздние времена ему удалось вытеснить ассирийский язык в Ассирии и Вавилонии, а также иврит в Палестине, пока его, в свою очередь, не вытеснил арабский.

Луд кажется неверным прочтением; во всяком случае, Лидия и лидийцы, расположенные на крайнем западном побережье Малой Азии, не имели ничего общего с народами Элама, Ассирии и Арама. Однако каково было первоначальное прочтение, сейчас уже невозможно сказать.

Среди всех этих географических названий мы находим упоминание о "могучем охотнике" Нимроде, началом царства которого, как нам говорят, был Вавилон, и Эрех, и Аккад, и Калнех в земле Шинар. Его имя пока не обнаружено в клинописных записях. Некоторые ассирийские ученые [pg 045] хотели отождествить его с Гисдубаром, героем великого халдейского эпоса, содержащего рассказ о потопе; но Гисдубар был солнечным героем, который первоначально был аккадским богом огня. Правда, Гисдубар был особым божеством города Марад, и На-Марад на аккадском языке означал бы "князь Марада"; однако в надписях такой титул не встречается. Эрех, называемый на памятниках Уруком, сейчас представлен курганами Варки, расположенными далеко к югу от Вавилона, и был одним из древнейших и важнейших вавилонских городов. Как и Калнех, Кул-уну на памятниках, он был расположен в разделе страны, известном как Сумир или Шинар. Аккад, от которого произошло название северной части страны, был пригородом Сиппара (ныне Абу-Хабба) и вместе с ним составлял сефарваим или "два Сиппара" Писания. Аккадская форма названия - Агаде, и здесь находилась большая библиотека, созданная в далекие времена Саргоном I и содержащая, среди прочих сокровищ, труд по астрономии и астрологии в семидесяти двух книгах.

Перевод стиха, следующего за перечислением вавилонских городов Нимрода, вызывает сомнения. Возникает вопрос, следует ли переводить его в соответствии с Авторизованной

версией: "Из той земли вышел Ассур", или предпочесть альтернативный перевод: "Из той земли он пошел в Ассирию". В пользу последнего варианта говорит Михей, ст. 6, где "земля Нимрода", по-видимому, означает Ассирию. Но вопрос не может быть окончательно решен до тех пор, пока мы не обнаружим на памятниках какую-то положительную информацию о Нимроде.

Однако если на личность Нимрода современные [pg 046] исследования пролили мало света, то в отношении Авраама это отнюдь не так. Абу-раму или Абрам, "возвышенный отец", первоначальное имя Авраама, - имя, которое также встречается в ранних вавилонских договорных таблицах. Сара, опять же, - ассирийское саррат, "царица", а Милка, дочь Харана, - ассирийское милкат, "принцесса". Место, где находился Ур Халдейский, родина Авраама, было обнаружено, а среди руин его храмов были проведены раскопки. Это место сейчас называется Мугейр и находится на западном берегу Евфрата, на границе пустыни, сразу к западу от Эреха. Главный храм Ура был посвящен богу Луны, и аккадские надписи на его кирпичах, свидетельствующие о его основании, являются одними из самых ранних, которыми мы располагаем. На самом деле это была столица одной из древнейших досемитских династий, а само ее название, Уру или Ур, является лишь семитской формой аккадского *eri*, "город". Вполне вероятно, что он перешел в руки семитских "касдимов" еще до эпохи Авраама; во всяком случае, он уже давно был курортом семитских торговцев, которые перестали вести бродячую жизнь своих предков в Аравийской пустыне. Из Ура отец Авраама переселился в Харан, расположенный в северной части Месопотамии, на большой дороге, которая вела из Вавилонии и Ассирии в Сирию и Палестину. Почему он должен был переселиться в столь отдаленный город, было большой загадкой, и ученые склонялись к тому, чтобы поместить Ур и Харан в неправильные места; но и здесь клинописные надписи, наконец, дали нам ключ к разгадке. Еще в аккадскую эпоху район, в котором был построен Харан, принадлежал правителям Вавилонии; Харан был, по сути, пограничным городом империи, одновременно контролируя [pg 047] шоссе на запад и броды Евфрата; само название было аккадским и означало "дорога", а божеством, которому он был посвящен, был бог луны из Ура. Символом этого божества был конический камень со звездой над ним, а драгоценные камни с выгравированным на них символом можно увидеть в Британском музее.

Дорога, проходившая через Харан, была хорошо известна халдейским царям и их подданным. Саргон I Аккадский и его сын Нарам-Син уже совершали походы на дальний запад. Саргон высекал свои изображения на скалах средиземноморского побережья и даже переправился на остров Кипр. Поэтому поход Хедор-лаомера и его союзников, о котором говорится в четырнадцатой главе Бытия, не был чем-то новым. Земля Ханаана уже ощущала на себе топот вавилонских ног. Мы даже можем определить приблизительную дату, когда произошел поход, когда Авраам и его единомышленники нанесли захватчикам поражение и отвоевали у них добычу в Южной Палестине. Как нам рассказывают, в течение двенадцати лет племена в окрестностях Мертвого моря служили Хедор-Лаомеру, царю Элама, а затем восстали; но за восстанием быстро последовало вторжение. Хедор-Лаомер и "цари, которые были с ним" - Амрафель, царь Шинара, Ариох, царь Элласара, и Тидал, "царь народов", - выступили против восставших, победили их в битве и увели в плен. Имя Ариоха действительно встречается на клинописных памятниках. Были обнаружены кирпичи с выгравированной легендой об Эри-аку, царе Ларсы, сыне эламита Кудур-Мабуга. Эри-аку означает на аккадском языке "слуга бога луны", а Ларса, его столица, теперь представлена [pg 048] курганами Сенкерех, немного восточнее Эреха. Кудур-Мабуг назван "отцом

Палестины", и поэтому кажется, что он претендовал на главенство над Ханааном. Его имя - эламское, означающее "слуга бога Мабуга", и близко к библейскому Хедор-лаомеру, то есть Кудур-Лагамару, "слуге бога Лагамара". Однако Лагамар и Мабуг были разными божествами, и поэтому мы не можем отождествлять Хедор-лаомера и Кудур-Мабуга. Но весьма вероятно, что они были братьями, причем Хедор-Лаомер был старшим и властвовал в Эламе, а его племянник Эри-аку подчинялся ему в Южной Вавилонии. Во всяком случае, из истории Бытия ясно, что Вавилон в это время подчинялся Эламу и находился под властью более чем одного правителя. Амрафель был царем той части Сумира, или Южной Халдеи, которая не входила во владения царя Ларсы; и тот факт, что повествование начинается с утверждения, что поход в Палестину был совершен в его дни, похоже, подразумевает, что весь рассказ был взят из вавилонских архивов. Что касается "Тидала, царя народов", то вполне возможно, что в Септуагинте мы должны читать Тургал (Торгал), в то время как Гойим или "народы", как показал сэр Генри Роулинсон, являются ошибочным прочтением Гутиума, названия, данного стране к северу от Вавилонии, которая простиралась от Месопотамии до гор Курдистана, и в пределах которой впоследствии возникло царство Ассирия.

Так, ассирийский царь Ассур-бани-пал рассказывает, что изображение богини Наны было унесено из Вавилонии эламским царем Кудур-Нанхунди, когда он захватил Халдею за 1635 лет до своего [pg 049] времени, то есть в 2280 году до н. э.с. Возможно, что это вторжение Кудур-Нанхунди стало началом господства эламитов в Вавилонии, и что Кудур-Мабуг и Хедор-Лаомер были его потомками. Если это так, то мы получим приблизительную дату спасения Лота Авраамом, а следовательно, и возраст самого Авраама.

Четырнадцатая глава Бытия - последняя в Книге, относящаяся к Вавилонии. Теперь история обращается к Египту, и поэтому именно в памятниках Египта, а не Вавилонии и Ассирии, мы отныне должны искать свет и информацию.

Среди египтян не сохранилось никаких преданий о потопе. Однако они верили, что было время, когда большая часть человечества была уничтожена разгневанными богами. В одном из мифов рассказывалось, как однажды люди произнесли враждебные слова в адрес своего создателя Ра, бога Солнца, и тот послал богиню Хатхор убить их, так что земля была залита их кровью вплоть до города Ираклеополя. Затем Ра выпил 7000 кубков вина, приготовленного из плодов Египта и смешанного с кровью убитых; сердце его возрадовалось, и он дал клятву, что больше не будет уничтожать человечество. Дождь наполнил колодцы, и Ра вышел на бой со своими врагами-людьми. Их луки были сломаны, а сами они убиты, и бог вернулся победителем на небо, где создал Рай и звездный народ. Этот миф согласуется с другим, согласно которому человечество появилось из глаз Ра, хотя существует и другая легенда о сотворении мира, в которой утверждается, что все люди, за исключением негров, произошли из слез двух божеств - Гора и Сехета.

[pg 050]

Когда Авраам спустился в Египет, империя была уже очень древней. Ее история начинается с Менеса, который объединил независимые государства долины Нила в единое царство и основал свою столицу в Мемфисе. Первые шесть династий царей, правивших 1 478 лет, представляют собой так называемую Старую империю. Именно при монархах четвертой династии были построены пирамиды Гизе; и ни разу за всю последующую историю Египта его искусство и культура не достигали такого высокого уровня, как при Старой империи. С окончанием Шестой династии наступил период бедствий и упадка. Когда Египет снова появился в свете истории, это произошло под властью принцев-воинов Двенадцатой династии. Столица была перенесена в новый город Фивы на юге, новый бог, Амон,

возглавлял египетские божества, а сам правящий класс отличался по крови и чертам лица от людей Старой империи. Отныне египетское искусство характеризовалось жесткой условностью, совершенно не похожей на свободу и энергичность искусства первых династий; правительство стало более автократичным, а обелиск занял место пирамиды в архитектуре. Но Средняя империя, как ее называют, просуществовала недолго. Семитские захватчики из Ханаана и Аравии захватили страну и основали свою резиденцию в Зоане или Танисе. В течение 511 лет они держали египтян в рабстве, хотя местные князья, укрывшиеся на юге, постепенно приобретали все большую власть, пока, наконец, под руководством Аахмеса или Амосиса, основателя восемнадцатой династии, им не удалось изгнать ненавистных чужеземцев. Эти иноземцы известны истории как гиксосы или пастухи, гиксосы - это египетское *hik shasu*, "князь шасу", или [pg 051] "бедуины". Имя, которое они носят на памятниках, - Менти.

Должно быть, именно в то время, когда гиксосские монархи держали свой двор в Зоане, Авраам вошел в эту землю. Он нашел там людей семитской крови, таких же, как он сам, и говорящих на семитском языке. Ему был оказан радушный прием, и он не нуждался в переводчике. Но гиксосские цари уже начали принимать египетское государство и перенимать египетские обычаи. Вместо семитского "шалат", "правитель", титула, под которым были известны их первые вожди, они заимствовали египетский титул фараона. Фараон фигурирует на памятниках как *pir-aa*, "большой дом", а дворец, в котором жил царь, используется для обозначения самого царя, так же как в наше время "porte" или ворота дворца стали синонимом турецкого султана.

К тому времени, когда Иосиф был продан в Египет, внешне мало чем отличался двор в Зоане от двора местных князей в Фивах. Сами имена и титулы, которые носили чиновники гиксосов, стали египетскими; и хотя они по-прежнему считали бога Сета главным объектом своего поклонения, они начали восстанавливать египетские храмы и воздавать почести египетским божествам. Потифар, которому продали Иосифа, носил чисто египетское имя, означающее "дар воскресшего", а имя Потифере, первосвященника Он, на дочери которого, Асенат, женился Иосиф, также египетское и означает "дар Бога-Солнца". Бог-Солнце был особым божеством Он; ему был посвящен великий храм города, и греки называли это место Гелиополисом, "городом Солнца". Именно этот город обыгрывается в книге Исаии xix. 18, где [pg 052] пророк заявляет, что в день, когда Египет будет обращен к Господу, "город солнца" (*'ir ha-kheres*) станет "городом разрушения" идолов (*'ir ha-heres*). Иеремия тоже обыгрывает это название, когда говорит, что Навуходоносор "разобьет и изображения Бет-Шемеша (дома Бога-Солнца), который в земле Египетской" (Иер. xliii. 13); а Иезекииль меняет египетское слово Он на еврейское авен, "небытие", и пророчествует, что "юноши Авена падут от меча" (Иез. xxx. 17). Руины Она находятся в полудне езды от Каира, но от города не осталось ничего, кроме курганов земли и одинокого обелиска, который когда-то стоял перед большим храмом Солнца и был воздвигнут Усертасеном I, представителем двенадцатой династии, за тысячу лет до того, как дочь его жреца стала женой Иосифа. Имя этой дочери, Асенат, - египетское "Снат".

Нам рассказывают, что когда фараон сделал Иосифа "правителем всей земли Египетской", он дал ему новое имя - Зафнат-паанеа (Быт. xli. 45). По мнению доктора Бругша, это имя - египетское *Za ra-u nt ra-aa-anh*, "правитель округа места жизни", то есть округа, в котором израильтяне впоследствии построили города Раамсес и Пифом, и в котором, по-видимому, находилась земля Гошен. Впоследствии египетская легенда спутала Иосифа с Моисеем и, изменив божественное имя, которое было первым элементом в его имени, на имя египетского бога Осириса, назвала его Осар-Сиф. Еврейский историк Иосиф сохранил для

нас историю, благодаря которой Осар-Сиф стал лидером израильтян во время их бегства из Египта.

Семилетний голод, предсказанный Иосифом, - [pg 053] редкое явление в Египте. В стране, где дожди почти неизвестны, плодородие полей зависит ежегодного разлива Нила, когда он набухает от таяния снегов Абиссинии. Только там, где воды могут проникнуть в почву или провести каналы и ирригационные машины, почва способна поддерживать растительность; но везде, где это происходит, грязь, которую они приносят с собой, настолько удобрительна, что крестьяне часто выращивают три пышных урожая на одном и том же участке земли в течение одного года. Наводнение в один год - явление нечастое; семь лет подряд - событие необычное. Последний зафиксированный случай семилетнего разлива реки и последовавшего за ним голода произошел в 1064-1071 гг. н. э. во времена правления Халифа Эль-Мустансира Биллаха. Подобный провал, должно быть, имел место в эпоху двенадцатой династии, поскольку Амени, офицер царя Усургасена I, который выгравировал историю своей жизни у входа в свою гробницу среди скал Бени-Хасана, утверждает, что "никто не был голоден в мои дни, даже в годы голода. Ибо я обработал все поля округа Мах, вплоть до южных и северных границ. Так я продлил жизнь его жителей и сохранил пищу, которую он производил. Ни одного голодного не было в нем. Я раздавал вдовам поровну, как и замужним женщинам. Во всем, что я раздавал, я не предпочитал великих скромным" ².

Другой продолжительный голод такого же рода случился позднее, и, возможно, это тот самый, от которого Иосиф предохранялся в Северном Египте. Об этом сообщает нам надгробная табличка знатного человека по имени Баба, находящаяся далеко в Эль-Кабе в Южном Египте. В ней [pg 054] умершего человека говорится следующее: "Когда наступил голод, длившийся много лет, я раздавал кукурузу городу каждый голодный год".

Предполагается, что Баба жил незадолго до установления восемнадцатой династии, и это очень хорошо согласуется с датой, которую мы должны приписать Иосифу. Как мы увидим в следующей главе, теперь мы знаем точный период египетской истории, в который должен был произойти Исход; и если мы отсчитаем 430 лет, "пребывание сынов Израилевых, живших в Египте" (Исх. xii. 40), то попадем в царствование гиксосского царя Апофиса или Анепи, того самого царя, при котором, согласно древним авторам, Иосиф был возведен в адон, или второго правителя государства. Только когда гиксосы были изгнаны из страны, а Аахмес, основатель восемнадцатой династии, с лютой ненавистью преследовал как их, так и их друзей, "восстал новый царь над Египтом, который не знал Иосифа".

Более ранняя история Иосифа в доме Потифара находит любопытную параллель в старом египетском романе, известном как "Повесть о двух братьях", который был написан писцом по имени Энна в XIII веке до н. э. Анепу, как там говорится, послал своего младшего брата Бату с поля, где они работали, принести кукурузу из деревни. "И молодой брат застал жену своего старшего брата занятой заплетанием волос. И сказал он ей: "Встань, дай мне зерно, чтобы я мог вернуться в поле, ибо так велел мне старший брат мой - возвращаться без промедления". Женщина сказала ему: "Войди, открой сундук, чтобы ты мог взять то, что пожелает твое сердце, иначе мои замки упадут при дороге". И юноша вошел [pg 055] в хлев и взял оттуда большой сосуд, ибо хотел унести много зерен. И нагрузил он его пшеницей и зернами дурры, и вышел с ним. Тогда она сказала ему: "Как велика ноша на руке твоей? Он сказал ей: "Две меры дурры и три меры пшеницы, вместе пять мер, которые лежат у меня на руках". Так он говорил с ней. Она же обратилась к юноше и сказала: "Как велика сила твоя! Я всякий раз замечаю твою бодрость". И сердце ее узнало его!... И встала она, и обняла его, и сказала ему: "Пойдем, отдохнем часок. Прекраснейшие вещи будут уделом твоим, ибо я приготовлю для тебя праздничные одежды". Тогда юноша стал подобен пантере южной от ярости за злое

слово, которое она сказала ему; она же испугалась сверх всякой меры. И он обратился к ней и сказал: "Ты, женщина, была мне как мать, а муж твой - как отец, ибо он старше меня, так что мог бы быть моим родителем. К чему этот великий грех, что ты наговорила мне? Не говори мне этого в другой раз, и я не скажу этого в этот раз, и ни одно слово об этом не выйдет из уст моих ни к кому". И нагрузил он ношу свою, и вышел в поле. И пошел он к старшему брату своему, и закончили они дневную работу. Когда наступил вечер, старший брат вернулся домой, в свое жилище. А младший брат шел за своими волами, которых он нагрузил всяким полевым добром, и гнал их перед собой, чтобы приготовить им место для отдыха в хлеву в деревне. И вот, жена старшего брата его испугалась за слово, которое она сказала, и взяла кувшин [pg 056] жира, и стала похожа на ту, которой злой человек предложил насилие. Таким образом она хотела сказать мужу своему: "Юный брат твой предложил мне насилие". И вернулся муж ее вечером домой, по обычаю своему, и вошел в дом свой, и нашел жену свою распростертой и страдающей от увечья. Она не дала ему воды на руки, по своему обычаю. И светильник не был зажжен, так что дом был в темноте. Но она лежала и ее рвало. И сказал ей муж ее: "Кто с тобою сделал? Поднимись! Она сказала ему: "Никто не имел со мною дела, кроме молодого брата твоего; ибо когда он пришел взять для тебя кукурузы, то нашел меня сидящую одну и сказал мне: "Пойдем, повеселимся часок и отдохнем! Распусти волосы твои!" Так он говорил мне; но я не слушал его (а сказал): "Смотри, разве я не мать твоя, и разве старший брат твой не отец тебе?" Так я говорил с ним, но он не слушал моих речей и применил ко мне силу, чтобы я не донес на тебя. Теперь, если ты позволишь ему жить, я убью себя".³ Тогда Анепу взял нож и отправился убивать своего брата. Однако коровы предупредили Бату об опасности, и Бог-Солнце пришел ему на помощь, поставив между собой и Анепу реку, полную крокодилов. Когда Анепу узнал правду, он поспешил вернуться в свой дом и предал свою жену смерти.

На памятниках до сих пор не обнаружено названия, подобного Гошену, где израильтяне были поселены по приказу фараона. Гошен, однако, не мог находиться далеко от северо-восточной границы [pg 057] Египта, и из Бытия xlvii. 11 мы узнаем, что он находился в земле Раамсес. Доктор Бругш показал, что Рамзес, или Рамсес, - это название, данное Зоану Рамсесом II, когда он поднял его из руин, в которых он лежал со времен изгнания гиксосов, и вновь наполнил величественными зданиями. Следовательно, Гошен должен был находиться по соседству с Зоаном, чего, собственно, и следовало ожидать, поскольку семья Иосифа, естественно, поселилась недалеко от столицы и резиденции могущественного министра. Именно отсюда тело Иакова после бальзамирования, как это было принято в Египте, было перенесено в старую семейную гробницу в Хевроне; и поэтому мы можем понять, почему Зоан и Хеврон были так тесно связаны в известном отрывке из книги Чисел (xiii. 22), где говорится, что "Хеврон был построен за семь лет до Зоана в Египте". Хеврон и Зоан были двумя точками, вокруг которых сосредоточилась патриархальная история, изложенная в Книге Бытия.

[pg 058]

Глава III. Исход из Египта.

Египет во время пребывания израильтян.- Путешествия египетского офицера по Палестине до времени Иисуса Навина.- Недавние раскопки в Тель-эль-Масхуте.- Открытие сокровищниц, построенных израильтянами.- Установленная дата Исхода.- Происхождение слова Jêhovahъ.-Обряд обрезания.-Происхождение имени Моисей.-Иллюстрации еврейского закона и ритуала из финикийских и ассирийских памятников.-Таблица, описывающая обязанности жреца Бэла.-Жертвенный тариф Марсея.-Финикийские тексты, найденные на Кипре.

Изгнание гиксосских завоевателей Египта, хотя и принесло угнетение и рабство их семитским сородичам, оставшимся позади, открыло эру завоеваний и славы для самих египтян. Война против азиатов, начавшаяся в Египте, была перенесена в Азию, и при Тотмесе III и других великих монархах XVIII династии египетские армии прошли через Палестину и Сирию и проникли до Евфрата. Племена Ханаана платили дань, амориты или "люди холмов" были уведены в плен, а объединенные армии хеттов и финикийцев были разбиты на равнине Мегиддо. На стенах Карнакского храма в Фивах Тотмес III (ок. 1600 г.) приводит список ханаанейских городов, покорившихся его оружию. Среди них мы читаем имена Зартана и Берота, Бет-Анота и Гибей, Мигдола и Офры, Таанаха и Ииблема, Шунема и Хиннерота, Хазора и Лаиша, Мерома и Кишона, Авеля и Шарона, Иоппии и Ахзиба, Бейрута и Акко, [pg 059] Хешбона и Мегиддо, Хамата и Дамаска. Одно из завоеванных мест носит любопытное имя Иаков-эль, "Иаков-бог", а также упоминается Негеб, или "южный район", который впоследствии стал частью территории Иудеи.

Спустя два столетия, когда после смутного времени, ознаменовавшего конец восемнадцатой династии, началась девятнадцатая, те же самые районы снова пришлось захватить египетским царям. Снова были одержаны победы над могущественными хеттами в их крепости Кадеш на Оронте и над племенами Палестины. Сети I, отец Рамсеса II, упоминает среди своих завоеваний Бет-Анот и [Кирхат-Анаб4](#) на юге, а также Зор или Тир. Сам Рамсес II, Сесострис греков, долгие годы сражался с хеттами на равнинах Ханаана и основал линию египетских крепостей к северу от Дамаска. До сих пор сохранились таблички, выгравированные им в устье реки Пс, недалеко от Бейрута, свидетельствующие о его победах и походах. На стенах Фив были высечены изображения крепостей "Фавор, в земле аморреев", Мером и Салем; взятие восставшего города Ашкелона было прославлено как в скульптуре, так и в песнях.

Но самые интересные записи, дошедшие до нас со времен его правления, - это рассказ мохара, или военного офицера, о его путешествиях по Палестине в то время, когда страна номинально подчинялась Египту. Мохар совершил свое путешествие во второй половине правления Рамсеса II, угнетателя израильтян, так что приведенный им рассказ о Ханаане показывает, каким он был незадолго до его завоевания Иисусом Навином. Он проехал [pg 060] на колеснице на север до Алеппо, что больше, чем может сделать путешественник в Палестине сейчас, и описал, как однажды ночью у него украли одежду, и как его собственный конюх, или "мультиер", присоединился к грабителям. Среди мест, которые он посетил, были финикийские города Гебал, известный своим святилищем Ашторет, Бейрут, Сарепта, Сидон и Тир, который, по его словам, был построен на острове в море, а питьевая вода доставлялась к нему на лодках. Старый Тир, расположенный на противоположном континенте, похоже, был недавно сожжен. Хамат, Тимна, Хазор, Фавор, Горонаим и, возможно, Адуллам также были посещены, причем упоминается не только брод через Иордан возле Бет-Шеана, но и "проход" перед городом Мегиддо, который нужно было

пересечь, прежде чем войти в город. Иоппа, современная Яффа, была окружена садами финиковых пальм, которые сейчас вытеснены апельсинами. Дорога, однако, не всегда была хорошей. В одном месте мохар был вынужден "ехать по краю обрыва, по скользкой высоте, на глубине 2000 локтей, полной камней и валунов", а в другой раз его конюх разбил колесницу на части, проехав по скользкой дороге, и пришлось чинить пострадавшую повозку у "железных дел мастеров" в ближайшей кузнице. Таким образом, уже сейчас ясно, что в Палестине было множество кузниц, в которых ковали железо.

То, что Рамсес II был фараоном-угнетателем, давно подозревали египетские ученые. Рассказы о войнах его самого и его предшественников в Ханаане показывают, что ко времени его смерти эта страна еще не была заселена израильянами. О них не только не упоминается, но и история Книги Судей исключает возможность предположить, что Палестина [pg 061] могла быть египетской провинцией после израильского завоевания. Она должна была перестать быть данницей фараонов еще до того, как в нее вошел Иисус Навин. Более того, название города Рамзеса (Раамсеса), построенного израильянами в Египте, безошибочно указывает на правление самого великого Рамзеса II. Как уже отмечалось, это название было дано Зоану после его восстановления этим монархом, чей дед, Рамсес I, был первым египетским царем, носившим это имя. Поскольку Рамсес I царствовал всего несколько лет, а его преемник Сети I возвел на трон своего сына Рамсеса II, когда последнему было всего двенадцать лет или около того, то Рамсес II мог ввести в моду имя, которым его окрестили, только во время своего долгого шестидесятилетнего царствования. Возможно, правы те египетские ученые, которые видят евреев в определенном классе иностранцев, называемых Аперииу и нанятых Рамсесом II для работы над его памятниками; если это так, то у нас есть еще одно доказательство того, что Исход мог произойти только после его смерти. Однако такое отождествление становится весьма сомнительным из-за того, что спустя долгое время после Рамсеса II в документе времен правления Рамсеса III говорится о 2 083 аперииу как о поселенцах в Гелиополе, и они описываются как "рыцари, сыновья царей и знатные господа аперииу, оседлый народ, который живет в этом месте". Если, следовательно, аперииу действительно были евреями, мы должны предположить, что некоторые из них, получившие почетные должности и влияние в Египте, остались в Гелиополе, городе жены Иосифа, когда их более бедные и угнетенные сородичи последовали за Моисеем и Аароном в пустыню в поисках Земли Обетованной.

[pg 062]

Как бы то ни было, вопрос о дате Исхода, а следовательно, и о фараоне-угнетателе, теперь окончательно решен благодаря раскопкам, недавно проведенным в Тель-эль-Масхуте. Тель-эль-Масхута - это название нескольких больших курганов вблизи Тель-эль-Кебира и других мест, которые были ареной последней войны; М. Навиль, который раскопал их для Египетского фонда исследований, нашел в них надписи, которые не только показывают, что они представляют древний город, религиозное название которого было Пифом, а гражданское - Суккот, но и то, что основателем города был Рамсес II. В греческие времена город назывался Герополис или Эро, от египетского слова ара, "хранилище", напоминая нам, что Пифом и Раамсес, которые израильяне построили для фараона, были "городами-сокровищницами" (Исход, i. 11). М. Навиль обнаружил даже сами сокровищницы. Они очень прочно построены и разделены кирпичными перегородками толщиной от восьми до десяти футов, причем кирпичи были обожжены солнцем и сделаны с добавлением соломы, а некоторые - без нее. В этих кирпичах без соломы мы можем увидеть работу угнетенного народа, когда пришел приказ: "Так говорит фараон: я не дам вам соломы".

Сокровищницы занимают почти всю площадь старого города, стены которого имеют площадь около 650 футов и толщину 22 фута. Его название Пифом - египетское Па-Тум - означает город заходящего солнца; а поскольку у него было и другое название, Суккот, мы теперь можем понять, как получилось, что израильтяне начали свой поход не из Гошена, а из Суккота (Исх. xiii. 20), то есть с того самого места, где они работали. Этам, их следующий этап, по-видимому, является египетской крепостью Хетам, а Пи-хахирот [pg 063] (Исх. xiv. 2), вероятно, Пи-кехерет, который упоминается в надписи, найденной в Тель-эль-Масхуте, как находящийся где-то по соседству с каналом, ведущим от Нила к Красному морю.

Фараоном, при котором произошел Исход, мог быть не сам Рамсес II, а его сын и преемник Менептах II, который вззошел на трон около 1325 г. до н.э. Его правление длилось недолго, и оно было нарушено не только бегством Детей Израиля, но и большим вторжением ливийцев в Северный Египет, которое с трудом удалось отбить. Это произошло на пятый год его правления. Через три года один из его чиновников отправил ему донесение, в котором говорилось, что "племена шасу (или бедуинов) из земли Эдома прошли через крепость Хетам, расположенную в Суккоте (Туку), к озерам города Пифом, которые находятся в земле Суккот, чтобы они могли пасти себя и свои стада на владениях фараона". Озера Пифома - это, должно быть, озера Балах и Тимсах, на которых сейчас стоит Исмаилия, недалеко от Тель-эль-Масхута, а Хетам - это Этам из Писания. Возможно, что Тимсах, "озеро крокодилов", - это *yām sūph*, или "море папирусных тростников" Писания, которое переводчики Септуагинты ошибочно отождествили с Красным морем.

Среди происшествий, связанных с избавлением израильтян, есть два, которые особенно заслуживают внимания. Когда Бог поручил Моисею вывести своих поработанных братьев из Египта, Он в то же время открыл Себя под именем "Иегова" - особым именем, под которым Он отныне должен был быть известен детям Израиля. К сожалению, [pg 064] это священное имя дошло до читателей Авторизованной версии Ветхого Завета в испорченном и варварском виде. Еврейский алфавит был предназначен для передачи только согласных, но не гласных звуков; их читатель должен был определять на основе своего знания языка и его произношения. Пока на иврите говорили, это было несложно сделать; но ситуация изменилась, когда он перестал быть живым языком. В синагогах сохранилось традиционное произношение священных записей, но оно неизбежно во многом отличалось от того, которое было в употреблении, и само подвергалось опасности быть забытым или измененным. Поэтому, чтобы избежать такой опасности, так называемые масореты, или еврейские писцы, в шестом веке после христианской эры придумали систему символов, которая должна была отображать произношение иврита Ветхого Завета в том виде, в каком его читали или, скорее, скандировали в то время в большой синагоге Тивериады в Палестине.⁵ Именно в соответствии с этим масоретским способом произношения иврит преподается сейчас. Но было одно слово, которое тивериадские масореты либо не могли, либо не хотели произносить. Это было национальное имя Бога Израиля. Хотя оно так часто употребляется в Ветхом Завете, к нему стали относиться с суеверным благоговением еще до того, как был сделан греческий перевод Септуагинты, и в этом переводе, соответственно, слово *Kyrios*, "Господь", заменено на него везде, где оно встречается. Новозаветные писатели, естественно, [pg 065] следовали обычаю Септуагинты и своей эпохи, так же как и масореты Тивериадские. Везде, где встречалось святое имя, они читали вместо него *Adōnai*, "Господь", и поэтому, добавляя гласные символы к тексту Ветхого Завета, они писали гласные *Adōnai* под четырьмя согласными, *Y H V H*, которые его составляли. Это просто означало, что Адонай должен был читаться везде, где встречалось это священное имя. Однако, не зная этого факта, ученые, впервые возродившие изучение иврита в современной Европе, вообразили, что гласные Адонаи (а́ или ё, о и а́) должны читаться вместе с

согласными, под которыми они стоят. В результате получился гибридный монстр Yĕhovâh. При переходе в Англию слово еще больше деформировалось. В немецком языке звук у обозначается символом j, и этот немецкий символ, но с совершенно другим английским произношением, попал в английские переводы ветхозаветных писаний.

Существует два мнения относительно того, как на самом деле произносилось священное имя, когда иврит еще был разговорным языком. С одной стороны, из современных ассирийских памятников мы можем заключить, что оно произносилось как Яху. Везде, где в клинописных надписях встречается израильское имя, которое, как Иеху или Езекия, соединено с божественным титулом, последнее произносится как Яху, Иеху - Яхуа, а Езекия - Хазаки-яху. Даже по мнению масоретов, это слово должно читаться как Йехо (то есть Йĕху), когда оно является частью собственного имени. Более того, ранние гностики, переписывая его греческими буквами, писали Iaô, то есть Yahô. С другой стороны, четыре согласных, Y H V H, вряд ли могли быть произнесены иначе [pg 066] чем как Яхве, и это произношение поддерживается двумя греческими писателями Феодоритом и Епифанием, которые говорят, что слово звучало как Яве. Однако форма Yahveh несовместима с формой Yahu (Yeho), которая встречается в именах собственных; утверждается, что это связано с одной из тех игр со словами, примеров которых так много в Ветхом Завете. Предполагается, что написание с конечным h было принято для того, чтобы напомнить читателю о еврейском глаголе, который означает "быть" и на который, похоже, есть явная аллюзия в Исходе, iii. 14.⁶

Теперь мы должны перейти ко второму инциденту, который особенно связан с избавлением из Египта. Речь идет об обряде обрезания, который так торжественно соблюдался в тот момент, когда израильтяне наконец-то перешли Иордан и готовились напасть на хананеев. Этот обряд практиковался египтянами с самых отдаленных времен и, по словам Геродота, был передан ими эфиопам. Иосиф говорит нам, что этот обряд также практиковали арабы, к которым Геродот добавляет сирийцев из Финикии, а также колхов и хеттов из Каппадокии. Подобный обряд встречается и в наши дни среди многих варварских племен в разных частях света и отличает не только евреев, но и магометан.

Имя Моисей, по-видимому, имеет египетское происхождение. Оно соответствует египетскому mes или mesu, "сын", которое носит не один египетский принц [pg 067] в период Исхода, и является частью имени Рамзес, или Ра-месу, "сын солнца". Еврейское написание слова с конечным h призвано напомнить о древнееврейском mashâh, "вытягивать" или "избавлять", так же как на написание слова Môysês в Септуагинте повлияла этимология, приведенная Иосифом, который сделал его соединением египетских mō, "вода", и usês, "спасать от наводнения". Подобные игры слов часто встречаются в древней литературе и по-прежнему популярны на Востоке, и мы должны быть начеку, чтобы не приписывать им научную ценность, которой они не обладают. Имя mesu, "сын", было бы подходящим для ребенка, которого усыновила египетская дама и который воспитывался при дворе фараона во "всей мудрости египтян".

Эта глава была бы неполной, если бы в ней не говорилось об иллюстрациях закона и ритуала израильтян, которые давали памятники окружавших их народов. Эти иллюстрации можно найти у финикийцев и ассирийцев. И у тех, и у других мы находим следы жертвоприношений и институтов, которые имеют много параллелей с таинствами Моисеева Закона. Помимо суббот, о которых уже говорилось, у вавилонян и ассирийцев были различные праздники и посты, во время которых нужно было совершать определенные обряды и приносить определенные жертвы; они знали о "мирных жертвах" и "жертвах всесожжения", о посвящении первенцев и о жертвах за грех. Богов несли в процессиях на "кораблях", которые, как мы узнаем из скульптур, по форме напоминали древнееврейский ковчег и

переносились на плечах людей с помощью шестов. Перед изображением бога стоял стол, на котором лежали хлебы; проводилось различие между жертвенной трапезой и [pg 068] жертвоприношением животных. Некоторые виды нечистой пищи были запрещены, включая плоть свиней и "гадов"; во внешних дворах храмов были большие умывальники, называемые "морями", как "море" в храме Соломона, в которых поклоняющиеся должны были очищаться. Многие из этих предписаний и обрядов дошли до нас из аккадского периода.

В качестве примера обрядов, которые должны были выполняться, можно привести часть таблички, которая предписывает обязанности жреца в великом храме Бэла в Вавилоне. Скрижаль начинается: "В месяц Нисан, во 2-й день, через два часа после наступления ночи, жрец должен прийти и взять воды из реки, должен войти в присутствие Бэла и сменить свое платье, должен надеть ... и произнести такую молитву: "О мой господин, которому в его силе нет равных, о мой господин, благословенный государь, повелитель мира, ускоряющий мир великих богов, господин, который в своей силе уничтожает сильных, повелитель царей, свет человечества, установитель доверия, о Бел, твой скипетр - Вавилон, твоя корона - Борсиппа, широкое небо - место обитания твоей печени..... О владыка мира, свет духов небесных, произносящий благословения, кто есть, чьи уста не ропщут на праведность Твою, не говорят о славе Твоей и не празднуют владычество Твое? Владыка мира, обитающий в храме солнца, не отвергни рук, воздетых к тебе, будь милостив к городу твоему Вавилону, к Бет-Саггилу, храму твоему, склони лицо твое, удовлетвори молитвы народа твоего, сынов Вавилона"."

Наши знания о финикийском ритуале в значительной степени получены из жертвенного тарифа, обнаруженного в Марселе в 1845 году. Камень, на котором он выгравирован, к сожалению, [pg 069] не совершенен, но то, что осталось от него, гласит следующее: "В храме Ваала (должен соблюдаться следующий тариф жертвоприношений), который был предписан (во времена) судьи ... Баала, сына Бод-Танита, сына Бод-Ашмуна и во времена Халзи-Баала, судьи, сына Бод-Ашмуна, сына Халзи-Баала и (их товарищей). За быка в жертву полную, будь то жертва молитвенная или жертва благодарственная, священники (получают) по десяти сиклей серебра за каждого зверя, а если это жертва полная, то священники получают сверх того (300 сиклей веса плоти). А за молитвенное приношение они получают (кроме) мелких суставов и жаркого, а кожа, и окорока, и ноги, и остальная плоть принадлежат приносящему. За быка, у которого есть рога, но который еще не заломлен и не сделан для служения, или за оленя, как за полную жертву, будь то молитвенная жертва или полная благодарственная жертва, священники (получают) пять сиклей серебра (за каждого зверя, и если это полная жертва), то они получают сверх этого 150 сиклей веса плоти; а за молитвенную жертву - мелкие суставы(?) и жаркое; кожу же, и окорока, и ноги (а остальная плоть должна принадлежать приносящему). За овцу или козла в жертву полную, будь то жертва молитвенная или жертва благодарственная, священники (получают) по одному сиклю серебра и по два сара за каждого зверя; а в жертву молитвенную они получают (кроме того) мелкие суставы (?) и жаркое (?); кожу же и окорока, и ноги, и остальная плоть принадлежат приносящему. За ягненка, или козленка, или олененка в жертву полную, будь то жертва молитвенная или жертва благодарственная, священники (получают) три четверти сикля серебра и (два) зара (за каждого зверя; а в случае жертвы молитвенной [pg 070] они должны иметь) кроме этого мелкие суставы (?) и жаркое (?); кожу же и окорока, и ноги, и остальная плоть должны принадлежать (приносящему). За птицу, дикую или прирученную, в жертву, будь то щецеф или хазут, священники (должны получить) три четверти сикля серебра и два зара за каждую птицу; и (столько же мяса) сверх того. За птицу, или за приношение первенца животного, или за трапезу, или за приношение с елеем священники (получают) по десяти золотых за каждого..... За всякое молитвенное приношение, приносимое богам, священники должны получать мелкие суставы, и жаркое, и молитвенное приношение... за лепешку, и за

молоко, и за жир, и за всякое приношение, приносимое без крови..... За всякое приношение, приносимое бедным человеком скотом или птицей, священники не должны получать ничего... запрещается всякое прокаженное, или чесоточное, или худое, и никто из приносящих не должен вкушать крови мертвых. Тариф для каждого приношения должен быть в соответствии с тем, что предписано в этой публикации..... Что касается всякого приношения, которое не предписано в этой таблице и не совершается по правилам, которые (были изданы во времена ... Баала, сына Бод-Танита), и Бод-Ашмуна, сына Халзи-Баала, и их товарищей, то каждый священник, который примет приношение, не входящее в то, что предписано в этой таблице, должен быть наказан..... Что касается имущества жертвователя, который не исполнил (своего долга) за свое приношение (он также должен быть наказан)".

Слова, которых не хватает в документе, были частично добавлены из фрагментов другой копии [pg 071] тарифа, найденной среди руин Карфагена. Следует отметить, что в нем нет упоминания о жертвоприношении детей, которое, как мы знаем, когда-то играло большую роль в ритуале финикийцев. Это объясняется тем, что тариф относится к более поздней эпохе, когда греческое и римское влияние заставило финикийских колонистов на западе отказаться от этой ужасной практики. Место ребенка занимает айял или олень.

Тарифы Марселя и Карфагена недавно были дополнены некоторыми финикийскими текстами, найденными на острове Кипр и написанными черными и красными чернилами на небольших кусках мрамора. На одном из них начертаны обе грани, и стоит привести перевод его содержания. На первой стороне мы читаем: "Расходы месяца Этаним: В новолуние месяца Этаним, для богов новолуния два..... Для зодчих, построивших храмы Ашторет, для каждого дома.... Хранителям святилища и надзирателям храма Решефа 20.... Для мужчин (которые ухаживают) за скотом в присутствии Святой Царицы в этот день.... Для двух мальчиков двух ... Для двух жертв ... Для двух пекарей, испекших лепешки для (святой) царицы.... Для цирюльников, за их работу, два.... Десяти каменщикам, построившим фундаменты и храмы бога-солнца... Эбед-Ашмуну, главному писцу, который был послан в этот день, три.... Для собак и их молодых....". На другой стороне мы имеем: "В новолуние месяца Пейлат: Для богов новолуния два.... Для хозяев дней, благовоний и мирных жертв.... Для изображений храма бога-солнца и других богов.... [стр. 072] Для Эбед-Баста из Карфагена..... Для человека, купившего засохшие растения(?).... Для пастухов страны двух.... За 'альмат и 22 'альмата, с жертвоприношением.... Для собак и их молодняка три....".

Здесь, очевидно, приводится отчет о выплатах, производимых жрецами храма в определенные дни. Решеф был титулом бога Солнца, и М. Клермон-Ганно указал, что его имя до сих пор сохранилось в Арсуфе, разрушенном городе к северу от Яффы. Пироги, испеченные для Ашторет, "святой царицы", - те же самые, которые еврейские мужчины и женщины, бежавшие в Египет после разрушения Иерусалима и убийства Гедалии, заявили Иеремии, что они и впредь будут приносить в жертву "царице небесной" (Иер. xlv. 19). Что подразумевается под "псами", лучше всего объясняет Второзаконие xxiii. 18, а упомянутые в тексте цирюльники должны были брить священников. Они также упоминаются в ассирийских надписях (см. Лев. xix. 27, xxi. 5). 'almâth, или "дева" - слово, которое приобрело особое значение в христианской церкви благодаря тому, что было использовано в пророчестве Исаяи о "Деве" (Ис. vii. 14) - здесь, по-видимому, означает главную певицу при храме Ашторет. В шестьдесят восьмом псалме (стих 25) описываются 'alâmôth, которые также использовались в поклонении Израиля. Что касается "Владык дней", то это боги, которые, как считалось у ассирийцев, управляют месяцами года. Месяц Итаним, о котором идет речь в первом рассказе, упоминается, как помнится, в 1 Царств viii. 2, как месяц, в который был проведен праздник посвящения храма Соломона. Этот [pg 073] храм был

построен с помощью финикийских рабочих, и поэтому вполне естественно, что названия финикийских месяцев стали известны израильтянам в связи с ним. Сами израильтяне по-прежнему довольствовались тем, что называли месяцы года в том порядке, в котором они наступали. Только после возвращения из вавилонского изгнания были приняты специальные названия месяцев, и отныне евреи называли их ассирийскими именами, которые они слышали в Вавилонии.

[pg 074]

Глава IV. Моавитский камень и Силоамская надпись.

Алфавит египетского происхождения.- Открытие Моавитского камня.- Перевод надписи.- Интересные моменты, связанные с надписью.- Открытие Силоамской надписи.- Перевод.- Дата.- Влияние на топографию Иерусалима.

Современные открытия еще не пролили свет на период израильской истории, который длится от завоевания Ханаана до того времени, когда царство Давида разделилось на две монархии - Израильскую и Иудейскую. Погребенные руины Финикии еще не исследованы, и то, что мы знаем о тирийском царе Хираме, друге Давида и Соломона, за пределами библейских записей, нам приходится полагаться на высказывания классических авторов. Однако несомненно, что в главных городах Финикии уже существовали государственные архивы, а при древнем храме Ваала, бога Солнца, в Тире, восстановленном Хирамом, вероятно, была библиотека. Именно от финикийцев израильтяне и окружающие их народы получили свой алфавит. Этот алфавит был египетского происхождения. Как бы далеко ни ушли памятники Египта, мы видим, что египтяне использовали свои иероглифы для выражения не только идей и слогов, но и букв алфавита. Даже в далекую эпоху Второй династии они уже обладали алфавитом, в котором двадцать один простой звук языка был представлен специальными иероглифическими изображениями. Такие иероглифические [pg 075] изображения, однако, использовались только на общественных памятниках; для книг, писем и деловых операций египтяне использовали бегущую руку, в которой оригинальные изображения претерпевали большие изменения. Эта бегущая стрелка называется "иератической", и именно от иератических форм египетских букв произошли буквы финикийские.

Мы уже видели, что побережье Дельты было так густо заселено финикийскими поселенцами, что получило название Кефт-ур, или Кафтор, "большая Финикия"; и, должно быть, именно эти поселенцы первыми заимствовали алфавит у своих египетских соседей. Для целей торговли им, должно быть, нужна была какая-то письменность, с помощью которой они могли бы общаться с коренными жителями страны, и их деловые инстинкты заставили их принять только тот алфавит, которым пользовались последние, и отказаться от всего громоздкого механизма идеографических и слоговых знаков, которым он сопровождался. Несомненно, именно во времена гиксосов египетский алфавит стал финикийским. Из Дельты он был передан на родину - в Финикию, и там буквы получили новые названия, образованные от предметов, на которые они были похожи и которые начинались со звуков, которые они обозначали. Эти названия, как и символы, к которым они относились, дошли до нас, поскольку финикийский алфавит перешел сначала от финикийцев к грекам, затем от греков к римлянам и, наконец, от римлян к народам современной Европы. Само слово "алфавит"

является живым напоминанием об этом факте, поскольку оно состоит из альфы и беты, греческих названий двух первых букв, а эти названия - просто финикийские aleph, "бык", и beth, "дом". Как в наши [pg 076] детские годы считалось, что мы лучше запомним уроки, если нам расскажут, что "А был лучником, который стрелял в лягушку", так и формы букв запечатлелись в памяти финикийских мальчиков, когда их уподобляли голове быка или очертаниям дома.

Но прежде чем алфавит попал в Грецию от финикийских торговцев, он уже был принят их семитскими сородичами в Западной Азии. Раскопки в Палестине и странах к востоку от Иордана, несомненно, обнаружат надписи, составленные на нем, гораздо более древние, чем те, которые известны нам в настоящее время. Еще несколько лет назад разрыв между временем, когда финикийцы впервые заимствовали свой новый алфавит, и временем, к которому относятся самые ранние тексты, написанные на нем, был очень велик. Но за последние пятнадцать лет были сделаны два открытия, которые помогают заполнить его и в то же время доказывают нам, что можно найти, если только поискать.

Моавитский камень, воздвигнутый царем Мешей в Дибоне.

Одно из таких открытий - знаменитый Моавитский камень. Летом 1869 года доктор Кляйн, немецкий миссионер, путешествуя по стране, которая когда-то была Моавом, обнаружил среди руин Дибана, древнего Дибона, любопытнейшую реликвию древности. Реликвия представляла собой камень из черного базальта, округлый в верхней части, шириной два фута и высотой почти четыре фута. Поперек него шла надпись из тридцати четырех строк буквами финикийского алфавита. Доктор Кляйн, к сожалению, не осознал всей важности сделанного им открытия; он ограничился тем, что скопировал несколько слов и попытался передать памятник в Берлинский музей. На Востоке все всегда происходит медленно, и только через год переговоры о покупке [pg 077] камня были завершены между прусским правительством, с одной стороны, и арабами и турецкими пашами - с другой. Однако в конце концов все было улажено, и было решено, что камень будет передан немцам за 80 фунтов стерлингов. В этот момент М. Клермон-Ганно, член французского консульства в Иерусалиме, проявив прискорбную неосмотрительность, послал людей, чтобы те сняли надпись, и предложил за сам камень не менее 375 фунтов стерлингов. Тут же выиграла щедрость арабов и пашей; губернатор Наблуса потребовал сокровище себе, а арабы, опасаясь, что его могут у них отнять, развели под ним огонь, облили холодной водой, разбили на куски и раздали осколки в качестве амулетов по разным семьям племени. Благодаря М. Клермон-Ганно большинство этих фрагментов теперь восстановлено, и камень, вновь собранный воедино, можно увидеть в музее Лувра в Париже. Фрагменты были установлены на свои места с помощью несовершенных выемок, сделанных до того, как памятник был разбит.

Когда надпись удалось прочесть, оказалось, что это запись Меши, царя Моава, о котором во 2 Царств iii. рассказывается, что после смерти Ахава он "восстал против царя Израильского" и был тщетно осажден в своей столице Кирхарасефе объединенными армиями Израиля, Иуды и Эдома. Меша описывает успешный исход своего восстания и месть израильтянам за их прежнее угнетение его страны. Перевод надписи выглядит следующим образом.

"Я, Меша, сын Хемош-Гада, царя Моава, дибонита. Отец мой царствовал над Моавом тридцать лет, и я царствовал после отца моего. И я [pg 078] воздвиг этот камень Хемошу в Кирхе, камень спасения, ибо он спас меня от всех опустошителей и дал мне увидеть желание мое на всех врагов моих, даже на Омри, царя Израильского. Много дней страдал Моав, ибо Хемош гневался на землю свою. Сын его сменил его; и он также сказал: я буду страдать от Моава. В дни мои (Хемош) сказал: (пойдем), и я увижу желание мое на нем и на доме его, и погублю Израиля вечною погибелью. И взял Омри землю Медеву, и (враг) овладел ею в (его дни и в дни) сына его, сорок лет. А Хемос (смиловившись) над ней в мои дни; и я укрепил Ваал-Меон, и сделал в нем резервуар, и укрепил Кириафаим. Ибо люди Гада издревле жили в земле Атароф, а царь Израиля укрепил для себя Атароф, и я напал на стену и взял ее, и убил всех воинов стены для угождения Хемошу и Моаву, и вынул из нее всю добычу и принес ее в жертву Хемошу в Кириафе, и поставил там людей Сирана и людей Мохрата. И сказал мне Хемос: пойдя, возьми Нево против Израиля. (И я пошел ночью, и сражался с ним от рассвета до полудня, и взял его и убил все семь тысяч (мужчин, но не убил) женщин (и) девиц, ибо посвятил их Аштар-Хемошу; и взял из него сосуды Яхве и принес их в жертву Хемошу. И укрепил Иахаз царь Израильский и занял его, когда вел войну против меня; и изгнал его Хемош предо мною, и взял я из Моава двести человек, всех бедняков его, и поселил их в Иахазе, и взял его, чтобы присоединить его к Дибону. Я построил Кирху, стену леса и стену города, и построил ворота [pg 079] его, и построил башни его, и построил дворец, и сделал тюрьмы для преступников в стенах. А в стене Кирхи не было цистерны, и я сказал всему народу: сделайте себе, каждый, цистерну в доме своем. И вырыл я ров для Кирхи с помощью (пленных) израильтян. Я построил Ароер и сделал дорогу через Арнон. Я построил Бет-Бамоф, ибо он был разрушен; я построил Безер, ибо он был срублен вооруженными людьми

Дибона, ибо весь Дибон был теперь верен; и я воцарился в Бикране, который я присоединил к земле моей, и построил (Бет-Гамул) и Бет-Диблафаим и Бет-Баал-Меон, и поселил там бедных (жителей) земли. А что касается Хоронаима, то в нем (издревле) жили люди Эдома. И сказал мне Хемос: пойдя, вой с Хоронаимом и возьми его. И я напал на него, и взял его, и) Хемос (восстановил его) в дни мои. Поэтому я сделал ... год ... и я...."

Последняя строка или две, описывающие войну с эдомитянами, к сожалению, утрачены. Однако остальная часть текста, как мы увидим, довольно совершенна и представляет интерес для студентов-библеистов. Вся надпись читается как глава из одной из исторических книг Ветхого Завета. Не только фразы одинаковы, но и слова и грамматические формы, за одним или двумя исключениями, встречаются в Писании на иврите. Мы узнаем, что язык Моав отличался от языка израильтян меньше, чем один английский диалект от другого. Возможно, самый интересный факт, раскрываемый надписью, заключается в том, что Хемош, национальный бог моавитян, стал считаться не только верховным божеством, но даже почти единственным объектом их поклонения. За исключением отрывка, в котором упоминается [pg 080] посвящение женщин и девиц Аштар-Хемошу, Меша говорит как монотеист, и даже здесь женщина Аштар или Ашторет отождествляется с верховным мужским божеством Хемошем. Подобно ассирийским царям, которые приписывали свои победы и походы вдохновению бога Ассура, Меша приписывает свои успехи приказам Хемоша. Он использует язык Писания: как Господь сказал Давиду: "Иди и порази филистимлян" (1 Цар. xxiii. 2), так и Хемош говорит Меше: "Иди, возьми Нево"; и как Бог обещал "изгнать" хананеев прежде Израиля, так и Меша заявляет, что Хемош изгнал Израиль прежде него из Иахаза. Меша даже устанавливает камень спасения для Хемоша, подобно Эбен-Эзеру, "камню помощи", установленному Самуилом (1 Цар. vii. 12); а утверждение, что Хемош "гневался на землю свою", но заставил Мешу "увидеть желание свое на всех врагах своих", напоминает нам известные отрывки, в которых псалмопевец заявляет, что "Бог даст мне увидеть желание мое на притеснителях моих", а автор Книги Судей рассказывает, как "гнев Господень был горяч на Израиля".

В надписи встречается и само заветное имя Бога Израиля, написанное точно так же, как в Ветхом Завете. Его появление является доказательством, если бы таковое требовалось, что суеверия, которое впоследствии помешало евреям произносить его, еще не существовало. Имя, под которым Богу поклонялись в Израиле, было знакомо окружающим народам. Более того, мы узнаем, что даже после попытки Иезавели ввести Ваалима Сидонского в Северное царство, Яхве все еще считался национальным богом, и что поклонение на высоких местах, идолопоклонническое и [pg 081] противоречащее закону, все же совершалось во имя Его. Высокое место Нево, как и многие другие места, упомянутые в надписи, также упоминается в пророчестве против Моав, содержащемся в Ис. xv. xvi. Возможно даже, что слова стиха в Книге пророка Исаии, в котором оно названо, подверглись перестановке, и истинный вариант гласит: "Он пошел в Дибон и в Бет-Бамоф плакать; Моав будет рыдать над Нево и над Медебой". Надпись сообщает нам, что Бет-Бамоф, "дом высот", был названием места около Дибона, название которого появляется в последнем стихе Исаии xv. под формой Димон, причем буква b была заменена пророком на m, чтобы связать его со словом dâm, "кровь". Кирха, "стена леса", современный Керак, называется Кир Моавитский, Кир-хареш или Кир-харесет у Исаии и Кир-херес у Иеремии, что при небольшом изменении вокализации означало бы "стена леса". Форма Kir-haraseth также используется в Книге Царств.

История, рассказанная Камнем, и рассказ о войне с Моавом, приведенный в Библии, дополняют друг друга. Д-р Гинсбург предположил, что освобождение Моав от Израиля произошло во время правления Ахазии, преемника Ахава, и что Иорам, преемник Ахазии,

впоследствии был изгнан из Иахаза, лежавшего на южной стороне Арнона; но после этого удача повернулась, Иорам созвал своих союзников из Иудеи и Эдома, опустошил Моав и блокировал Мешу в его столице Кирхе. Затем Меша принес в жертву своего старшего сына на стене Кирхи, так что "велико было негодование против Израиля", и союзные войска отступили "в свою землю".

[стр. 082]

Моавитский камень показывает нам, какими были формы финикийских букв, использовавшихся на восточной стороне Иордана во времена Ахава. Формы, использовавшиеся в Израиле и Иудее на западном берегу, не могли сильно отличаться; поэтому мы можем увидеть в этих почтенных иероглифах точный способ письма, использовавшийся ранними пророками Ветхого Завета. Это знание имеет огромное значение для исправления и восстановления испорченных отрывков, и особенно имен собственных, написание которых было искажено переписчиками.

Однако, как в наши дни написание двух людей может различаться, так и написание двух народов, таких как моавитяне и иудеи, должно было в какой-то степени отличаться. Более того, должно было существовать некоторое различие между более скорописным письмом на папирусных свитках и тщательно вырезанными буквами на общественных памятниках, таких как Меша. Доказательством того, что такое различие существовало, служит отрывок (Ис. viii. 1), который был неверно переведен в Авторизованной версии, но который следует перевести следующим образом: "Возьми ты большую плиту и напиши на ней гравировальным инструментом народа: "Спеши на добычу, спеши с добычей". Здесь слова, которые впоследствии должны были стать более выразительными, став именем одного из детей Исаяи, были написаны так, чтобы все могли их прочитать, не бегущей рукой свитка, а крупными четкими символами публичного документа. Какими именно были эти символы, стало известно благодаря недавнему открытию.

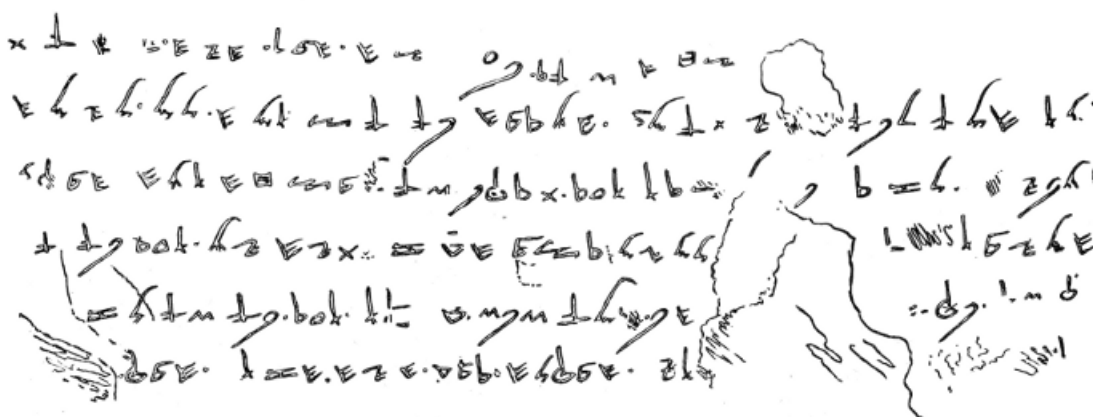
Еврейские надписи раннего периода долгое время искали безрезультатно. Мы знали об одном или двух фрагментах с надписями из окрестностей Силоамского бассейна в Иерусалиме и о нескольких печатях, которые можно [pg 083] отнести к периоду до Вавилонского плена; но, к сожалению, ни одна из них не может быть отнесена к определенной дате, и даже вывод о том, что некоторые из них были доэксильскими, в конце концов, был не более чем предположением. Печати обычно отличаются отсутствием каких-либо символов или других приспособлений, а также горизонтальной линией, проведенной через середину, которая делит надпись на две половины. Собственные имена, которые также встречаются на них, в большинстве случаев соединены со священным именем Яхве. Несколько таких печатей были найдены в Вавилонии и Месопотамии, и поэтому их можно считать памятниками еврейского изгнания. Но легенды, которые они несут, всегда коротки и состоят из одних имен; а поскольку дата их появления неясна, из них невозможно сделать какие-либо выводы о характере письменности, использовавшейся в Иудее или Израиле до эпохи Навуходоносора.

Сейчас все обстоит совершенно иначе. В самом Иерусалиме была обнаружена длинная надпись, которая, несомненно, относится ко времени Исаяи, а может быть, и старше. Летом 1880 года один из учеников г-на Шика, немецкого архитектора, давно обосновавшегося в Иерусалиме, играл с другими ребятами в так называемом Силоамском бассейне и, пробираясь по вырубленному в скале каналу, ведущему в бассейн, поскользнулся и упал в воду. Поднявшись на поверхность, он заметил на скале, образующей южную стену канала, нечто похожее на буквы. Он рассказал об увиденном мистеру Шикю, и тот, посетив это место,

обнаружил, что древняя надпись, по большей части скрытая водой, действительно существует.

[pg 084]

Бассейн построен сравнительно недавно, но он окружен остатками гораздо более древнего резервуара, который, как и современный, снабжался водой через туннель, пробитый в скале. Этот туннель сообщается с так называемым источником Девы Марии, единственным естественным источником воды в Иерусалиме и его окрестностях. Он бьет под стенами города, на западном берегу долины Кедрона, а туннель, по которому поступают его воды, прорублен в хребте, который образует южную часть Храмового холма. Силоамский бассейн находится на противоположной стороне этого хребта, в устье долины, которая во времена Иосифа называлась Сыродельной (Τυροϋδὴν), но сейчас завалена мусором и в значительной степени застроена. Согласно измерениям лейтенанта Кондера, длина туннеля составляет 1 708 ярдов; однако он не идет по прямой линии, и в его центре есть два кулья, объяснение которым дает надпись. У входа с западной, или Силоамской, стороны его высота составляет около шестнадцати футов; но крыша постепенно становится все ниже, пока в одном месте не окажется на два фута выше пола прохода.

Надпись на Силоаме (калька с выдавливания, сделанного 15 июля 1881 года лейтенантами Кондером и Мантеллом, Р. Р.). Кондером и Мантеллом, Р. Э.).

Надпись занимает нижнюю часть искусственной таблички в скальной стене, примерно в девятнадцати футах от того места, где проход выходит к Силоамскому бассейну, и по правую сторону от того, кто в него входит. Опустив уровень воды, мистер Шик попытался снять с нее копию; но поскольку не только буквы текста, но и все изъёмы в скале были заполнены отложениями извести, оставленными водой, все, что он смог отправить в Европу, - это набор ничего не значащих каракулей. Помимо трудности различения букв, приходилось сидеть в грязи и воде и работать при тусклом свете [pg 087] свечи, так как место, где выгравирована надпись, совершенно темное. Все это делало невозможным для человека, не знакомого с феникийской палеографией, сделать точную транскрипцию. Первая внятная копия была сделана профессором Сэйсом после нескольких часов тщательного изучения; но и она содержала несколько сомнительных символов, настоящие формы которых можно было определить только после удаления известкового вещества, которым они были покрыты. В марте 1881 года, через шесть недель после визита Сайса, доктор Гуте прибыл в Иерусалим и, сделав более полное факсимиле надписи, чем это было возможно ранее, удалил известковый налет с помощью кислоты, открыв таким образом первоначальный вид скрижали. Буквы, которые раньше были скрыты, теперь стали видны, и можно было

различить их точные очертания. Сначала был сделан слепок, а затем и выдавливание текста, и наконец-то в руках ученых Европы оказалась точная копия древнего текста.

Надпись состоит из шести строк, но несколько букв, составляющих ее, к сожалению, были уничтожены в результате выветривания камня. В переводе она выглядит следующим образом

1. "(Вот) раскопки! Вот история раскопок. Когда экскаваторщики еще поднимали кирку, каждый к своему соседу, и когда оставалось еще три локтя до раскопок, раздался голос одного человека, зовущего своего соседа, ибо в скале было превышение с правой стороны (и с левой). И после того, как в день раскопок землекопы ударили киркой о кирку, один о другой, воды потекли из источника в Бассейн на расстояние 1200 локтей. И (часть) [pg 088] локтя составляла высота скалы над головой экскаваторов".

Язык надписи - чистейший библейский иврит. В ней есть только одно слово - "избыток", - которое является новым и, следовательно, имеет сомнительное значение. Из нее мы узнаем, что инженерное мастерство того времени было отнюдь не презренным. Трубопровод был прорыт так же, как и туннель Мон-Сени в наше время, - одновременно с двух концов; и, несмотря на его извилистость, рабочим почти удалось сойтись в середине. Они подошли так близко друг к другу, что шум, производимый одной стороной при вырубке скалы, был слышен другой, а небольшой кусок скалы, который находился между ними, соответственно, был пробит. Это объясняет наличие двух кульбитов в центре канала; они представляют собой крайние точки, достигнутые двумя группами экскаваторов до того, как они обнаружили, что вместо того, чтобы встретиться, они проходят мимо друг друга.

Очень жаль, что надпись не содержит никаких указаний на дату; но формы букв, используемых в ней, показывают, что она не может быть намного более поздней по возрасту, чем Моавитский камень. Действительно, некоторые буквы имеют более древние формы, чем на Моавитском камне; но это можно объяснить тем, что иерусалимские писцы были более консервативны, более склонны к сохранению старых форм, чем писцы царя Меши. Среди ученых преобладает мнение, что туннель и, соответственно, надпись на нем были выполнены в царствование Езекии. Согласно Летописцу (2 Пар. xxxii. 30), Езекия "остановил верхний поток воды Гихона и спустил его прямо к западной стороне [pg 089] города Давидова", и мы читаем во 2 Цар. xx. 20, что "он сделал бассейн и водовод и провел воду в город". Цель этого трудоемкого предприятия совершенно очевидна. Девичий источник, единственный естественный источник в окрестностях Иерусалима, находился за стенами и во время войны мог легко попасть в руки врага. Поэтому иудейские цари сделали все возможное, чтобы запечатать этот источник, который, по словам летописца, должен быть "верхним водотоком Гихона", и провести его воды по подземным ходам внутрь городских стен. Кроме туннеля, в котором находится надпись, был обнаружен еще один туннель, который также сообщается с источником Девы. Но заманчиво предположить, что самый важный из них - тоннель, содержащий надпись, - должен быть именно тем, который сделал Езекия.

Однако это предположение становится неопределенным из-за высказывания Исаии (viii. 6). Когда Ахаз, отец Езекии, еще царствовал, Исайя произнес пророчество, в котором упомянул о "водах Шилоаха, которые мягко текут". Вряд ли это может означать что-то иное, чем мягко текущий поток, который до сих пор протекает через туннель Силоам. В таком случае водовод должен был существовать еще при Езекии, а поскольку мы не знаем более раннего периода, когда могла быть проведена подобная инженерная работа, пока не вернемся к царствованию Соломона, возможно, что надпись действительно относится к этой древней дате. В пользу этого предположения говорит название Шилоах, которое, вероятно, означает

"туннель" и было дано этой местности в связи с каналом, пробивавшим здесь скалу. Вряд ли, когда Давид и Соломон укрепляли Иерусалим и нанимали финикийских архитекторов для строительства больших общественных зданий, [pg 090] они позволили бы городу полностью зависеть от дождевых цистерн для снабжения водой. Поскольку в надписи бассейн Силоам назван просто "бассейном", можно предположить, что в то время не существовало другого подобного резервуара; однако в эпоху Исаии, как мы узнаем из Ис. ххii. 9, 11, был не только "нижний бассейн", в отличие от "верхнего", но и "старый бассейн", в отличие от нового. Поскольку раскопки д-ра Гуте обнаружили остатки четырех таких бассейнов по соседству с Силоамом, нетрудно найти места для всех этих водоемов. Но они вряд ли могли существовать, когда Силоамский бассейн еще называли просто "бассейном", да и название Шилоах не могло быть присвоено местности, если бы уже был раскопан другой туннель, замеченный сэром Чарльзом Уорреном на восточной стороне Храмового холма. Этот второй туннель, как и Силоамский, начинается от источника Девы и был предназначен для того, чтобы провести воду источника в стены города. Шахта прорублена на семьдесят футов в холме, где она встречается с другой перпендикулярной шахтой, которая поднимается на высоту пятидесяти футов, а затем встречает лестницу, ведущую в широкий проход, заканчивающийся еще одной лестницей и сводчатой камерой. Через определенные промежутки здесь были обнаружены ниши для ламп, предназначенных для освещения людей, которые ходили черпать воду с помощью ведра. Поскольку в камере были обнаружены лампы римского периода, туннель, должно быть, был известен и использовался вплоть до захвата Иерусалима Титом, и, вероятно, он не старше правления Ирода. В любом случае, сравнительное совершенство его изготовления свидетельствует о том, что он был сделан позднее, чем Силоамский туннель.

[pg 091]

Однако, какие бы сомнения ни витали над датой надписи, несомненно, она пролила важный свет на топографию Иерусалима в период правления королей. Теперь ясно, что современный город занимает очень мало той же территории, что и древний; последний полностью стоял на возвышенности к востоку от долины Тироп, северную часть которой в настоящее время занимает мечеть Омара, а южная часть не заселена. Сама долина Тиропон - это, должно быть, долина Сына Хиннома, где идолопоклонники Иерусалима сжигали своих детей в огне Молоху. Именно в южном обрыве этой долины должны находиться гробницы царей; причина, по которой их до сих пор не нашли, в том, что они погребены под мусором, которым заполнена долина. Среди этого мусора должны быть остатки города, разрушенного Навуходоносором, руины которого были сброшены в ущелье внизу. Между более высокой частью холма, ныне занятой мечетью Омара, и его нижней необитаемой частью д-р Гуте обнаружил следы долины, которая когда-то впадала в долину Кедрона под прямым углом к ней, недалеко от источника Девы, и разделяла в старые времена город Давида от остальной части города. Здесь, как и в ныне уничтоженной Долине сыроваров, вероятно, все еще лежат реликвии династии Давида; но мы узнаем историю, которую они должны нам рассказать, только когда лопата экскаватора придет, чтобы продолжить открытия, начатые надписью Силоама.

[pg 092]

Глава V. Империя хеттов.

Обнаружение следов древней Хеттской империи.- Писания, упоминающие хеттов.- Открытие профессора Сайса.- Надписи в Хамате.- Хеттская раса.- Хеттское искусство.

Еще пять лет назад никто не подозревал, что в Западной Азии когда-то существовала великая империя, на равных соперничавшая с Египтом и Ассирией, основателями которой были малозаметные ветхозаветные хетты. Никто и не подозревал, что те же хетты когда-то принесли свое оружие, искусство и религию на берега Эгейского моря, и что ранняя цивилизация Греции и Европы была обязана им не меньше, чем финикийцам.

Открытие было сделано в 1879 году. Недавние исследования и раскопки показали, что на первобытное искусство и культуру Греции, как показали, например, раскопки доктора Шлимана в Микенесе, оказали влияние своеобразное искусство и культура, пришедшие из Малой Азии. Здесь также были обнаружены странные памятники, которые образуют непрерывную цепь от Лидии на западе до Каппадокии и Ликаонии на востоке. Самые известные из них - наскальные скульптуры, найденные в Богаз-Кеуи и Эюке, на восточном берегу Халиса, и две рельефные фигуры на перевале Карабель, близ Сард, которые старый греческий историк Геродот уже давно принял за памятники египетского завоевателя Сесостриса, или Рамзеса II.

[pg 093]

Тем временем в странах, более тесно связанных с Библией, совершались и другие открытия. Из египетских надписей ученые узнали, что до времен Исхода египетские монархи вели ожесточенную борьбу с могущественным народом хеттов, два главных города которых находились в Кадеше на Оронте и Кархемише на Евфрате и которые могли призвать себе на помощь союзников не только из Палестины, но и далеко от Лидии и Трояды, на западном побережье Малой Азии. Сам Рамсес II, фараон-угнетатель, с радостью заключил мир со своими противниками, а договор, предусматривавший, помимо прочего, амнистию политических преступников, нашедших убежище во время войны у одного или другого из воюющих, был скреплен браком египетского царя с дочерью его соперника. Через столетие или два после этого Тиглат-Пилесер I Ассирийский обнаружил, что его проход через Евфрат преградили хетты из Кархемиша и их колхидские наемники. С этого времени хетты стали опасными врагами ассирийских царей в их попытках расширить империю на запад, пока, наконец, в 717 г. до н. э. Саргону не удалось захватить их богатую столицу Кархемиш и сделать ее резиденцией ассирийского сатрапа. С этого момента хетты исчезают из истории.

Но они уже оставили свой след на страницах Ветхого Завета. Ханаанеянин, предавший израильтянам своих соплеменников в Бет-Эле, не решился довериться своим соотечественникам, а ушел "в землю Хеттеев" (Суд. I. 26). Соломон ввозил из Египта лошадей, которых продавал сирийцам и хеттам (1 Цар. 28, 29), и когда [pg 094] Бог навел панику на лагерь сирийцев перед Иерусалимом, они вообразили, что "царь Израиля нанял против них царей хеттов и царей египетских" (2 Цар. vii. 6). Сам Кадеш, столица южных хеттов, упоминается в отрывке, где еврейский текст, к сожалению, испорчен (2 Цар. xxiv. 6). Здесь Септуагинта показывает нам, что офицеры, посланные Давидом для переписи народа, обойдя северную границу его царства, дошли до "Галаада и земли хеттов Кадешских". На крайнем юге Палестины с ранних времен поселилось ответвление этой расы. Это хетты, о которых мы слышим в книге Бытия в связи с патриархами. Хеврон был одним из их городов, а Хеврон, как нам говорят (Числ. xiii. 22), "был построен за семь лет до Зоана", или Таниса, столицы гиксосских завоевателей Египта. Это позволяет предположить, что хетты составляли

часть войска гиксосов и что некоторые из них, вместо того чтобы войти в Египет, остались в Южном Ханаане. Это предположение подтверждается заявлением египетского историка Манефо, который утверждает, что Иерусалим был основан гиксосами после их изгнания из Египта; а у Иерусалима, напомним, согласно Иезекиилю (xvi. 3), была мать-хеттка.

Другим хеттским городом на юге Иудеи был Кирыат-Сефер, или "Книгоград", также известный как Дебир, "святылище", название которого напоминает название Кадеша, "святого города". Из его названия можно сделать вывод, что в Кирыат-Сефере находилась библиотека, наполненная хеттскими книгами. О том, что хетты были литературным народом и обладали собственной системой письма, мы узнаем из египетских памятников. Что представляла собой эта письменность [pg 095], стало известно благодаря недавним открытиям. В Хамате, Алеппо и Кархемише, в Каппадокии, Ликаонии и Лидии были найдены надписи, представляющие собой своеобразные иероглифы или рисунки. Их всегда находят вместе со скульптурами в любопытном художественном стиле, некоторые из которых из Кархемиша, современного Джераблуса, сейчас находятся в Британском музее. Стиль искусства тот же, что и у памятников Малой Азии, о которых говорилось выше.

Именно открытие этого факта профессором Сайсом в 1879 году впервые показало существование Хеттской империи и ее значение в истории цивилизации. Некоторые иероглифические надписи, первоначально замеченные путешественником Буркхардтом в Хаме, древнем Хамате, стали доступны научному миру благодаря Фонду исследования Палестины, и была выдвинута гипотеза, что они представляют собой давно утраченную письменность хеттов. Вскоре эта догадка была подтверждена обнаружением аналогичных надписей в Джераблусе, который г-н Скене и г-н Джордж Смит уже отождествили с городом Кархемиш. Таким образом, если ранние памятники Малой Азии действительно хеттского происхождения, как предполагал профессор Сайс, то было ясно, что они должны сопровождаться хеттскими иероглифами. Так и оказалось. Посетив скульптурную фигуру на Карабельском перевале, в которой Геродот видел изображение великого противника хеттов, он обнаружил, что иероглифы, выгравированные рядом с ней, все были хеттской формы.

С тех пор хеттские надписи были обнаружены на другом архаичном памятнике Лидии - сидящей фигуре великой богини Кархемиша, высеченной из [pg 096] скал горы Сипилос, которую греки считали Ниобеей своей мифологии еще в эпоху Гомера; подобные надписи также существуют в Богаз Кеуи и Эюке, в Каппадокии, а также возле Ивриса, в Ликаонии. Другие были обнаружены в различных частях Каппадокии и в горном массиве Тавр, а серебряный босс с драгоценной надписью как хеттскими иероглифами, так и клинописью, похоже, принадлежит Киликии. На самом деле, сейчас существует множество доказательств того, что хетты когда-то владели большей частью Малой Азии, так что нам больше не стоит удивляться тому, что они могли призвать троянцев и лидийцев на помощь в своих войнах против Египта.

Существование хеттских надписей в Хамате свидетельствует о том, что Хамат также когда-то находился под властью хеттов. Это проливает свет на несколько фактов, записанных в священной истории. Давид, после завоевания сирийцев, стал союзником хамафитского царя, и этот союз, по-видимому, продолжался до того времени, когда Хамат был окончательно разрушен ассирийцами, поскольку это подразумевается в словах 2 Цар. xiv. 28, а также в союзе между Уззией и Хаматом, о котором нам сообщают ассирийские памятники. Хамат и Иуда, по сути, имели общего врага в Сирии, и поэтому их связывали общие интересы. Только когда Ассирия стала угрожать всем жителям запада, Хамат и Дамаск оказались бок о бок в битве при Каркаре. В остальное время они были естественными врагами.

Причина этого кроется в том, что хетты были вторженцами на семитскую территорию Сирии. Их происхождение следует искать в высокогорьях Каппадокии, [pg 097] и оттуда они спустились в южные области, в то время занятые семитскими арамеями. Хамат и Кадеш когда-то были арамейскими городами, и когда они вновь были вырваны из владения хеттов, то вернулись к своим прежним хозяевам. Падение Кархемиша означало окончательный триумф семитов в их долгой борьбе с хеттским чужеземцем.

Даже на своей южной родине хетты сохранили одежду холодной горной страны, из которой они пришли. Для них характерны сапоги с вывернутыми носками, такие, какие до сих пор носят горцы Малой Азии и Греции. Они были плотного телосложения и несколько коротконоги, а египетские художники изобразили их без бороды, желтовато-белого цвета, с темно-черными волосами. Короче говоря, как отмечает М. Ленорман, они обладали всеми физическими характеристиками кавказского племени. Их потомков до сих пор можно встретить в дефиле Тавра и на плато Каппадокии, хотя они полностью забыли язык или языки, на которых говорили их предки. Каким был этот язык, до сих пор неясно, хотя хеттские имена собственные, встречающиеся на памятниках Египта и Ассирии, показывают, что он не был ни семитским, ни индоевропейским. С помощью уже упомянутой двуязычной клинописной и хеттской надписи профессор Сайс полагает, что определил значения нескольких символов и частично прочитал три или четыре имени, но пока не появятся новые надписи, двигаться дальше невозможно. Только с каждым днем становится все более вероятным, что иероглифы, которыми написаны надписи, были порождением любопытной слоговой азбуки, когда-то использовавшейся по всей Малой Азии, которая сохранилась на Кипре до исторических времен.

[pg 098]

Хеттское искусство было первоначально заимствовано из Вавилонии, но изменено заимствователями особым образом. Заимствования произошли еще до возвышения Ассирии. В астрономических и астрологических табличках, входящих в большой труд о небесных телах, который был составлен для библиотеки Саргона I Аккадского, время от времени упоминаются хатты или хетты, что является явным доказательством того, что уже в ту далекую эпоху они переселились со своего северного дома в новые места обитания в Сирии. Помимо искусства Вавилонии, они также заимствовали несколько вавилонских божеств и религиозных легенд. Верховная богиня Кархемиша была вавилонской Истар или Ашторет, и ее изображение, найденное на ранних вавилонских цилиндрах, было перенесено хеттами на западные берега Малой Азии, а оттуда через Эгейское море попало в Грецию. Даже амазонки из греческой мифологии на самом деле были не более чем жрицами этого хеттского божества, которые носили оружие в честь богини. Города, которые, по мнению греков, были основаны амазонками, все были хеттского происхождения.

В дальнейшем мы можем ожидать, что влияние, оказанное хеттами на своих сирийских соседей, было почти таким же глубоким, как и влияние, оказанное ими на своих соседей в Малой Азии, а через них - на отцов греков. Однако на данный момент мы должны довольствоваться поразительными результатами, которые уже были получены в этой новой области исследований. Народ, некогда игравший важную роль в истории цивилизованного мира, вновь предстал перед нами после столетий забвения, а забытая империя вновь предстала перед нами. Открыта первая глава новой истории, которая [pg 099] может быть завершена только после того, как будут обнаружены новые хеттские надписи и расшифрована история, которую они содержат. Теперь нужны только исследователи и раскопщики, которые сделают для погребенных городов хеттов то, что Ботта и Лэйард сделали для Ниневии, а Шлиман - для Микенэ и Трои.

Глава VI. Ассирийские вторжения.

Взятие Иерусалима.- Шишак.- Шалманесер II.- Надпись, описывающая кампанию шестого года его правления.- Исправление библейской хронологии.- Поклонение Риммону.- Война с Хазаэлем.- Черный обелиск.- Риммон-нирари.-Тиглат-Пилесер II.- Падение Арпада.- Менахем платит дань.- Союз Ахаза с Ассирией.- Взятие Самарии и Дамаска.- Разрушение Самарии.- Саргон, Кутха и Сифарваим.- Меродах-Баладан.-Вторжение Саргона в Иудею.- Истинное толкование Исаии x. и xi.- Вторжение Сеннахериба.- Его рассказ о нем.- Библейский рассказ.- Дата.- Лахишский барельеф.- Иудейская политика в царствование Езекии.-Общественные дела Езекии.-Завещание Сеннахериба.-Правление Эсар-Хаддона.- Объяснение 2 Хрон. xxxiii. 2.-Исайя xix.-Правление Ассур-бани-пала.-Дата падения Ассирии.- Хронологическая таблица событий, описанных в главе.

Когда Давид основал свою империю, два его могущественных соседа, Египет и Ассирия, находились в состоянии упадка. Ассирия попала в руки невоинственных царей, которые не смогли удержать завоевания своих предшественников даже на своих ближайших границах; а Египет был разделен между соперничающими династиями и раздираем гражданскими войнами. Египет, однако, первым восстановил свою силу. Монархи двадцать второй династии вновь объединили страну под единым началом, а Шишак или Шешанк I обратил свое оружие против городов Палестины. Краткий рассказ, приведенный в 1 Царств xiv. 25, 26, и более полная история в 2 Хроник xii. о его вторжении в Иудею и взятии Иерусалима дополнены его собственной записью на стенах разрушенного храма Карнака. Здесь египетский царь [pg 101] изображен поражающим завоеванных евреев колоссальной дубиной, а рядом с ним тянутся длинные ряды украшенных щитов, на каждом из которых написано название побежденного города. Среди них мы находим названия не только иудейских городов, но и израильских крепостей - Мегиддо, Таанаха и Авеля - доказательство того, что египетский поход был направлен как против северного царства, так и против Иудеи, и, следовательно, не мог быть предпринят по наущению Иеровоама, как иногда предполагалось. Один из городов называется Иуда-Мелек, или "Иуда-царь", под этим названием, возможно, подразумевался Иерусалим. Во всяком случае, среди сохранившихся щитов нет ни одного упоминания о царском городе Ровоама.

Энергичное правление Шишака продолжалось недолго, прежде чем Египет вновь погрузился в состояние анархии и слабости, которое закончилось его завоеванием эфиопом Сабако, ветхозаветным Со (2 Цар. xvii. 4). Тем временем Ассирия восстановила свои силы и начала новую завоевательную карьеру. В 858 г. до н. э. на престол взошел Шалманесер II, и его долгое тридцатипятилетнее правление стало одной сплошной историей походов против соседей, в ходе которых власть Ассирии распространилась вплоть до Средиземноморья. Растущая мощь Дамаска, который Резон вырвал из империи Давида во времена Соломона (1 Цар. xi. 23-25), стала главным объектом его нападения. Уже на шестом году своего правления он разгромил объединенные силы Дамаска, Хамафа и хеттов и убил в бою 20 500 своих врагов. В это время Дамаском управлял Хадад-идри или [pg 102] Хададезер, Бен-Хадад II из Писания; это имя из Писания было постоянным титулом сирийских царей и означало "сын Хадада", верховного божества Дамаска. Через три года Шалманесер снова напал на

сирийского царя, но существенного успеха добился лишь на четырнадцатом году, когда перешел Евфрат с армией в 120 000 человек.

О походе шестого года подробно рассказывается в надписи, выгравированной ассирийским монархом на скалах Армении. Здесь мы узнаем, что, переправившись через Евфрат, он получил дань от хеттских государств в Петоре, городе Валаама, который, по его словам, расположен в месте слияния Евфрата и Саджура. Затем он отправился в Алеппо, где ему принесли еще больше даров, и, захватив три крепости Хамата, достиг царского города Каркара или Ароера. Этот город, говорит он, "я разрушил, разрыл, сжег огнем; 1 200 колесниц, 1 200 боевых машин и 20 000 человек, принадлежавших Хададезеру из Дамаска; 700 колесниц, 700 боевых машин и 10 000 человек, принадлежавших Ирхулину из Хамата; 2 000 колесниц и 10 000 человек Ахава Израильского (Сирла); 500 человек Куанов; 1 000 человек из Египта; 10 колесниц и 10 000 человек из земли Иркнат; 2000 человек Матину-баала из Арвада; 2000 человек из земли Усанат; 30 колесниц и 10 000 человек Адони-баала из Сизана; 1000 человек Гиндибуха из Аравийцев; и несколько сот человек Бааши, сына Рехоба, из Аммонитян - эти двенадцать царей привели свои войска на помощь ему и пришли, чтобы воевать и сражаться против меня. Благодаря величайшей помощи, которую оказал мне Ассур, [pg 103] владыка, и могучему оружию, которое одолжил мне великий защитник, шедший впереди меня, я сразился с ними. От города Каркара до города Гузау я победил их. Четырнадцать тысяч их воинов я убил оружием; подобно богу воздуха, я наслал на них бурю; трупами их я наполнил лицо вод; их огромные армии я поверг своим оружием; в стране не хватило места для их трупов; чтобы сохранить жизнь ее, я привел огромное множество людей и распределил их между ее жителями. Я дошел до берегов реки Оронт. В разгар битвы я отнял у них их колесницы, их военные снаряды и их коней, приученных к ярму".

Первый вопрос, который возникает при чтении этой надписи, - как согласовать упоминание в ней Ахава с датой битвы при Каркаре (853 г. до н. э.). Согласно хронологии, принятой на полях наших Библий, Ахав должен был умереть задолго до этого события. Ассирийские памятники, однако, доказали, что эта хронология превышает истинную более чем на сорок лет, а дата, назначенная Ахаву надписью, полностью соответствует датам, которые другие надписи назначают более поздним царям Израиля и Иуды. По всей вероятности, битва при Каркаре произошла незадолго до смерти Ахава, и, несомненно, именно в результате поражения сирийских войск Ахав смог не только избавиться от подчинения Дамаску, но и вступить в союз с Иудой и попытаться вернуть пограничную крепость Рамот, которой Израиль был лишен. О союзе между Ахавом и царем Дамаска говорится в 1 Царств хх. 34. [pg 104] Битва при Каркаре, должно быть, последовала вскоре после этого, поскольку нападение на Рамот было совершено в течение трех лет после заключения союза. Таким образом, смерть Ахава можно отнести к 851 году до н. э.

Другой вопрос, который можно задать, - как ассирийский монарх может утверждать, что двенадцать князей выступили против него с оружием в руках, когда, согласно его собственному перечислению, там присутствовали силы только одиннадцати народов, некоторые из которых, похоже, не находились под командованием какого-либо царя. Единственный ответ, который можно дать, заключается в том, что Шалманесер виновен в подобной арифметической неточности, которая заставляет его говорить, что в битве пало 14 000 врагов, тогда как, по другим данным, их число действительно составляло 20 500; хотя возможно, что последнее число включает потери в других битвах, которые произошли во время кампании, помимо решающей битвы при Каркаре. Однако, когда мы находим такие арифметические искажения, как эти, в современных документах, нам не приходится

удивляться тому, что числовые показатели Ветхого Завета стали измененными и неопределенными при прохождении через руки поколений переписчиков.

Из пятой главы 2 Царств мы можем сделать вывод, что бог Риммон был главным объектом поклонения Хададезера или Бен-Хадада, сирийского царя. Ассирийские надписи показывают нам, почему это было так. Риммон - это ассирийский Рамман, бог воздуха, а Рамман специально отождествляется с сирийским божеством Хададом, чье имя входит в имя Хададезера. Хадад-Риммон, по сути, был верховным божеством Дамаска, где он представлял не бога воздуха, как у ассирийцев, а самого Ваала, бога Солнца. Поэтому в Захарии xii. 11 упоминается [pg 105] "траур Хадад-Риммона в долине Мегиддо", то есть ежегодный праздник, когда женщины оплакивали смерть бога Солнца, убитого, как считалось, зимой. В Финикии бог был известен как Адонис, "владыка", или под своим старым вавилонским именем Таммуз. Именно по Таммузу, как помнится, Иезекииль видел женщин, сидящих и плачущих в предместьях "дома Господня" в Иерусалиме (Иез. viii. 14).

Хададезер был убит между четырнадцатым и восемнадцатым годами правления Шалманесера, а корона перешла к Хазаэлю. На восемнадцатом году жизни ассирийский царь выступил против узурпатора и захватил его лагерь вместе с 1121 колесницей и 470 военными складами. Битва произошла на вершине Санира или Шенира - так называли гору Ермон аморреи, согласно Втор. iii. 9, - "которая лежит против Ливана". Здесь 16 000 сирийцев пали в бою, а Хазаил бежал в Дамаск, куда за ним последовали ассирийцы. Дамаск, однако, оказался слишком сильным, чтобы его можно было захватить, и Шалманесер довольствовался тем, что срубил деревья, которыми он был окружен, и ушел в Хауран, где сжег неукрепленные города и увел их жителей в плен. Затем он отправился по большой дороге из Дамаска в Средиземноморье и на мысе Баал-рош, в устье реки Пс, недалеко от Бейрута, высек на скалах свое изображение. Там же он получил дань от Тира и Сидона, а также от "Яхуа, сына Хумри", то есть от Иеху, потомка Омри. Называя Иеху потомком Омри, ассирийский царь был дезинформирован; он ничего не слышал [pg 106] революции, которая уничтожила дом Омри и возвела Иеху на престол. Поэтому предполагалось, что Иеху, как и Ахав, был сыном Омри, основателя Самарии, которая в ассирийских надписях часто называется Бет-Омри, "дом Омри", хотя в более поздние времена Тиглата-Пилесера II и Саргона "Бет-Омри" заменяется "Самириной". Это была арамейская форма родного имени Шимрон, и, следовательно, ассирийцы должны были заимствовать его у арамейских соседей израильтян.

В Ассирийском зале Британского музея сейчас стоит небольшой обелиск из черного мрамора, привезенный из Калаха сэром А. Х. Лэйярдом, на котором Шалманесер записывает летопись своего правления. Верхнюю часть монумента занимает серия рельефов, изображающих дань, которую приносили ассирийскому монарху далекие народы, искавшие его расположения. Среди рельефов есть один, на котором изображены послы Иеху, несущие подношения из золотых и серебряных слитков, золотой вазы и золотой ложки, золотых кубков и чаш, кусков свинца, царского скипетра и деревянных булав. Их черты лица до сих пор характерны для иудейской расы, а их бахромчатые одежды спускаются до щиколоток.

Смерть Шалманесера принесла с собой период мира для Дамаска и Палестины. Его сын и преемник направил оружие в другую сторону, и Хазаэль и его преемник Бен-Хадад III получили свободу для опустошения Израиля (2 Цар. xiii. 3). Только когда израильтяне при Иеровоаме II в достаточной мере отомстили сирийцам и побережье Израиля было восстановлено "от входа в Хамат до моря равнины", [pg 107] ассирийский монарх вновь двинулся на запад. Это был Риммон-Нирари, внук Шалманесера, правивший с 810 по 781 год до н. э. и низведший Дамасское царство до состояния вассальной зависимости. Дамаск

теперь находился под властью царя по имени Марих, преемника, вероятно, Бен-Хадада III, который, выдержав осаду со стороны ассирийцев, с радостью заключил с ними соглашение, признав главенство Риммона-нирари и отдав ему 2,300 талантов серебра, 20 талантов золота, 3 000 талантов меди, 5 000 талантов железа, вышитые одежды и одежды из виссона, кушетку, инкрустированную слоновой костью, и зонтик из слоновой кости, а также другие сокровища и мебель без числа, которые были в его дворце. Вполне возможно, что успехи Иеровоама в борьбе с сирийцами были в значительной степени обусловлены тем, что они были ослаблены ассирийцами. Риммон-нирари также утверждает, что получал дань от Тира и Сидона, от Бет-Омри, от Эдома и от Паласту или Палестины - под этим названием мы, вероятно, должны понимать не только район, населенный филистимлянами, но и Иудейское царство. Дань, несомненно, была отправлена ему после его триумфального въезда в Дамаск.

С Риммон-Нирари закончилась власть старшей династии ассирийских царей. Его преемники были не в состоянии защитить себя от нападений соседей с севера и юга; в больших городах царства вспыхивали болезни и восстания, и, наконец, в 746 г. до н. э. произошло восстание в Калахе; царь либо умер, либо был предан смерти, и еще до конца года, в апреле 745 г. до н. э., корона была захвачена военным [pg 108] авантюристом по имени Пул, принявшим титул Тиглат-Пилесира II. Тиглат-Пилесер I был самым известным монархом и самым масштабным завоевателем из старшей династии и правил Ассирией пять веков назад; взяв его имя, узурпатор, таким образом, хотел показать, что намерен повторить его деяния. Согласно более поздней традиции, новый царь начал свою карьеру садовником; независимо от того, правда это или нет, он проявил большие военные и исполнительные способности после того, как утвердился на троне, и именно ему была обязана своим происхождением вторая Ассирийская империя.

Тиглат-Пилесер решил объединить различные государства Западной Азии в единую империю, управляемую сатрапами, назначаемыми в Ниневии и подотчетными только царю. Каждая сатрапия, или провинция, должна была поставлять определенное количество людей для имперской армии и платить фиксированную ежегодную дань в имперскую казну. Так, сама Ниневия была обложена 30 талантами, десять из которых шли на общие расходы, а остальные двадцать - на содержание флота. Калах платил 9 талантов, Кархемиш, некогда богатая столица хеттов, - 100, Арпад - 30, а Мегиддо - 15. Кроме золота и серебра, города и провинции были призваны предоставить колесницы, одежду и другие подобные пожертвования.

Через два года после своего воцарения (743 г. до н. э.) Тиглат-Пилесер II обратил внимание на запад. Первым объектом нападения стал Арпад, ныне Тель-Эрфад, недалеко от Алеппо. Он продержался три года и пал только в 740 году до нашей эры. Тем временем царство Хамат было разбито ассирийским оружием. Девятнадцать его округов были отданы под власть ассирийских губернаторов, а ассирийские войска пробились вплоть до Средиземного [pg 109] моря. Азри-яху, или Азария (Уззия), иудейский царь, был союзником Хамата, и его тоже постигла кара. Он был вынужден купить мир предложением покорности и выплатой дани. Союз между Иудой и Хамафом был давним. Давид был другом его царя Ту или Тоя, а в начале царствования Саргона царь Хамафа носит ярко выраженное еврейское имя. Это Яху-бихди, или, как написано в другом месте, Илу-бихди, где слово ilu, "бог", занимает место имени Бога завета Израиля. Возможно даже, что Яху-бихди был иудеем, которого Азария посадил на трон Хамафа. В любом случае, союз между Иудой и Хаматом объясняет отрывок из 2 Царств xiv. 28, который долгое время представлял собой затруднение. Теперь ясно, что Иеровоам, как утверждается, завоевал Хамаф для Израиля, хотя до этого он "был в союзе с Иудой". Но

после смерти Иеровоама иудейское влияние должно было вновь возобладать среди хамафитян.

Через два года после падения Арпада Тиглат-Пилесер снова был на западе. По этому случаю он устроил левэ подвластных князей, среди которых были Резон из Дамаска и Манахем из Самарии, пришедшие принести дары и выразить почтение своему повелителю.⁷ Дань, которую, как утверждает Тиглат-Пилесер, он получил от израильского царя, согласно Книге [pg 110] царей, была отдана Пулу. Отсюда можно сделать вывод, что ассирийский монарх все еще был известен соседним народам под своим прежним именем, и только позднее они привыкли к новому титулу, который он принял. Этот вывод подтверждает и высказывание древнегреческого астронома Птолемея. Говоря о затмениях, которые наблюдались в Вавилоне, Птолемей приводит список вавилонских царей с указанием продолжительности их правления, начиная с так называемой эпохи Набонассара в 747 году до н. э. и заканчивая временем Александра Македонского. В этом списке Тиглат-Пилесер, после завоевания Вавилона, назван Поросом или Пором, Пор - персидская форма имени Пул.

При жизни Менахема Израиль оставался данником Ассирии, и ассирийский царь больше не обращал оружия против запада. Однако после смерти Менахема и убийства его сына Пекахия произошли важные перемены. Узурпатор Пеках в союзе с Резоном из Дамаска напал на Иудею с намерением свергнуть династию Давида и посадить на трон Иерусалима вассального царя, чье имя по отцу, Тавеил, показывает, что он, должно быть, был сирийцем. Иудейский царь Иофам умер вскоре после начала войны, а молодость и слабость его сына и преемника Ахаза сделали Иудею открытой для ее противников, которым еще больше помогала недовольная партия в самой столице (Ис. viii. 6). Поэтому в крайнем положении Ахаз обратился к ассирийскому монарху, который уже искал повод для сокрушения Дамаска и низведения Иудейского царства с его важной крепостью Иерусалимом до состояния вассальной зависимости. В 734 году до н. э. Тиглат-Пилесер вошел в Сирию. Резон был разбит в битве на поле [pg 111], его колесницы разбиты на куски, его военачальники захвачены и обезглавлены, а сам он бежал в Дамаск, где был тесно осажден врагом. Территория Дамаска была опустошена огнем и мечом, шестнадцать его районов были "захлестнуты, как потоком", а прекрасные сады, которыми была окружена столица, были уничтожены, каждое дерево срублено для использования в осаде. Однако сам город оказался слишком сильным, чтобы его можно было взять штурмом; оставив перед собой достаточное количество войск, чтобы уничтожить его голодом, Тиглат-Пилесер двинулся против недавних союзников сирийского царя. Первым был атакован Израиль. Север страны был захвачен, а племена за Иорданом уведены в плен. Среди захваченных и разграбленных городов упоминаются Гилеад и Авель-бет-Мааха.⁸ Затем ассирийцы обрушились на Аммон и Моав, которые помогали Израилю и Сирии в нападении на Иудею, а затем двинулись вдоль морского побережья в страну филистимлян, которые воспользовались возможностью в ходе последней войны сбросить иго иудейского царя. Их вождь, Ханун или Ханно из Газы, бежал в Египет, но сама Газа была захвачена и обложена данью, ее боги унесены, а в храме Дагона установлено изображение ассирийского царя. Экрон и Ашдод также были наказаны, а Метинти из Ашкелона покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать мести завоевателя.

Теперь, когда опасность на юге была устранена, Тиглат-Пилесер вернулся в Северное царство, взял Самарию и (согласно его собственному рассказу) предал Пекаха смерти, назначив вместо него царем Осию. Одновременно с этим была установлена ежегодная дань в размере десяти талантов золота и [pg 112] тысячи серебра. Вскоре после этого часть ассирийских войск была направлена против эдомитян и царицы арабов, которые также восстали против Ассирии и присоединились к Сиро-Израильской лиге. По всей видимости,

эта лига была создана для того, чтобы сдержать наступление Ассирии, а война против Иуды была вызвана отказом Иофама принять в ней участие. Это было предвосхищение лиги, которая впоследствии была создана во времена Езекии против растущего могущества Саргона.

Тем временем, после двухлетней осады, Дамаск пал в 732 году до н.э. Резон был убит, его подданные уведены в плен, а в его дворце Тиглат-Пилесер устроил большой суд, похожий на дурбар в современной Индии. Среди подвластных князей, присутствовавших на нем, был Ахаз из Иудеи. В ассирийских надписях он назван Иехоазом, поэтому очевидно, что священные историки опустили первую часть имени в связи с характером царя. Божественное имя было бы осквернено связью с идолопоклонническим и недостойным принцем. Поскольку Ханун явился ко двору вместе с Кавус-мелехом из Эдома, Метинти из Ашкелона, Соломоном из Моава и Санибом из Аммона, ему, должно быть, удалось добиться помилования. Именно во время пребывания Ахаза в Дамаске в присутствии ассирийского монарха он увидел жертвенник, образец которого он послал Урии, приказав установить его во дворе дома Господня.

Тиглат-Пилесер умер в 727 г. до н. э., и его сменил Шалманесер IV. Отказ Осии продолжать выплату ежегодной дани привел нового ассирийского монарха на запад. Тир был безуспешно осажден, Осия уведен в плен, а Самария блокирована на три [pg 113] года. Во время блокады Шалманесер умер, и корона перешла к одному из ассирийских генералов. Последний принял имя Саргон, в память о знаменитом вавилонском монархе, царствовавшем за много веков до этого. В первый год его правления (722 г. до н. э.) была захвачена Самария; 27 280 ее жителей были отправлены в изгнание, но в городе нашлось только пятьдесят колесниц. Ассирийский губернатор был назначен над ней, которому было поручено ежегодно отправлять в Ниневию такую же дань, какую платил Осия. Сравнительно небольшое число израильтян, уведенных в плен, показывает, что Саргон довольствовался вывозом только тех людей и их семей, которые принимали участие в восстании против него; на самом деле с Самарией обращались примерно так же, как с Иерусалимом во времена Иехонии Навуходоносора. Большинству старого населения было позволено остаться на родной земле. Этот факт опровергает современные теории, предполагающие, что все Десять колен были уведены в плен. Районами, в которые были уведены пленники, были Хала, берега Хабора, или реки Гозан, и города мидийцев. Халах находился недалеко от Харана в Месопотамии, на западном берегу Хабора, современного Хабура, который впадает в Евфрат и поднимается в стране, называемой в ассирийских надписях Гузана или Гозан. Меды были племенами, жившими к востоку от Курдистана, который, как и Месопотамия, был захвачен Тиглатом-Пилесером.

Места пленных израильтян были заняты не сразу. Из Ветхого Завета мы узнаем, что новые жители были приведены из Хамафа и городов Вавилонии. Хамат был завоеван Саргоном лишь в 720 г. до н.э., а Вавилония - [pg 114] 710 г. до н.э. Хамат поднял восстание при Яху-бихди или Илу-бихди, который побудил Арпад, Дамаск и Самарию последовать его примеру. Но наказание было быстрым и суровым. Саргон схватил Илу-бихди в городе Ароер и заживо распластал его, а Хамат получил колонию из 4300 ассирийцев и ассирийского губернатора. Следующей была наказана Самария, а затем Саргон двинулся на юг против объединенных сил Хануна из Газы и Сабако или Со из Египта. Сражение при Рафии решило судьбу борьбы, и Ханун попал в руки своих врагов.

Вавилонскими городами, из которых были взяты некоторые новые поселенцы в Самарии, были Кутха и Сефарваим. Кутха сейчас представлена курганами Тель-Ибрагим, расположенными к северо-западу от Вавилона. Он находился под особым покровительством

Нергала, чье имя означает "владыка великого города", бог подземного мира. Сефарваим, или "два Сиппара", стояли на противоположных берегах Евфрата. Квартал на восточном берегу, который сейчас называется Абу-Хабба, был собственно Сиппаром, где, согласно вавилонской традиции, Сисутрос похоронил свои книги перед потопом; квартал на другом берегу - это Агаде или Аккад, старая столица Саргона I, давшая название всей северной части Халдеи. В более поздние времена эти два квартала стали различаться как "Сиппара Самаса", бога Солнца, и "Сиппара Анунит". Анунит была женой бога Ану, "неба"; и когда в Библии говорится, что "сифарвиты сожгли своих детей в огне Анаммелеху", имеется в виду "Ану, царь". Адраммелех, или "Адар-царь", был еще одним вавилонским божеством, которое первоначально было формой бога Солнца.

[pg 115]

Из Ездры iv. 2, 10 мы можем узнать, что Самария была колонизирована ассирийцами во второй раз, возможно, в результате неудачного восстания. Это произошло в царствование Эсар-Хаддона. Его сын Аснаппер, или Ассур-бани-пал, поселил в стране несколько эламских племен, среди которых были выходцы из Сузы и Афарсы или Мал-Амира. В то же время там поселились выходцы из Вавилона и Эреха. Имена новых колонистов больше подходят к правлению Ассур-бани-пала, чем Эсар-хаддона, поскольку именно Ассур-бани-пал, а не Эсар-хаддон, завоевал Элам и Сузы, а также взял штурмом Вавилон и Эрах. Поэтому вполне вероятно, что Эсар-хаддон во 2-м стихе - ошибка переписчика Аснаппера.

В результате превращения северного царства Израиля в ассирийскую провинцию Ассирийская империя подошла к самым границам Иудеи, и ассирийские цари стали с тоской поглядывать на территорию последней. Его столица, Иерусалим, была почти неприступной крепостью, обладание которой открыло бы дорогу в Египет, а также заблокировало бы проход египетской армии в Азию. Но пока не было повода для нападения на него. Езекия, преемник Ахаза, продолжал платить дань, которую его отец согласился отдать ассирийцам, а Саргон, соответственно, занимался войнами в других странах. Однако внезапно произошло событие, которое вновь привело его в Палестину. Чтобы понять это, мы должны на минуту-другую обратить свой взор на Вавилонию.

Вавилоняне воспользовались возможностью, предоставленной смертью Тиглата-Пилесера, чтобы сбросить ассирийское иго. В течение пяти лет они оставались свободными. Затем в 722 г. до н. э. страну захватил человек [pg 116] большой энергии и способностей, Меродах-баладан, сын Ягины.⁹ Меродах-баладан был наследственным вождем калдаев или халдеев, небольшого племени, которое в то время обитало на болотах в устье Евфрата, но которое впоследствии, в результате завоевания Вавилона, стало господствующей кастой в самой Вавилонии. В течение двенадцати лет он оставался бесспорным хозяином страны, которую мы впредь будем называть Халдеей. Однако Саргон с каждым годом становился все могущественнее, и было очевидно, что новое вторжение ассирийцев в Вавилонию не заставит себя долго ждать. Меродах-баладан решил предвосхитить нападение. Поэтому он попытался создать обширную лигу между государствами как на восточной, так и на западной стороне Ассирийской империи, независимости которых угрожал их могущественный сосед. Вавилония и Элам были восточными членами лиги, а на запад были отправлены послы, чтобы согласовать меры с различными государствами Палестины, а также с Египтом для совместных действий против Саргона.

Езекия, находившийся на четырнадцатом году своего правления (2 Цар. xx. 6), только что оправился от опасной болезни, которая усугублялась страхом перед Ассирией и тем, что у него еще не было сына, который мог бы стать его преемником. Болезнь послужила

предлогом, с помощью которого заговорщики надеялись ослепить глаза Саргона на истинные цели посольства; миру было объявлено, что послы прибыли [pg 117] только для того, чтобы поздравить иудейского царя с выздоровлением. Но Саргон хорошо знал, что Меродах-баладан не стал бы беспокоиться о здоровье брата-царя, если бы не было других мотивов, и он, несомненно, узнал, что Езекия показал послам все сокровища и оружие, с помощью которых он надеялся поддержать лигу. В результате, прежде чем конфедераты были готовы оказать ему сопротивление, ассирийский монарх обрушился на них и напал на них поодиночке.

Первой пострадала Палестина. Ахимита, которого Саргон назначил царем Ашдода, свергли, а корону отдали узурпатору по имени Яван или "грек". Яван, по-видимому, был выдвигенцем Езекии, который в это время осуществлял своего рода сюзеренитет над филистимскими городами, и его поставили царем для того, чтобы он возглавил восстание филистимлян против Ассирии. Эдом и Моав также послали свои контингенты на войну, а эфиопский царь Египта обещал помощь. О подробностях борьбы между Саргоном и западными государствами мы, к сожалению, ничего не знаем. Но длилась она недолго: ни Вавилония, ни Египет не успели прислать помощь своим союзникам. Тартану, или главнокомандующему, было приказано взять Ашдод (см. Ис. хх. 1), а сам Саргон захватил "обширную землю Иудейскую" и овладел ее столицей Иерусалимом. Это завоевание Иудеи Саргоном объясняет пророчества Исаии, которые до сих пор оставались неразрешенными загадками. Так, наконец, дается объяснение обстоятельствам, описанным пророком в главах х и хі. Здесь описывается, что ассирийская армия идет по обычной дороге с северо-востока и останавливается в Нобе, всего в часе [pg 118] пути от Иерусалима, в тот самый день, когда было произнесено [прорицание10](#), а Исаия объявляет, что сама столица попадет в руки врага (х. 6, 12, 22, 24, 34).

Все это неприменимо к нашествию Сеннахериба, когда на Иерусалим с юго-запада был направлен лишь отряд ассирийской армии, и когда Исаия получил от Бога поручение пообещать, что царь Ассирии "не войдет в город сей, не пустит туда стрелы, не станет перед ним со щитом, не бросит против него берега". Старые комментаторы были вынуждены пойти на отчаянный шаг и предположить, что вторжение, описанное Исаией в десятой главе его пророчеств, было идеальным. Однако благодаря расшифровке клинописных надписей все стало ясно, и теперь мы можем понять, почему именно ассирийский монарх, поход которого описывает Исаия, утверждает, что он завоеватель Кально и Кархемиша, Хамата и Арпада, Дамаска и Самарии (ст. 8-10). Все это были завоевания Саргона, а не Сеннахериба.

Ашдод был взят и разрушен до основания, а его жители проданы в плен. Явану удалось бежать к египетскому царю, который был достаточно труслив, чтобы отдать его врагам. Эдом и Моав были наказаны за участие в восстании, а власть Саргона стала верховной вплоть до границ Египта.

Все это произошло в 711 году до нашей эры. В следующем году вся мощь Ассирии была брошена против Меродах-Баладана. Эламиты были разбиты, их [pg 119] пограничные города разграблены, и вавилонский царь был вынужден отступить на юг, оставив Вавилон в руках ассирийцев. Через год Саргон преследовал его до последнего убежища; Бит-Ягина, его родовая столица, была взята штурмом, а сам он вынужден был сдаться. Удача к нему больше не возвращалась. После смерти Саргона он снова вошел в Вавилон, но его второе правление продлилось всего шесть месяцев. После битвы, закончившейся полной победой Сеннахериба, он снова бежал в болота, но через четыре года был изгнан из них и переплыл Персидский залив, чтобы найти новый дом на западном побережье Элама. Но и здесь его преследовали непримиримые враги. В 697 году до н. э. Сеннахериб укомплектовал флот

финикийскими моряками и разрушил город, который построил старый халдейский князь. После этого мы больше не слышим о нем.

Десятая глава Исаии учит нас искать упоминания о взятии Иерусалима Саргоном в других частях книги. Невозможно не узнать одно из них в двадцать второй главе. Здесь пророк представляет нам картину осады, которая уже длится некоторое время, и когда жители Иерусалима погибают уже не от меча, а от голода, а город находится на грани вымирания. И здесь весть, которую Исаия призван передать, - это не обещание избавления от врага, а наоборот: "Открылось мне от Господа Воинств: не очистится от вас беззаконие сие, доколе не умрете, говорит Господь Бог Воинств". Только кампания Саргона может объяснить эти слова.

Десять лет спустя в Иудею снова вторгся ассирийский царь, а Иерусалиму снова угрожала [pg 120] ассирийская армия. Саргон был убит своими солдатами, и на смену ему пришел его сын, Сеннахериб, который взошел на трон 12 числа месяца аб, или июля, до 705 года. Он сильно отличался от своего отца: слабый и тщеславный, любивший хвастаться, а не совершать подвиги. Полагаясь на поддержку Тирхака, эфиопского царя Египта, Езекия отрекся от верности Ассирии и отказался посылать ежегодную дань в Ниневию. То же самое сделали и финикийцы, а иудейский царь восстановил свое прежнее господство над городами филистимлян. Пади, царь Экрона, сохранивший верность Ассирии, был доставлен в цепях в Иерусалим, а Седекия, который в ассирийских записях назван царем Ашкелона, вероятно, был еврейского происхождения. Только через три года после своего воцарения Сеннахериб оказался в состоянии выступить в поход против мятежников. В 701 году до н. э. он перешел Евфрат и направился к берегам Средиземного моря. Большой и Малый Сидон, Сарепта, Акко и другие финикийские города сдались захватчику, сидонский монарх бежал на Кипр, а цари Арвада и Гебала поспешили отдать дань завоевателю. Одновременно пришли Метинти из Ашдода, Педаэль из Аммона, Хемош-надад из Моава и Мелех-рам из Эдома, которых также подозревали в участии в восстании. Только Иудея и зависимые филистимские государства еще держались.

Остальную часть истории лучше всего рассказать словами самого Сеннахериба. "Седекию, царя Ашкелона, - говорит он, - который не покорился моему игу, его самого, богов дома его отцов, его жену, его сыновей, его дочерей и его братьев, семя дома его отцов, я удалил и отправил в Ассирию. Я поставил [pg 121] над жителями Ашкелона Сарлудари, сына Рукипти, их прежнего царя, и наложил на него дань и повинности, причитающиеся моему величеству, и он стал вассалом. В ходе своего похода я подошел и захватил Бет-Дагон, Иоппию, Бене-берак и Азур, города Седекии, которые не покорились сразу моему игу, и унес их добычу. Священники, начальники и простой народ Экрона, бросившие в оковы своего царя Пади за верность клятвам Ассирии и отдавшие его Езекии, иудею, который заточил его, как врага, в темную темницу, убоялись в сердцах своих. Царь Египта, стрелки из лука, колесницы и кони царя Эфиопии собрали бесчисленные силы и отправились к ним на помощь. В виду города Эльтекех был составлен их боевой порядок; они вызвали свои войска (на битву). Полагаясь на Ассура, моего господина, я сразился с ними и победил их. Мои руки взяли живыми посреди битвы начальников колесниц и сыновей царя египетского, а также начальников колесниц царя эфиопского. Я подошел и взял города Эльтекех и Тимнат, и унес их добычу. Я пошел против города Экрона и предал смерти священников и начальников, совершивших грех (мятежа), и повесил их тела на кольях по всему городу. Горожан, совершивших зло и нечестие, я обратил в добычу; остальным же, не совершившим ни греха, ни преступления, в которых не было никакой вины, я объявил свободу (от наказания). Я приказал вывести Пади, их царя, из среды Иерусалима, и посадил его на царский престол над ними, и я [pg 122]

возложил на него дань, причитающуюся моему величеству. Что же касается Езекии Иудейского, который не покорился моему игу, то сорок шесть его сильных городов, вместе с бесчисленными крепостями и зависящими от них небольшими городками, путем низвержения стен и открытого нападения, с боем, моторами и таранами я осадил, я захватил. Я вывел из среды их и причислил к добыче 200 150 человек, больших и малых, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, волов и овец без числа. Самого Езекию я запер, как птицу в клетке, в Иерусалиме, его царском городе. Я построил против него ряд крепостей и не выпускал пята его из больших ворот города его. Города его, которые я разрушил, я отрезал от середины земли его и отдал их Метинти, царю Ашдода, Пади, царю Экрона, и Зил-баалу, царю Газы, и сделал страну его малою. К прежней их дани и ежегодным дарам я прибавил другую дань и почести, причитающиеся моему величеству, и возложил их на них. Страх перед величием моего величества одолел его, даже Езекию, и он послал за мной в Ниневию, мой царский город, в качестве дара и дани арабов и его телохранителей, которых он привел для обороны Иерусалима, своего царского города, и снабдил жалованьем, а также тридцать талантов золота, восемьсот талантов чистого серебра, карбункулы и другие драгоценные камни, кушетку из слоновой кости, троны из слоновой кости, слоновую шкуру, слоновый бивень, редкие породы дерева, как бы они ни назывались, огромное сокровище, а также евнухов своего дворца, танцующих мужчин и танцующих женщин; И он отправил своего посла, чтобы принести дань уважения."

Ассирийское и библейское повествования дополняют друг друга. Сеннахериб, естественно, перечисляет [pg 123] бедствия, постигшие его в Палестине, и переносит выплату дани с того времени, когда Езекия тщетно надеялся выкупить осаду Иерусалима, на конец кампании. Но он не может скрыть, что ему так и не удалось взять восставший город или наказать Езекию, как он наказывал других мятежных царей, и он больше не предпринимал похода на запад. На следующий год мы видим его в Вавилонии; затем он напал на племена Киликии, но больше никогда не осмеливался вторгнуться в Палестину. До конца его жизни Иудее больше нечего было бояться от ассирийского царя.

На первый взгляд кажется, что существует несоответствие между числом серебряных талантов, которые, согласно Библии, были выплачены Езекией, и числом, которое, по утверждению Сеннахериба, он получил. Но это несоответствие лишь кажущееся. Было показано, что существовало два стандарта стоимости, согласно одному из которых 500 талантов серебра были бы эквивалентны 800 талантам, если считать по другому. Более реальное несоответствие можно найти в заявлении Сеннахериба о том, что он построил вокруг Иерусалима линию крепостей и не позволил Езекии выйти из него. Это вопиюще противоречит словам Исаии о том, что ассирийский царь не должен пускать стрелы в Иерусалим, не должен штурмовать его под прикрытием щитов и не должен бросать против него берега. Сеннахериб утверждает, что совершил больше, чем на самом деле.

Еще одно несоответствие было обнаружено в дате, которую библейское повествование приписывает ассирийскому вторжению. 701 год до н. э. был двадцать четвертым годом Езекии, а не четырнадцатым, который пришелся на 711 год до н. э., год похода Саргона. Но именно этот [pg 124] факт дает объяснение возникшей трудности. В ретроспективной записи пророческого летописца две кампании Саргона и Сеннахериба были объединены, хотя история останавливается только на той, которая иллюстрирует Божий способ обращения с Его верными слугами. Поэтому в повествование то тут, то там вкрадываются воспоминания о предыдущем нашествии. Именно Саргон, а не Сеннахериб, был завоевателем Хамафа и Арпада, Сифарваима и Самарии (2 Цар. xviii. 34-36). Именно Саргон, а не Сеннахериб, вторгся в Иудею на четырнадцатом году царствования Езекии.

В Британском музее хранится барельеф, изображающий Сеннахериба, восседающего на своем троне перед Лахишем и принимающего добычу из города, когда она проходила перед ним. Именно в то время, когда он стоял лагерем перед этим городом, Езекия отправил посольство с дарами, данью и молитвами о помиловании. Сеннахериб принял дары, но отказался от помилования; ничто не могло удовлетворить его, кроме абсолютной капитуляции Иерусалима и его царя. Тогда Езекия приготовился к обороне. Из писаний Исаии мы узнаем, что в тот период в государстве существовали три партии, каждая из которых в разное время приобретала влияние на царя и его советников. Сначала была партия, возглавляемая Шебной - его имя доказывает, что он был родом из Сирии, - которая выступала за союз с Египтом и враждебность к Ассирии. С этой партией Исаии пришлось в основном бороться, но ее власть была окончательно уничтожена только после отступления Тирхака в битве при Эльтеке, что стало наглядным доказательством того, что Египет был всего лишь побитой тростью, на которую можно было опереться. Вторая партия унаследовала политику Ахаза, [pg 125] и убеждала, что единственный шанс Иудеи на безопасность заключается в подчинении могущественной империи Ассирии. Исаия был представителем третьей стороны. Он объявил, что Бог сам заявляет, что защитит Свой город и храм, если только его жители будут доверять Ему и бояться Его, а также отвергнут союзы с языческими народами, которые окружали их. "В тишине и уверенности" должна быть их сила. Только после того, как события показали истинность послания Исаии, правители Иерусалима неохотно приняли его и признали, что истинная политика Иудеи заключается в том, чтобы воздерживаться от участия в войнах и интригах иноземных идолопоклонников.

Когда еврейское посольство прибыло в Лахиш, египетская партия, похоже, все еще находилась на подъеме. Несмотря на предупреждение пророка, посланники были отправлены в Египет (Ис. xxx. xxxi.) и вернулись, полные уверенности в союзе, который, однако, должен был стать для них не "ни помощью, ни выгодой, но позором и поношением". Битва при Эльтеке развеяла их надежды. Она произошла после взятия Лахиша, когда Сеннахериб пытался захватить соседнюю крепость Либну (2 Цар. xix. 8, 9). Рабшах, или премьер-министр, был послан против Иерусалима вместе с тартаном, или главнокомандующим, и раб-сарисом, или камергером, и, передав свое послание его защитникам, вернулся к Сеннахерибу, оставив значительные силы под командованием тартана в лагере за его стенами. Послание было передано на иврите, а не на ассирийском или арамейском (сирийском), который в то время был общим языком торговли и дипломатии в Западной Азии, как французский в современной Европе. От каждого политика ожидали, что он будет говорить на нем, и министры Езекии [pg 126] приняли как должное, что Рабшакеш будет в состоянии сделать это. Тот факт, что он предпочитал говорить на иврите, дает нам представление об уровне образования той эпохи. Каждый культурный ассириец был знаком с аккадским, старым мертвым языком Вавилонии, который был для ассирийцев тем же, чем для нас является латынь; кроме того, дипломаты и деловые люди должны были знать арамейский, а здесь мы видим, что высшие ассирийские чиновники способны разговаривать на иврите.

Воспоминание о катастрофе, постигшей ассирийскую армию, сохранилось в египетской легенде, которая приписывает ее благочестию египетского царя. Под влиянием этой легенды некоторые ученые предположили, что это произошло в Пелусии, на египетской границе; но язык Писания вряд ли оставляет сомнения в том, что это действительно произошло перед Иерусалимом. Результатом этого стал резкий разрыв ассирийского лагеря и прекращение осады Иерусалима. Сеннахериб поспешил вернуться в Ниневию, а придворным летописцам было велено завесить молчанием завершение кампании.

Езекия недолго пережил свое чудесное избавление. После Соломона он, похоже, был самым культурным из иудейских царей. Благодаря его общественным работам Иерусалим стал одной из самых грозных крепостей древнего мира; и если Силоамский туннель относится к его правлению, то ясно, что в его распоряжении было инженерное мастерство высокого порядка. Он был не только поэтом, но и реставратором старой псалмодии и покровителем литературы. Подражая, вероятно, библиотекам Ассирии и Вавилонии, он основал в Иерусалиме библиотеку, где писцы, как и в Ниневии, занимались новыми изданиями древних [pg 127] произведений (см. Пр. ххv. 1.). Ахаз ввел в Иудее изучение астрономии, которой славились вавилоняне, и установил гномон или солнечные часы во дворцовом дворе (2 Цар. хх. 11). Не исключено, что в это же время в Вавилонии появилась астрономическая литература, которая была извлечена из клинописных табличек, хранящихся сейчас в Британском музее, с ее многочисленными наблюдениями и предсказаниями затмений, наблюдениями за появлением комет, движением планет и неподвижных звезд, фазами Венеры и даже пятнами на Солнце. Возможно также, что ассирийский календарь и ассирийские названия месяцев впервые стали известны евреям. Во всяком случае, из Иер. ххiii. 10, 11, что глина стала использоваться в Иудее в качестве материала для письма, как и в Вавилоне или Ниневии. Внутренняя глиняная запись договора покрывалась внешним слоем, на котором было написано его содержание и имена свидетелей. Кроме того, купчая Иеремии хранилась в кувшине, подобно многочисленным глиняным документам банковской фирмы Эгиби, существовавшей в Вавилоне с эпохи Навуходоносора до эпохи Ксеркса. Эти кувшины выполняли функцию современных сейфов.

После ухода из Палестины Сеннахериб прожил еще двадцать лет. В 681 году до н. э. он был убит двумя своими старшими сыновьями, Адар-мелехом и Нергалом-шарезером, которые завидовали его благосклонности к своему младшему брату Эсар-хаддону. Любопытное свидетельство этой благосклонности хранится среди табличек в Британском музее. Это не что иное, как завещание Сеннахериба, составленное, очевидно, за несколько лет до его смерти, в котором он завещал Эсар-хаддону определенную частную собственность. [pg 128] Документ гласит следующее: - "Я, Сеннахериб, царь множества, царь Ассирии, завещаю золотые нарукавники, множество слоновой кости, золотую тарелку, украшения и цепи для шеи, все эти прекрасные вещи, которых там куча, и три рода драгоценных камней, весом в полтора манеха и два с половиной сикля, Эсар-хаддону, сыну моему, имя которого по моему желанию было впоследствии изменено на Ассур-сар-иллик-пал. Сокровища хранятся в доме Амука". Царь был избавлен от необходимости заверять свое завещание свидетелями, как это было обязательно в случае с другими лицами; очевидно, что на момент его составления Эсар-хаддон не был признанным наследником престола.

Убийство старого царя произошло, согласно Библии, "когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего". Однако чтение имени бога искажено, поскольку ассирийцы не знали такого божества, и, возможно, имеется в виду Нуску, спутник Небо, покровителя литературы. В то время шла война между Ассирией и Арменией, и убийцы, не найдя, видимо, сторонников в Ниневии, бежали к армянскому царю Эриму. Эсар-Хаддон во главе ассирийских ветеранов встретился с ними и армянскими войсками через несколько недель после этого в местечке недалеко от Мелитены, современном Малатие, в Каппадокии. Битва закончилась полной победой ассирийцев, и Эсар-хаддон на месте был приветствован своими солдатами как "царь". Затем он вернулся в Ниневию и там официально вззошел на трон.

Эсар-Хаддон мало походил на своего отца. Он был одним из самых искусных полководцев, которых когда-либо производила Ассирия, и отличался от своих предшественников мягкой и [pg 129] примирительной политикой. При нем Ассирийская империя достигла самых дальних

пределов: Египет был завоеван и передан под власть двадцати ассирийских сатрапов, а ассирийская армия проникла в самое сердце Аравийской пустыни. Но завоевания, полученные в войне, были закреплены политикой справедливости и умеренности. Так, Вавилон, разрушенный до основания Сеннахерибом в 691 г. до н. э., и прилегающая река, запруженная его руинами, были отстроены, и Эсар-Хаддон попытался завоевать расположение вавилонян, проживая в нем в течение половины года. Это позволяет объяснить факт, упомянутый во Второй книге Хроник (xxxiii. 11), который долгое время был камнем преткновения на пути критиков. Там говорится, что царь Ассирии, подавив восстание Манассии, увел его в плен в Вавилон. Причина этого теперь ясна. Поскольку Эсар-Хаддон проводил часть своего времени в Вавилоне, это просто зависело от времени года, в какую из двух его столиц, Ниневию или Вавилон, должен быть доставлен политический пленник. Обращение с Манассией полностью соответствовало обращению с другими мятежными князьями во времена сына Эсар-хаддона, Ассур-бани-пала. Как и они, он был сначала закован в цепи, но затем ему позволили вернуться в свое царство и восстановили его в управлении.

Имя "Манассет, царь Иуды" дважды встречается в ассирийских памятниках. Один раз он упоминается среди данников Эсар-Хаддона, другой раз - среди данников Ассур-Бани-Пала. Таким образом, очевидно, что в какой-то период вскоре после смерти Езекии Иудея снова была вынуждена платить дань и приносить почести ассирийскому царю. Когда Эсар-Хаддон проезжал через Палестину по пути в Египет, он встретил там лишь покорность и [pg 130] уважение. Только Сидон противостоял ему, и Сидон был разрушен.

Бремя", о котором говорит Исаия (гл. xix.), должно относиться к эпохе Эсар-Хаддона. Состояние Египта в то время было именно таким, как описывает пророк. Страна была разделена на враждебные царства, которые воевали "каждый с братом своим, и каждый с соседом своим; город с городом, и царство с царством". Тирхака эфиопский, которого изгнали ассирийцы, вторгся в нее с юга, а Эсар-Хаддон обрушился на нее с севера. Именно он - "царь свирепый", который, как провозгласил Господь, должен править египтянами. Около двадцати лет несчастная страна опустошалась огнем и мечом. Двадцать правителей, назначенных ассирийцами, постоянно интриговали друг против друга и своего сюзерена; то и дело ассирийские войска вынуждены были возвращаться в Египет, чтобы подавить восстание. Именно во время одного из таких походов, случившегося около 665 года до н. э., в правление Ассур-бани-пала, была разрушена Фивы, древняя столица Верхнего Египта. В ассирийских текстах она называется Ни, что соответствует древнееврейскому Но-Амон, или Но Амуна, верховного бога города. Его храмы и дворцы были разрушены, сокровища унесены, а два обелиска, которые вместе весили более семидесяти тонн, были отправлены в качестве трофеев в Ниневию. Нахум (iii. 8) упоминает это разрушение Фив как недавнее событие и таким образом определяет примерный возраст своей жизни и служения.

Правление Эсар-Хаддона было недолгим. В 670 г. до н. э., в 12-й день Ийяра, или апреля, он созвал эдиктом большое собрание в Ниневии, и там связал [pg 131] своего сына Ассур-бани-пала, которого греки называли Сарданапалом, с правительством. Через два года он умер, и Ассур-бани-пал был провозглашен единоличным царем 27 аба, или июля. Ассур-бани-пал, великий монарх Ассирии, чье долгое правление было непрерывной чередой войн, строительства и великолепного покровительства искусству и литературе, имеет мало прямых контактов с библейской историей. Завоевание Элама его полководцами устранило последнюю цивилизованную державу, которая могла бороться с Ассирией; но оно еще не было полностью завершено, когда могущественная империя начала клониться к своему падению. Вспыхнуло всеобщее восстание, в центре которого оказался родной брат Ассур-

бани-пала, наместник Вавилонии. Все силы Ассирии были потрачены на его подавление, а Египет, восставший благодаря помощи Гигеса Лидийского, так и не был отвоеван. Палестина, как ни странно, кажется, почти не пострадала от почти всеобщей вспышки; действительно, Хемош-Халта из Моава оказал существенную помощь Ассур-бани-палу, разгромив кедаритов и отправив их шейха в цепях в Ниневию. Только один или два финикийских города воспользовались случаем, чтобы отказаться от дани. Мы не знаем года смерти Ассур-бани-пала, но, вероятно, это было около 630 года до н.э. Своим преемникам он оставил беспокойное наследие. Наместник Вавилонии становился все более независимым; Элам, последнее ассирийское завоевание, находился под угрозой персов, а на севере появился новый свирепый враг. Это были скифы, пришедшие в цивилизованный мир из степей Южной России. Они распространили свои опустошения вплоть до Палестины, а захват ими Бет-Шана привел к тому, что в более поздние времена он стал называться Скифополис, "город скифов". В более ранних [pg 132] пророчествах Иеремии говорится о бедствиях, причиненных стране этими варварами, которые, должно быть, вошли в нее к середине царствования Иосии. К этому времени власть Ассирии на западе могла быть лишь номинальной. Сама Ниневия подверглась осаде со стороны мидян и была спасена от полного разрушения только скифским нашествием. Поэтому мы можем понять, как Иосии удалось восстановить монархию Давида и распространить свою власть на то, что когда-то было Самарийским царством. Больше не было ассирийского правителя, который мог бы запретить ему свергнуть жертвенник в Вефиле или "дома горние, которые были в городах Самарии".

Дата окончательного падения и разрушения Ниневии не определена, и многое зависит от толкования слов "царь Ассирийский" в 2 Царств ххiii. 29. Если, как обычно предполагают, они действительно означают вавилонского царя, сменившего власть Ассирии, мы можем отнести падение ассирийской столицы к 610 г. до н. э.; в противном случае дата должна быть не позднее 606 г. до н. э. Она не может быть более поздней, поскольку, когда Иеремия в этом году делает обзор существующих на востоке народов (ххv. 19-26), он ни слова не говорит ни о Ниневии, ни об Ассирии. Месть, предсказанная пророками для ассирийцев, уже обрушилась на них. Каким оно должно было быть, мы можем понять из языка Нахума.

Последним царем Ассирии был Эсар-Хаддон II, которого греческие писатели называют Саракосом. Он оставил нам несколько записей, которые были написаны, когда его враги собирались вокруг него и когда его народ тщетно взывал к своим богам о помощи. Меды, минны, киммерийцы или гомеры, объединившись [pg 133] вместе, неуклонно приближались к Ниневии. Пограничные города были взяты штурмом, и враг, подобно наводнению, распространялся по всей стране. В отчаянии ассирийские правители объявили торжественный пост, длившийся 100 дней и 100 ночей, и обратились к богу Солнца с просьбой простить их грех. Но все было тщетно. Мера беззаконий Ассирии была переполнена; пришло время, когда опустошитель сам должен был опустеть, и Ниневия, как и грозили Божьи пророки, была полностью разрушена.¹¹

[pg 135]

Глава VII. Навуходоносор и Кир.

Возвышение Вавилонской империи.- СМИ.- Фараон-Нехо.- Битва при Кархемише.- Навуходоносор восходит на трон.- Великолепие Вавилона.- Пока не обнаружено памятников, фиксирующих иудейские и сирийские походы Навуходоносора.- Злодей Меродах.- Глиняные документы, недавно обнаруженные в Вавилонии.- Новый свет на империю Кира.- Цилиндр Кира.- Кир не монотеист.-Вавилонский царь Исайи xiv.-Кир вовсе не персидский царь.- Вавилон не осаждался Киром.-Как Кир разрешил евреям вернуться.-Соответствие между языком Кира и Писания.-"Бог, воскрешающий мертвых".-Молитва после плохого сна.- Вавилонские покаянные псалмы.-Перевод одного из них.-Хронологическая таблица событий этой главы.

Вавилонская империя возникла из пепла Ассирийской империи. Пока вражеские отряды собирались вокруг обреченного города Ниневии, Набополассар, наместник Вавилонии, воспользовался возможностью для восстания. Сейчас, как и в прежние времена, не было армий, которые могли бы выступить из ворот ассирийской столицы, чтобы покарать мятежника, и Набополассару было позволено установить свою новую монархию без помех. Но падение царского города оставило другие провинции Ассирийской империи без хозяина и защиты. Ее последнее завоевание, Элам, похоже, на короткое время восстановил свою независимость - во всяком случае, Иеремия (xxv. 25) в 606 году до н. э. говорит о "царях Элама", - но в других местах его владения стали ареной борьбы трех соперничающих держав - Вавилона, Мидии и Египта.

[pg 136]

Медия - это название, данное персидскими и греческими писателями царству Экбатана, городу, который сейчас представляет Хамадан. Его исконным названием, по крайней мере, во времена Саргона, было Эллип, а название Медия, применявшееся к нему в более поздней истории, по-видимому, было вызвано путаницей между ассирийскими словами Madâ - "медяне" и Manda - "варвар". Как мы увидим, Астиагес, царь Экбатаны, назван вавилонским царем Набонидом "царем народа Манда", или "варваров". В табличках, описывающих приближение последних врагов Ниневии, проводится тщательное различие между Казтаритом, или Киаксаресом, "владыкой города Кар-Касси", и Мамити-арсу, "владыкой города мидов". Для ассирийцев меды были лишь небольшими племенами, населявшими области к востоку от Курдистана. Однако ошибка, превратившая царство Экбатаны в Медийское царство, закрепилась в литературе, и Ветхий Завет также перенял по отношению к ней актуальный язык того времени. Теперь уже слишком поздно нарушать освященное временем название, и поэтому мы будем продолжать говорить о Медийской империи и Медийском царстве, хотя теперь мы знаем, что эти термины основаны на древней ошибке.

По мере того как уменьшалось могущество Ассирии, росло могущество Египта. Египетские цари снова начали мечтать об азиатской империи, подобной той, которой они владели в давно минувшие дни, и первые их усилия были направлены на то, чтобы заново захватить филистимские города. Газа и Ашдод были взяты после долгой [осады](#)¹²; Кипр стал египетской провинцией, а фараон Нехо, чей феникийский флот обогнул Африку, взялся за покорение Азии. [pg 137] На троне Иудеи теперь находился Иосия. Он все еще называл себя вассалом Ассирии и не мог не видеть с тревогой появление нового врага, как только старый перестал быть грозным. Поэтому от имени своего сюзерена он попытался воспрепятствовать продвижению Нехо; две армии Египта и Иудеи встретились на равнине Мегиддо, где битва закончилась смертью иудейского царя и истреблением цветка иудейского воинства. Смерть Иосии стала непоправимой катастрофой для еврейского государства. Он оставил после себя

семью, раздираемую ревностью и поддерживаемую враждующими группировками, народ, враждебно настроенный к проведенным им религиозным реформам, и армию, потерявшую как своего лидера, так и ветеранов. Отныне Иудея уже не могла защитить себя от захватчиков, будь то египтяне или вавилоняне; и даже крепкие стены Иерусалима перестали быть защитой в те дни, когда методы ведения войны изменились, и победоносная армия могла годами сидеть перед крепостью, пока ее защитники не будут изнурены голодом.

Однако триумф Нехо был недолгим. Через три года после битвы при Мегиддо (606 г. до н. э.) ему пришлось встретиться с вавилонской армией под командованием молодого полководца Навуходоносора, сына Набополассара, у брода через Евфрат, который защищал старый хеттский город Кархемиш. Набополассар теперь был независимым царем Вавилонии, а его сын продемонстрировал большие военные способности. Он оспаривал с мединским царством Экбатаны владение Месопотамией; и хотя руины Ниневии и других ассирийских городов на восточном берегу Тигра продолжали оставаться в руках мединского правителя, а также большая дорога, которая вела через Северную [pg 138] Месопотамию в Малую Азию и проходила через патриархальный город Харан, он закрепил за своим отцом южные области, заключенные между Тигром и Евфратом. Битва при Кархемише окончательно решила, кому быть хозяином Западной Азии. Египетские войска были полностью разбиты, и Нехо отступил с обломками своей армии в царство предков. Иудея и прилегающие к ней страны перешли под иго Вавилонии.

Два года спустя, в 604 г. до н. э., Набополассар умер, и Навуходоносор вступил на престол. Его имя написано клинописью *Nabu-kudur-uzur*, "О Небо, защити корону", так что форма *Nebuchadrezzar*, которая встречается в Книге Иеремии, является единственно правильной, а *Nebuchadnezzar* - это искажение, как *Asnapper* от *Assur-bani-pal*. Навуходоносор был не только великим полководцем, но и великим строителем и умелым администратором. При нем Вавилон, который был не более чем провинциальным городком, превратился в один из самых великолепных городов древнего мира. В центре его возвышался гигантский храм Бэла или Ваала, состоящий из восьми ступеней, ныне представляющий собой курган руин, который носит название Вавилон. От его подножия к святилищу на вершине вела извилистая дорога, на которой стояло золотое изображение бога высотой в сорок футов, а перед ним - золотой стол для хлебов. Дворец Навуходоносора, называемый теперь курганом Каср, был столь же огромен, хотя стена, окружавшая его, по словам самого царя, была построена за пятнадцать дней; внутри находились знаменитые висячие сады, возвышавшиеся на высоких аркадах и поливавшиеся с помощью винта. В пригороде Борсиппы, на западном берегу Евфрата, стоял еще один храм, [pg 139] современный Бирс-и-Нимруд. Он был посвящен Небо и был начат еще одним царем. Но завершил его Навуходоносор, который назвал его "храмом семи огней земли" и построил его в семь этапов, каждый из которых был окрашен в соответствии с предполагаемыми цветами семи планет. Верхние ступени были искусственно остеклены: на поверхность кирпичей, из которых они были сложены, навалили дерево, а затем подожгли. И Борсиппа, и Вавилон были окружены единой линией укреплений, состоящей из двойной стены. Она была пронизана сотней ворот, все из бронзы. Стены были настолько широкими, что по ним могли проехать две колесницы. Стены были построены и по обе стороны реки, протекавшей через центр города и оснащенной красивыми набережными. В конце каждой из широких и прямых улиц, которыми пересекался город, в этих стенах были ворота, и между каждыми воротами курсировала паромная лодка. Кроме паромов, в городе имелся разводной мост, который разводили каждую ночь. Таков был "великий Вавилон", который, по словам Навуходоносора, он построил "для дома царства, для силы своей и для чести своего величия".

Записи о строительных работах Навуходоносора существуют в изобилии, но из его летописей пока удалось обнаружить лишь небольшой фрагмент. В нем, однако, содержится намек на его поход в Египет, о котором пророчествовали Иеремия и Иезекииль, и который слишком усердная критика отрицает. Поход, как мы узнаем, состоялся в тридцать седьмой год его правления. Другие упоминания о ней были обнаружены на египетских памятниках, и из них мы узнаем, что вавилонская армия прочесала всю северную часть [pg 140] Египта и проникла на юг до Ассуана, откуда была вынуждена отступить под натиском египетского полководца Хора. В это время Амасис был царем Египта, свергнув и убив Априса, библейского фараона Хофру, чей плачевный конец был предсказан Иеремией (xliv. 30).

Среди клинописных документов пока не обнаружено никаких сведений о походах Навуходоносора на Тир и Иудею. Но любопытный памятник о них был найден два года назад на северном берегу Нахр-эль-Кельб, или Собачьей реки, примерно в восьми милях к северу от Бейрута. Древняя большая дорога из Дамаска к морскому побережью проходила по ущелью, через которое эта река впадает в море, и следы ее до сих пор видны, вырубленные в скале то тут, то там. Иноземные завоеватели Азии, будь то египетские или ассирийские, оставили памятники о себе, высеченные на обочине этой старой дороги, где она огибает мыс, образующий южный берег реки. Рамзес II, Сеннахериб, Эсар-Хаддон - все они запечатлели свои имена и деяния на лицевой стороне скалы; рядом с ними до сих пор можно увидеть стертые памятники других, возможно, более древних царей. О существовании этих памятников было известно давно. Но никто не подозревал, что на более высоком утесе с северной стороны реки, полностью скрытом от глаз под массой пышных кустарников и поникающих девичьих папоротников, также существует длинная надпись Навуходоносора. Она была обнаружена случайно, и хотя сильно пострадала от времени и непогоды, до сих пор частично поддается расшифровке. К сожалению, царский автор не приводит в ней никаких сведений о своих сирийских и иудейских походах; самая ясная часть текста занята лишь [pg 141] перечнем вин Ливана, среди которых наиболее высоко ценилось вино Хельбона, расположенного недалеко от Дамаска.¹³

Навуходоносор царствовал долго, почти сорок три года. Его сын и преемник, Злой-Меродах ("человек бога Меродаха"), прожил всего три года после воцарения, а затем был убит своим шурином Нергалом-Шарезером, который захватил корону. Последний называет себя сыном "Бел-сума-искуна, царя вавилонского" - титул, на который его отец не мог иметь никакого права, и, похоже, он был тем Раб-магом (слово с неизвестным значением), который упоминается Иеремией (xxxix. 3) в числе вавилонских князей во время взятия Иерусалима. Главным событием его короткого правления, длившегося четыре года и четыре месяца, стало строительство нового дворца. Его сын, который стал его преемником, был еще совсем мальчиком и был убит после короткого четырехмесячного правления. Затем трон узурпировал Набу-Нахид, Набонид греков, который, похоже, не принадлежал к царской семье и называет своего отца "Набу-балацу-икби, Рубу-эмга", что, возможно, является ветхозаветным Раб-магом. Набонид царствовал семнадцать лет и стал свидетелем возвышения новой державы на востоке. Это была империя Кира, о котором клинописные записи недавно дали нам информацию самого поразительного характера.

Среди глиняных документов, недавно обнаруженных в Вавилонии г-ном Рассамом, есть три надписи, которые были опубликованы и переведены сэром Генри Роулинсоном и г-ном Пинчесом. Первая из них - цилиндр, начертанный по приказу Кира, вторая - табличка, описывающая завоевание Вавилонии Киром и [pg 142] причины, приведшие к этому, а третья - рассказ Набонида о восстановлении им храма бога Луны в Харане и храмов бога Солнца и Анунита в Сефарваиме. Харан, говорится в последней записи, был взят и разрушен манде,

или "варварами" Экбатаны, и храм бога Луны участвовал в общем разорении города. "Тогда, - рассказывает Набонид, - в начале моего долгого царствования Меродах, великий владыка, и Син (бог Луны), осветитель неба и земли, сильный вселенной, открыли мне сон. Меродах говорил со мной (так): "О Набонид, царь Вавилона, поднимись с конем колесницы твоей; сделай кирпичи для храма Ликования, и пусть войдет в него место Сина, великого владыки". С благоговением обратился я к Меродаху, владыке богов: "Я построю этот дом, о котором ты говорил". Варвары шли на него, и силы их были ужасны". Меродах ответил мне: "Варвары, о которых ты говоришь, не будут существовать, ни они, ни их земли, ни цари, их союзники". В третий год по наступлении его, когда они (т.е. варвары) заставили Кира, царя Элама, своего молодого слугу, идти среди своего войска, они вызвали его (на бой); широко распространившихся варваров он поверг; он захватил Астиагеса, царя варваров, и завладел его сокровищами; в свою землю он увел (их)". После этого Набонид исполнил волю богов. Его "огромная армия" была созвана от Газы с одной стороны до Персидского залива с другой и принялась за работу по восстановлению храма Харана, который был построен за три века до этого ассирийским царем Шалманезером II, а затем отремонтирован Ассур-бани-палом.

[pg 143]

В надписи можно заметить два утверждения, которые покажутся странными студентам, изучающим древнюю историю. Кир назван "молодым слугой" Меродаха, божества-покровителя Вавилона, и "царем Анзана", или Элама, а не Персии. Но оба утверждения подтверждаются двумя надписями самого Кира, которые мы сейчас процитируем. Как на его цилиндре, так и в летописной табличке Кир, который до сих пор считался персом и зороастрийским монотеистом, предстает как эламит и политеист.

Летописная табличка, которая, к сожалению, несколько изуродована, начинается с первого года правления Набонида. Первые три года после его воцарения, по-видимому, были заняты беспорядками в Сирии. Затем, на шестой год, нам сообщают: "Астиагес собрал (свое войско) и выступил против Кира, царя Элама. Но воины Астиага восстали против него, схватили его и предали Киру. Кир (направился) в землю Экбатаны, царского города. Серебро, золото, мебель и добычу из земли Экбатаны он унес с собой, а мебель и добычу, которую взял, принес в землю Элам. На седьмой год царь (Набонид) находился в городе Тема (предмесье Вавилона). Сын царя, вельможи и его воины находились в Аккаде (или Северной Вавилонии). Царь не ходил в Вавилон, как и Нево и Бел. Но они устроили праздник; в храмах Саггила и Зиды они принесли мирные жертвы богам за (сохранение) Вавилона и Борсиппы. Правитель осмотрел сад и храм. - В восьмой год (не произошло никакого события). - В девятый год Набонид, царь, был в Теме, сын царя, вельможи и его воины [pg 144] были в Аккаде. До месяца нисана (марта) царь не ходил в Вавилон, как и Нево и Бел. Но у них был праздник; они приносили мирные жертвы богам в храмах Саггила и Зиды за сохранение Вавилона и Борсиппы. В пятый день нисана умерла мать царя, находившаяся в крепости лагеря на реке Евфрат, выше Сиппара. Царский сын и его воины оплакивали ее три дня подряд. В месяце сиване (мае) по всей земле Аккадской был объявлен траур по матери царя. В месяце нисане Кир, царь персидский, собрал своих воинов и перешел Тигр ниже Арбелы, а в следующем месяце (выступил в поход) против земли..... Царь его взял (свое) серебро и себя; детей своих он заставил установить (костер); потом и царь и дети были (сожжены) посреди (его) - На десятый год царь был в Теме; сын царя, офицеры и воины его были в Аккаде. До (Нисана) царь (не уходил в Вавилон), как и Нево и Бел. Но они соблюдали праздник; они приносили мирные жертвы богам в храмах (Саггила и Зиды) за сохранение Вавилона и Борсиппы. В 21-й день Сивана (воины) Элама вошли в Аккад. Префект (был назначен?) в Эрех. Одиннадцатый год царь находился в Теме; сын царя, вельможи и его воины были в Аккаде. До Элула

(августа) царь не выходил (поклоняться) Бэлу, но они соблюдали праздник; они приносили мирные жертвы (богам в храмах Саггила и Зида за сохранение) Вавилона и Борсиппы".

Здесь запись обрывается. Когда надпись снова становится разборчивой, мы переносимся [pg 145] в семнадцатый год Набонида, когда племена на "нижнем море" или Персидском заливе были охвачены восстанием. Кир, которому не удалось прорвать вавилонскую армию в Аккаде, проводил время в интригах с недовольной партией - вероятно, иудеями - в самой Вавилонии и, наконец, когда все было готово, приготовился атаковать врага с юго-востока. Набонид обратился за помощью к богам и приказал принести в Вавилон их изображения из различных святилищ в тщетной надежде, что их присутствие спасет город от захвата. "В Вавилон были привезены боги Марада, Замама и боги Киса, Белтиса и Харсак-калама; до конца Элула в Вавилон были привезены боги Аккада, которые находятся выше и ниже неба, но не были привезены боги Борсиппа, Кутха и Сиппара. В месяц Таммуз (июнь) Кир дал сражение войску Аккада в городе Рутум, на реке Низаллат. Воины Аккада подняли восстание. В 14-й день (месяца) гарнизон Сиппара был взят без боя. Набонид бежит. В 16-й день Гобриас, правитель Гутиума (Курдистан), с войском Кира без боя вошел в Вавилон. После этого он берет Набонида и заключает его в оковы в Вавилоне. До конца месяца Таммуз некоторые мятежники из Курдистана держали ворота храма Саггила закрытыми, но в храме Саггила не было ничего из оружия, и не было возможности (для сражения). В 3-й день Мархесвана (октября) Кир вошел в Вавилон. Дороги(?) перед ним были покрыты. Он дарует мир городу, всему Вавилону Кир провозглашает мир. Над [pg 146] (другими) правителями Вавилона был поставлен Гобриас, его наместник, и с месяца Числа (ноября) по месяц Адар (февраль) боги Аккада, которых Набонид привез в Вавилон, были возвращены в свои святилища. В 11-й день предыдущего месяца Мархесвана Гобриас (был назначен) правителем (Вавилона), а царь (Набонидос) умер. С 27-го Адара по 3-е Нисана (был) траур в Аккаде; весь народ бил себя по голове. На 4-й день Камбис, сын Кира, устроил погребение в храме Скипетра мира. Жрецы храма Скипетра Небо пошли (к нему)". Остальная часть текста, очень несовершенная с этой точки зрения, описывает почести, оказанные Киром и его сыном вавилонским богам, жертвоприношения Бэлу и возвращение Небо в его старое святилище.

Именно в этом месте цилиндр Кира завершает историю. Здесь Кир говорит, что Набонид пренебрег поклонением богам, которые, соответственно, разгневались на него: "Боги, обитавшие в них, в гневе покинули свои святилища, когда (Набонид) привел их в Вавилон. Меродах отправился ко всем людям, где бы они ни находились; и люди Шумера и Аккада, которым он поклялся сопровождать его (просили его вернуться). И, получив милость, он вернулся; все земли, даже все они, радовались и ели. И он назначил царя, чтобы тот правильно направлял в сердце то, что поддерживает его рука; Кира, царя Элама, он провозгласил именем для власти: все люди повсюду чтут его имя. Людей Курдистана и всех варваров (Экбатаны) он заставил поклониться ему в ноги, людей черноголового рода (аккадцев), которых он покорил [pg 147] своей рукой, он управлял по справедливости и праведности. Меродах, великий владыка, восстановитель своего народа, с радостью наблюдал за деяниями своего наместника, который был праведен рукой и сердцем. Он созвал его в свой город Вавилон и велел ему идти по дороге в Вавилон; как друг и товарищ, он шел рядом с ним. Оружие своей огромной армии, число которой, подобно водам реки, невозможно было определить, он собрал на своей стороне. Без боя и сражения он ввел его в Вавилон; город его Вавилон убоялся; в труднодоступном месте Набонида, царя, который не поклонялся ему, он отдал в его руку. Люди Вавилона, все они, (и) весь Шумер и Аккад, вельможи и жрецы, которые восстали, целовали его ноги, они радовались его власти, их лица сияли. Бог, который своим служением воскрешает мертвых к жизни, который помогает

всем людям в трудностях и молитвах, в благодати приблизился к нему, сделал сильным его имя. Я - Кир, царь легионов, великий царь, могущественный царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех зон, сын Камбиса, великого царя, царя Элама; внук Кира, великого царя, царя Элама; правнук Тейшеса, великого царя, царя Элама; древний царь-семья, чье правление было любимо Бэлом и Небо, чей государь они берегли по доброте своих сердец. В то время я спокойно вошел в Вавилон. С радостью и весельем во дворце царей я расширил место своего владычества. Меродах, великий владыка, (веселил) сердце раба своего, которому сыны Вавилона (повиновались каждый) год и день..... Мои огромные армии он спокойно разместил посреди Вавилона; во всем [pg 148] Шумере и Аккаде у меня не было возмутителей. Святыни Вавилона и все крепости его Я утвердил в мире. Что касается сынов Вавилона... их развалины я восстановил, а пленников их освободил. К делу (восстановления святыни) Меродаха, великого владыки, я готовился, и он милостиво приблизился ко мне, Киру, царю, его почитателю, и к Камбису, сыну моему, отпрыску сердца моего, и ко всему войску моему, и в мире мы должным образом восстановили его переднюю часть (в) славе. Все цари, живущие на высоких местах всех областей от Верхнего моря до Нижнего, живущие на (высоких местах) царей Финикии и Сутар, все они принесли свою богатую дань и посреди Вавилона целовали мои ноги. От (города) ... до городов Ассур и Истара ... Аккада, Марада, Замбана, Ме-Турната и Дурана до границы Курдистана, крепостей (которые лежат) на Тигре, где издревле были их места, я вернул богов, обитавших в них, на их места и расширил (для них) места, которые должны быть долговечными; все их народы я собрал, и восстановил их земли. А богов Шумера и Аккада, которых Набонид, к гневу владыки богов (Меродаха), привел в Вавилон, я поселил в мире в их святынях по повелению Меродаха, великого владыки. По доброте сердца своего пусть все боги, которых я привел в их сильные места, ежедневно ходатайствуют перед Бэлом и Небо, чтобы они даровали мне долготу дней; пусть они благословят мои проекты процветанием и пусть скажут Меродаху, моему повелителю, что Кир, царь, твой почитатель, и Камбис, его сын (заслужили его благосклонность)".

Таковы записи, восставшие, как бы из могилы, чтобы перевернуть все наши прежние представления [pg 149] той части древней истории, которой они касаются. Мы должны отказаться от убеждения, что Кир был монотеистом, стремящимся уничтожить вавилонских идолов; напротив, с того момента, как мы впервые слышим о нем, он поклоняется Бел-Меродаху, богу-покровителю Вавилона, и первой заботой его и его сына после завоевания Вавилонии является восстановление вавилонских богов в святынях, из которых они были нечестиво удалены Набонидом. Он просит богов ходатайствовать от его имени перед Бэлом и Небо, двумя верховными богами вавилонского культа. Таким образом, очевидно, что Кир был политеистом, который, как и другие политеисты в другие эпохи, принял богов завоеванной им страны из соображений государственной политики. Египетские памятники рассказывают то же самое о его сыне Камбисе. Они показывают, что история, рассказанная Геродотом о том, как Камбис насмехался над богами Египта, разрушал их изображения и в конце концов заколол священного быка Аписа, была всего лишь греческой басней. На современных памятниках Камбис предстает как друг египетских жрецов, почитатель их богов и благодетель их храмов. Тот самый бык, которого, как говорят, он убил, был обнаружен в огромном саркофаге из гранита со скульптурой над ним, где Камбис изображен стоящим на коленях перед богом-быком, а надпись гласит, что бык был удостоен обычных похорон, в которых участвовал сам Камбис.

Соответственно, теория, согласно которой Кир позволил евреям вернуться на свою землю, потому что, как и они, верил только в одного верховного бога - Ормазда или доброго духа зороастрийского вероучения, - должна быть отброшена. Бог посвятил Кира быть Своим

орудием [pg 150] в восстановлении избранного Им народа на своей земле не потому, что эламский царь был монотеистом, а потому, что период еврейских испытаний и наказаний подошел к концу. Божьи орудия могут быть как недостойными, так и достойными; именно благодаря твердости сердца неверующего фараона в давние времена было совершено избавление из Египта. Также нет никакого противоречия между тем, как поступили с вавилонянами в действительности, и тем, что предсказано для них в Книге пророка Исаии. Язык пророка неизбежно образный, и когда он заявляет (Ис. xlv. 1, 2), что Бел и Нево ушли в плен, имеется в виду не что иное, как то, что народ, богами которого они были и который они представляли, перешел под иго иноземного завоевателя.

И все же, хотя язык пророка был образным, предсказание в итоге исполнилось совершенно буквально. Империя Кира распалась после смерти Камбиса, и ее пришлось заново завоевывать Дарию, сыну Гистаспеса, настоящему основателю Персидской империи. Дарий был не только персом, но и монотеистом-зороастрийцем, и при нем и его преемниках политеизм перестал быть государственной религией. Дважды за время своего правления ему приходилось осаждать Вавилон. Едва он был провозглашен царем, как он восстал под предводительством некоего Нидинта-Бела, который называл себя "Навуходоносором, сыном Набонида". Существует камея с его профилем в шлеме, выгравированная греческим художником и окруженная словами: "Меродаху, своему господину, Навуходоносор, царь Вавилона, сделал (это) для своей жизни"; если, возможно, профессор Шрадер прав, относя портрет не к претенденту, а к [pg 151] реальному Навуходоносору библейской истории. Вавилон выдержал двухлетнюю осаду и, наконец, был взят Дарием только с помощью хитроумной уловки. Через шесть лет после этого он снова поднял восстание под руководством армянина, который, как и его предшественник, провозгласил себя "Навуходоносором, сыном Набонида". Однако он снова был осажден и взят, и на этот раз претендента предали смерти через вдавливание. Его предшественник, Нидинта-Бел, похоже, был убит, когда персидские войска пробивались в захваченный город. После второго взятия Вавилона Дарий снес его стены, а его сын Ксеркс завершил дело разрушения, уничтожив великий храм Бэла и унеся золотое изображение бога.

На Нидинта-Беле род независимых вавилонских царей можно считать закончившимся, поскольку вождь второго восстания был не местный житель, а армянский переселенец. Поэтому к нему можно отнести великолепное описание смерти последнего вавилонского монарха на поле боя и его схождения в подземный мир, которое мы читаем в книге Исайи xiv. Иллюстрации взяты пророком из вавилонской мифологии, чтобы усилить ужас сцены. Царь Вавилонии сравнивается с утренней звездой, движение которой вавилоняне зафиксировали первыми из человечества. Он изображен говорящим в своем сердце: "Я взойду на небо, я вознесу престол мой выше (других) звезд Божиих: И сяду на горе собрания (богов) в самых дальних областях севера". Эта гора, как мы видели в предыдущей главе, была Олимпом аккадцев, которые называли ее Харсак-Курра [pg 152] "гора востока". Ее вершина была стержнем, на котором покоилось небо, и поэтому ее также называли "горой мира". Она лежала далеко в северо-восточных областях, являясь, как предполагалось, входом в нижний мир, и иногда ее отождествляли с горой Низир, современной Ровандиз, на вершине которой, как считалось, покоился ковчег халдейского Ноя. С высоты этой горы, где он тщетно мечтал восседать среди богов, вавилонский царь должен был быть сброшен в нижний мир. Здесь пророк снова заимствует свою иллюстрацию из мифологии Аккада. Герои прошлого предстают перед нами сидящими в Аиде на своих тенистых тронах, с которых они поднимаются, чтобы приветствовать прибытие своего нового товарища.

Лучший комментарий к этому описанию можно найти в словах старой вавилонской поэмы, повествующей о нисхождении богини Истар в Аид в поисках своего умершего мужа Таммуза. Поэма открывается следующим образом.

"В Аид, в страну, откуда никто не возвращается, в страну тьмы,
Истар, дочь лунного бога, склонила свой слух,
Да, дочь лунного бога склонила свой слух.
К дому тьмы, жилищу бога Иркалла,
В дом, из которого нет выхода,
К дороге, с которой нет возврата,
В дом, от входа в который отнимается свет,
Туда, где пыль - их пища, а грязь - их еда;
Света не видят, во тьме обитают".

Параллельно с этим приводится описание Аида, предположительно данное умершим другом Гисдхубара в [pg 153] великом халдейском эпосе, в котором воплощен рассказ о потопе. Здесь мы читаем.

"К Аиду, земле, откуда никто не возвращается, я обращаюсь,
Я раскинул руки, как птица.
Я спускаюсь, я спускаюсь в дом тьмы, в жилище бога Иркаллы.
В дом, из которого нет выхода.
К дороге, с которой нет возврата,
В дом, от входа в который отнимают свет,
Туда, где пыль - их пища, а грязь - их еда,
А вожди их подобны птицам, покрытым перьями;
Света не видят, во тьме обитают.
В тот дом, о друг мой, в который я войду.
Там сокрыт для меня венец.
С теми, кто носит короны, кто с давних пор правит землей.
Кому боги Ану и Бел дали имена власти".

Но пора вернуться к надписям Кира. Помимо того, что он был многобожником, самым поразительным открытием в них является то, что он вовсе не был царем Персии. Персия, по-видимому, досталась ему после завоевания Астиагами, в период между шестым и девятым годом правления Набонида. И он сам, и его предки были царями Анзана или Элама. Правда, он мог вести свое происхождение от одного из членов царского персидского рода, Тейшеса, который, судя по всему, завладел Эламом во время смуты, последовавшей за падением

Ассирии, и передал свои персидские владения своему сыну Ариарамнесу, прадеду Дария. Именно об этом завоевании Элама пророчествовал Иеремия в [pg 154] начале царствования Седекии (Иер. xliх. 34-39), и результатом этого завоевания стало то, что Кир стал эламитом по образованию и религии. Основанная им империя не была персидской; ее настоящим основателем был Дарий, сын Гистаспеса. Только как предшественник Дария и для удобства читателей более позднего времени Кир мог быть назван царем Персии, как это сделано в Книге Ездры, где первоначальные слова его провозглашения "царь Элама" были заменены на более привычное и понятное "царь Персии" (Иез. i. 2.). В других местах Библии (Ис. xxi. 1-10), где описывается вторжение в Вавилонию, Персия не упоминается, только Элам и Мидия, то есть родовые владения Кира и присоединенное им царство Экбатана. Это находится в строгом соответствии с откровениями памятников и является интереснейшим свидетельством точности ветхозаветных записей.

Другой факт столь же революционного характера, о котором повествуют надписи, заключается в том, что Вавилон не был осажден и взят Киром. Он открыл свои ворота перед его полководцем задолго до того, как тот приблизился к нему, и для его захвата не потребовалось ни сражения, ни битвы. Таким образом, становится очевидным, что осада Вавилона, описанная Геродотом, действительно относится к царствованию Дария и была перенесена традицией на царствование Кира, и что покойный г-н Босанкет был прав, утверждая, что Дарий из Книги Даниила - это Дарий, сын Истасписа. Белшаззар, как мы знаем из надписи Набонида, в которой он упоминается, был старшим сыном этого монарха, и он, несомненно, является "царским сыном", который командовал вавилонской армией, согласно табличке, переведенной выше.

[pg 155]

Но помимо основных фактов, которые можно почерпнуть из этих недавно найденных надписей, в них есть и многое другое, заслуживающее внимания. Особенно это касается надписи на глиняном цилиндре, в которой мы находим упоминание о восстановлении вавилонских пленников в их родных местах. Опыт Кира научил его, что старая ассирийская и вавилонская система транспортировки завоеванных народов была ошибкой и приводила лишь к опасному недовольству в стране, куда их привозили. Благодаря этому убеждению, которое самому Киру казалось лишь результатом его собственного опыта и политической проницательности, Бог приложил усилия к тому, чтобы исполнить Свои обещания, данные иудейским изгнанникам. Тем, кто решил вернуться в Иерусалим, было позволено сделать это, и там они отстроили крепость, которая, по мнению Кира, была бы полезна ему в качестве сдерживающего фактора для Египта. Народы, приведенные с востока и запада, были возвращены в свои земли вместе со своими богами, которым отныне они должны были поклоняться в мире. Среди них, как мы узнаем из Ветхого Завета, были пленники Иуды, поклонявшиеся единому истинному Богу.

Из слов Кира мы узнаем и о том, что Набонид обидел вавилонских священников и был обвинен некоторыми из них в нечестии. Его удаление изображений местных божеств из их святилищ, похоже, считалось особым грехом; и Кир заходит так далеко, что утверждает, будто Набонид принес их в Вавилон "к гневу Владыки богов". Более того, он даже говорит, что вавилонский царь не поклонялся богу-покровителю своей столицы. Насколько мало, однако, это утверждение было действительно обосновано, можно судить по цитированной выше надписи [pg 156] Набонида, в которой впервые упоминается Кир, "молодой слуга" Меродаха.

Язык, которым Кир говорит о себе, иногда напоминает нам вдохновенные слова, которыми он говорит о себе в пророчествах Исаяи. Когда он говорит, что "управлял по справедливости и праведности", а Меродах "с радостью наблюдал за делами своего наместника, который был праведным по руке и сердцу", мы не можем не вспомнить слова Бога о том, что Он "воздвиг его в праведности" (Ис. xlv. 13). Когда он говорит, что "Меродах, который своим служением воскрешает мертвых к жизни, который приносит пользу всем людям в трудностях и молитвах, в благодати приблизился к нему, укрепил имя его", нам кажется, что мы слышим отголосок слов Писания: "Ради Иакова, раба Моего, и Израиля, избранного Моего, Я назвал тебя по имени твоему; Я назвал тебя, хотя ты и не знал Меня. Я Господь, и нет иного, нет Бога кроме Меня. Я опоясал тебя, хотя ты и не знал Меня" (Ис. xlv. 4, 5).

Титул Меродаха - "бог, воскрешающий мертвых" - примечателен, но этот титул применялся к богу еще в аккадскую эпоху. В религиозных гимнах аккадцев Меродах играет роль посредника и заступника; если боги гnevаются, именно Меродах вступает за человека. Человечество, по сути, является его особой заботой; он должен был исцелять их болезни и воскрешать их после смерти. Была ли здесь какая-либо ссылка на доктрину воскресения, сомнительно: Скорее всего, имелось в виду лишь то, что дух умершего человека с помощью Меродаха [pg 157] мог испытать "воды жизни", бурлящей в Аиде под золотым тронem духов земли, и вознестись на аккадские небеса, "землю серебряного неба", где герои возлежали среди богов на диванах, пируя на пирах, не знавших конца.

Меродах изначально был богом Солнца, и когда Вавилония перешла в руки семитов, ему продолжали поклоняться, как богу-заступнику, который слышит молитвы и "воскрешает мертвых". Но теперь он почитался как Бел или Ваал, "повелитель" - титул, который, как положено, принадлежал более древнему божеству, но который со временем стал практически относиться только к Меродаху. Когда Бел и Нево упоминаются в Библии вместе (Ис. xlv. 1), имеется в виду Меродах, божество-покровитель Вавилона, а Нево, "пророк", которому воздавались особые почести в Вавилоне после возвышения династии Навуходоносора, обычно ассоциируется с ним.

Было обнаружено большое количество молитв, адресованных в основном Меродаху, хотя есть и такие, которые обращены к другим божествам. Эти молитвы написаны на ассирийском языке и представляют собой своего рода руководство по преданности. Они редко бывают длинными, одна из самых длинных - молитва после дурного сна, которая, однако, обращена как к богине Истар, так и к Меродаху. Часть ее была утеряна; то, что осталось, можно привести в качестве примера этого вида литературы, и звучит оно следующим образом: "Да успокоит Господь мою молитву, (да снимет) мой тяжкий (грех)! Пусть Господь (дарует) возвращение благосклонности. Днем направь к смерти все, что меня огорчает. О богиня моя, будь милостива ко мне; когда же ты услышишь [pg 158] мою молитву? Да простят они грех мой, злодеяние мое, (и) проступок мой. Да избавит превознесенный, да возлюбит святой. Пусть семь ветров унесут мои стенания. Пусть червь опустит его на землю, пусть птица вознесет его к небесам. Пусть косяк рыбы унесет его, пусть река понесет его. Да придет ко мне гад полевой; да очистят меня воды реки, когда они текут. Просвети меня, как маска золотая. Еду и питье вечно пред тобою да получу я. Насыпь червя, лиши его жизни. По ступеням алтаря Твоего, по многим ступеням Твоим, да взойду я. С червем пройди меня, и да пребуду я с Тобой. Накорми меня, и пусть придет благоприятный сон. Пусть сон мой будет благоприятным, пусть сон мой исполнится, пусть сон мой обернется процветанием. Пусть Махир, бог снов, поселится на моей голове. Позвольте мне войти в Бет-Саггил, дворец богов, храм владыки. Отдай меня Меродаху, милосердному, к процветанию, даже к процветающим

рукам. Да возвысится вхождение твое, да прославится божество твое; да восхвалят люди города моего деяния твои".

Тон этой молитвы не очень высок, и она показывает, как много суеверий было смешано даже с лучшими устремлениями духовной жизни ассирийцев. Поэтому несколько удивительно, что существует ряд покаянных псалмов, восходящих к самому раннему периоду вавилонской истории, которые дышат гораздо более возвышенным и чистым духом. Эти псалмы написаны не на аккадском, а на близкородственном диалекте Шумера или Шинара, и к ним прилагается ассирийский подстрочный перевод. Время от времени встречающиеся в них выражения напоминают нам о книге [pg 159] Псалмов. Невозможно найти более подходящий способ завершить наш обзор иллюстраций к Писаниям Ветхого Завета, предоставленных современными открытиями, чем привести полный перевод одной из этих трогательных реликвий старого времени. Читая его, мы действительно чувствуем, что даже в самые темные века невежества и язычества Бог все еще двигал сердца людей, "чтобы они искали Господа, если возможно, чтобы они могли почувствовать Его и найти Его".

"Господь мой гневается в сердце своем; да будет он снова умиротворен".

Да будет умиротворен Бог, ибо я не знал, что согрешил.

Пусть Истар, мать моя, снова будет умиротворена, ибо я не знал, что согрешил.

Бог знает, что я не знал; да будет он умиротворен.

Истар, мать моя, знает, что я не знал; да будет она умиротворена.

Да умиротворится сердце Бога моего.

Да будет умиротворено сердце Истар, моей матери.

Пусть Бог и Истар, мать моя, будут умиротворены.

Пусть Бог прекратит свой гнев.

Пусть Истар, моя мать, (перестанет гневаться).

Проступок (совершенный мною, мой Бог) знал.

[Следующие несколько строк стерты].

Проступок (который я совершил, Истар, моя мать, знала).

(Мои слезы) я пью, как воды моря.

То, что было запрещено моим Богом, я ел, не зная.

То, что было запрещено Истар, матерью моей, я попираю, не зная.

О Господь мой, велико мое преступление, много грехов моих.

О Господь мой, велико мое преступление, много грехов моих.

О Истар, мать моя, велико мое преступление, много грехов моих.

Боже мой, знающий то, чего я не знал, велики проступки мои, много грехов моих".

[pg 160]

О Истар, мать моя, знающая, что я не знал, велико мое преступление, много грехов моих.

Проступок, который я совершил, я не знал.

Грех, которым я согрешил, я не знал.

Запретное я ел.

Запретное я попираю.

Господь мой в гневе сердца Своего наказал меня.

Бог в силе сердца Своего принял меня.

Истар, мать моя, схватила меня и огорчила.

Бог, знающий то, чего я не знал, постигла меня беда.

Истар, мать моя, которая знает, что я не знал, навела тьму.

Я молился, и никто не взял меня за руку.

Я плакал, и никто не держал моей ладони.

Я взываю вслух, но никто не слышит меня.

Я во тьме и прячусь, не смею поднять глаз.

К Богу я обращаюсь со своей бедой, произношу молитву.

Ноги Истар, моей матери, я обнимаю.

К Богу, который знает, что я не знал, я обращаюсь с молитвой.

К Истар, моей матери, которая знает, что я не знал, я обращаю свою молитву.

(Следующие четыре строки утрачены.)

Доколе, о Боже (я буду страдать)?

Как долго, о Истар, мать моя, я буду страдать?

Доколе, Боже, знающий, что я не знал, (буду чувствовать) силу Твою?

Доколе, о Истар, мать моя, знающая, что я не знал, сердце твое (будет гневаться)?

Ты пишешь число (?) человечества, и никто не знает его.

Ты называешь человека по имени, а что он знает?

Будет ли он страдать, или будет благоденствовать, - этого никто не знает.

Боже мой, Ты не даешь покоя рабу Твоему.

В водах бушующего потопа возьми его за руку.

[pg 161]

Грех, которым он согрешил, обрати во благо.

Пусть ветер унесет проступок, который я совершил.

Уничтожь многообразные злодеяния мои, как одежду.

Боже мой, семь раз по семь проступков моих, проступки мои (вечно) предо мною.¹⁴

[стр. 162]

Приложение I.

Текст договора между хеттами и Рамзесом II (перевод д-ра Бругша):.

В год 21, в месяц Тиби, в 21-й день месяца, в царствование царя Рамесса Ми-Амуна, подателя жизни вечно и навечно, поклоняющегося божествам, Амун-Ра (из Фив), Хор-эм-кху (из Гелиополя), Птаху (в Мемфисе), Мут, владычице Ашерского озера (близ Карнака), и Хонсу, миролюбивому, произошло публичное восседание на троне Гора среди живых, похожего на своего отца Хор-эм-кху в вечности, в вечности, в вечности, в вечности.

В тот день царь находился в городе Рамсеса (Зоан), принося мирные жертвы отцу своему, Амун-ру, и богам, Хор-эм-кху-Туму, владыке Гелиополя (Он), и Амуну из Рамессу-Ми-Амун, Птаху из Рамессу-Ми-Амун, и к Сутеху, сильному, сыну Нут, богини неба, чтобы они даровали ему тридцатилетние юбилейные пиры и бесчисленные счастливые годы, и подчинение всех народов под его ноги навеки.

Тогда явились посол царя и правитель (его дома, по имени..., и представили послов) великого царя хеттов (хитов), Хита-сира, которые были посланы к фараону, чтобы предложить дружбу царю Рамессу Ми-Амуну, подателю жизни вечно и навсегда, как и его отец, бог-солнце (подаёт её) каждый день.

[pg 163]

Это копия содержания серебряной скрижали, которую великий царь хеттов Хита-сир приказал сделать и которая была представлена фараону рукой его посла Тартибуса и его посла Ра-меса, чтобы предложить дружбу царю Рамессу Ми-Амуну, быку среди князей, который ставит свои межи там, где ему угодно, во всех землях.

Договор, который предложил Рамессу Ми-Амуну великий царь хеттов Хита-Сир, могущественный, сын Маро-Сира, великого царя хеттов, могущественного, внук Сапалили, великого царя хеттов, могущественного, на серебряной скрижали, великий князь Египта, могущественный, внук Рамессу I, великого царя Египта, могущественного, - это был хороший договор о дружбе и согласии, который обеспечил мир (и установил согласие) на более длительный срок, чем это было ранее в течение долгого времени. Ибо это было соглашение великого князя Египта с великим царем хеттов о том, что бог не допустит вражды между ними на основании договора.

Так, во времена Маутханера, великого царя хеттов, моего брата, он вел войну с (Менептахом Сети I), великим князем Египта.

Но ныне, с этого самого дня, Хита-сир, великий царь хеттов, будет смотреть на этот договор, чтобы сохранилось соглашение, которое заключил бог Солнца Ра, которое заключил бог Сутех, для народа Египта и для народа хеттов, чтобы не было вражды между ними вовеки.

И вот его содержание:.

Хита-сир, великий царь хеттов, заключает договор с Рамессу Ми-Амуном, великим князем Египта, с этого самого [pg 164] дня и впредь, чтобы между ними во веки веков существовала добрая дружба и хорошее взаимопонимание.

Он будет моим союзником; он будет моим другом. Я буду его союзником, я буду его другом, навеки.

Так, во времена Маутханера, великого царя хеттов, его брат, Хита-сир, после его убийства, посадил себя на трон своего отца как великого царя хеттов. Я стремился к дружбе с Рамессу Ми-Амуном, великим царем Египта, и это (мое желание), чтобы дружба и согласие были лучше, чем дружба и согласие, которые существовали прежде и которые были нарушены.

Я заявляю: Я, великий царь хеттов, буду держаться вместе с (Рамессу Ми-Амуном), великим князем Египта, в доброй дружбе и добром согласии. Сыновья сыновей великого царя хеттов будут держаться вместе и дружить с сыновьями сыновей Рамессу Ми-Амуна, великого князя Египта.

В силу нашего договора о согласии и в силу нашего соглашения (о дружбе, пусть народ) Египта (будет связан дружбой) с народом хеттов. Пусть подобная дружба и подобное согласие существуют в такой мере вечно.

Пусть никогда не возникает между ними вражда. Пусть великий царь хеттов никогда не вторгается в землю Египта, если из нее (земли хеттов) что-либо было награблено. Никогда не позволяйте Рамессу Ми-Амуну, великому князю Египта, переступить границы земли (хеттов, если что-либо было награблено) из нее (земли Египта).

Справедливый договор, существовавший во времена Сапалили, великого царя хеттов, а также справедливый договор, существовавший во времена Маутханера, великого царя хеттов, брата моего, я буду соблюдать".

[pg 165]

Рамессу Ми-Амун, великий князь Египта, заявляет, что он будет соблюдать его. (Мы пришли к соглашению об этом) друг с другом в одно и то же время с этого дня, и мы будем исполнять его, и будем поступать праведно.

Если придет другой враг в земли Рамессу Ми-Амуна, великого князя Египта, то пусть он отправит посольство к великому царю хеттов с такой просьбой: "Приди и сделай меня сильнее его". Тогда великий царь хеттов (соберет своих воинов), и царь хеттов (придет) и поразит своих врагов. Если же великий царь хеттов не пожелает выступить в поход лично, то он пошлет своих воинов и свои колесницы, чтобы они поразили его врагов. В противном случае (он навлечет на себя) гнев Рамессу Ми-Амуна (великого царя Египта). И если Рамессу Ми-Амун, великий князь Египта, изгонит за преступление) подданных из своей страны, и они совершат против него новое преступление, тогда царь хеттов выступит, чтобы убить их. Великий царь хеттов должен действовать совместно с (великим князем Египта).

(Если кто-либо придет врагом в земли великого царя хеттов, то пусть отправит посольство к великому князю Египта с просьбой, чтобы) он пришел в великой силе убить его врагов; и если

Рамессу Ми-Амун, великий князь Египта, (сам) намерен прийти, то он должен (поразить врагов великого царя хеттов). Если же великий князь Египта не намерен лично выступить в поход, то он пошлет своих воинов и свои двуконные колесницы, а сам отправит ответ народу хеттов".

[pg 166]

Если какие-либо подданные великого царя хеттов оскорбили его, то Рамессу Ми-Амун (великий князь Египта, не должен принимать их в своей земле, но должен идти вперед, чтобы убить их)... клятву с желанием сказать: я пойду... пока... Рамессу Ми-Амуну, великому князю Египта, живущему вечно... чтобы он был отдан за них (?) господину, и чтобы Рамессу Ми-Амун, великий князь Египта, мог говорить согласно своему договору во веки веков.....

(Если рабы убегут) из пределов Рамессу-Ми-Амуна, великого князя Египта, чтобы предаться) великому царю хеттов, то великий царь хеттов не примет их, но великий царь хеттов отдаст их Рамессу-Ми-Амуну, великому князю Египта, (чтобы они были наказаны).

Если рабы Рамессу Ми-Амуна, великого князя Египта, покинут его страну и уйдут в землю хеттов, чтобы сделаться рабами другого, то они не останутся в земле хеттов, (но будут отданы) Рамессу Ми-Амуну, великому князю Египта.

Если же убегут (слуги великого царя хеттов, чтобы предаться) Рамессу Ми-Амуну, великому князю Египта, (чтобы остаться в Египте), то те, которые пришли из земли хеттов, чтобы предаться Рамессу Ми-Амуну, великому князю Египта, не будут (приняты) Рамессу Ми-Амуном, великим князем Египта, (но) великий князь Египта, Рамессу Ми-Амун, (предаст их великому царю хеттов.

А если выйдут из земли хеттов люди) искусного ума, так что придут в землю Египетскую, чтобы сделаться [pg 167] рабами другого, то Рамессу-Ми-Амун не позволит им поселиться, он предаст их великому царю хеттов.

Когда этот (договор) будет известен (жителям земли Египетской и земли Хеттской, то они не преступят против него, ибо все, что написано на) серебряной скрижали, это слова, которые будут одобрены обществом богов, среди мужских богов и среди женских богов, среди тех, а именно, из земли Хеттской, и обществом богов среди мужских богов и среди женских богов, среди тех, а именно, из земли Египетской. Они являются для меня свидетелями (действительности) этих слов, (которые они разрешили).

Вот каталог богов земли хеттов:...

(Сутех из города) Тунеп,

Сутех из земли хеттов,

Сутех из города Арнема,

Сутех из города Заранда [или Та-Оронт],

Сутех из города Пилка [или Пайрака],

Сутех города Хисасап,

Сутех города Сарсу,

Сутех города Алеппо,

Сутех города...,
(Сутех города...),
Сутех из города Сарпина,
Астарт [или Антарата] из земли хеттов,
Бог земли Зайат-Хирри,
Бог земли Ка...,
Бог земли Кхер...,
Богиня города Ах...,

[pg 168]

(Богиня города....) и земли А...уа,
Богиня земли Зайна,
Бог земли ... нат ... эр.

(Я призвал этих мужских и этих женских (богов земли хеттов, это боги) земли, как (свидетелей) моей клятвы. (С ними были связаны мужские и женские боги) гор и рек земли хеттов, боги земли Казаватана. Амун, Ра, Сутех, а также мужские и женские боги земли Египта, земли, моря, ветров и бурь.

Что касается заповеди, которую содержит серебряная скрижаль для народа хеттов и для народа Египта, то тот, кто не будет соблюдать ее, будет отдан (на откуп) обществу богов хеттов и будет отдан (на откуп) обществу богов Египта, (он) и дом его и рабы его.

А кто будет соблюдать эти заповеди, которые содержит серебряная скрижаль, будь он из народа хеттов или (из народа египтян), потому что он не пренебрег ими, то общество богов земли хеттов и общество богов земли египетской обеспечат ему награду и сохранят жизнь (ему) и рабам его, и тем, кто с ним и кто с рабами его.

Если убежит из жителей (один из земли Египетской), или двое, или трое, и придут они к великому царю хеттов, (великий царь хеттов) не позволит им (остаться, но) предаст их и отправит обратно к Рамессу-Ми-Амуну, великому князю Египта".

[pg 169]

Что же касается (жителя земли Египетской), который предан Рамессу Ми-Амуну, великому князю Египта, то вина его не будет отомщена ему, дом его не будет отнят, ни жена его, ни дети его. Не будет (предана смерти его мать, не будет наказания ни в глазах его, ни в устах его, ни на подошвах ног его), чтобы таким образом не было выдвинуто против него никакого преступления.

Точно так же должно быть сделано, если жители земли Хеттов обратятся в бегство, будь то один, или двое, или трое, чтобы предаться Рамессу Ми-Амуну, великому князю Египта; Рамессу Ми-Амун, великий князь Египта, велит схватить их, и они будут преданы великому царю Хеттов.

(Что касается) того, кто (будет предан, то преступление его не будет предъявлено ему). Дом его не будет отнят, ни жены его, ни дети его, ни народ его; мать его не будет предана смерти,

не будет наказания ни в глазах его, ни на устах его, ни на подошвах ног его, и никакое обвинение не будет выдвинуто против него".

То, что находится в середине этой серебряной скрижали и на ее лицевой стороне, - это изображение бога Сутеха... окруженное надписью следующего содержания: "Это (изображение) бога Сутеха, царя неба и (земли)". Во время (?) договора, который великий царь хеттов Хита-сир заключил....

[pg 171]

Приложение II.

Перевод цилиндра Набонида, царя Вавилонии, содержащего имя Белшаззара. Цилиндр является одним из четырех, каждый из которых содержит один и тот же текст и захоронен в четырех углах храма Сина, бога Луны, в Мугейре или Уре.

Кол. I.

"Набонид, царь Вавилона, благоустроитель Бит-Саггила и Бит-Зида, поклоняющийся великим богам, - это я. Храм царя, дающего изобилие (Сина), башня храма Гис-ну-Гала,¹⁵ который находится в Уре, который Лиг-Багас, древний царь, сделал, но не закончил, Дунги, его сын, завершил его работу. Я заглянул в цилиндры Лиг-Багаса и Дунги, сына его, и (прочитал), как Лиг-Багас сделал эту башню, но не закончил ее, и как Дунги, сын его, завершил ее работу. Впоследствии эта башня состарилась, и, соответственно, над старой платформой, которую сделали Лиг-Багас и Дунги, сын его, я построил [стены](#)¹⁶ этой башни, как в старину, из цемента и кирпича, и я основал и возвел их для Сина, повелителя богов неба и земли, царя богов, даже богов богов, населяющих небо, великих, повелителя храма Гис-ну-Гал в Уре, моего господина."

[pg 172]

Кол. II.

"О Син, владыка богов, царь богов неба и земли, даже богов богов, населяющих небо, великих, для этого храма, с радостью при входе твоём, да утвердят уста твои благословения Бит-Саггила, Бит-Зида и Бит-Гис-ну-Гала, храмов великого божества твоего; вложи страх перед великим божеством твоим в сердца людей его (т.е. Набонида), чтобы они не заблуждались, ибо великое божество твое да сохранит основания их твердыми, как небеса. Что касается меня, Набонида, царя Вавилонского, сохрани меня от греха против великого божества твоего и даруй мне жизнь долгих дней; и посели в сердце Билу-сарра-уцура (Белшаззара), старшего сына, отпрыска сердца моего, благоговение перед великим божеством твоим, и пусть никогда не склоняется он к греху; с полнотой жизни да будет он доволен."

[pg 173]

Сноски

1.
Втор. ii. 23, Иер. xlvii. 4, Amos ix. 7.
2.
Brugsch, "History of Egypt" (Eng. Tr.) I, p. 158.
3.
Brugsch, "History of Egypt" (Eng. Tr.), I, pp. 309-311.
4.
Называется Анав, "(город) винограда", в Ис. xi. 21.
5.
Изобретение существующей масоретской системы гласных и ударений приписывается Моху Тивериадскому (570 г. н. э.) и его сыну Моисею, которые, как говорят, основали ее на системе, изобретенной незадолго до этого Аха Вавилонянином. Известно лишь несколько списков, написанных по вавилонской системе пунктуации.
6.
В Британском музее хранится монета четвертого века до нашей эры из Газы, на одной стороне которой изображен ханаанейский Ваал на огненной колеснице, но с атрибутами греческого Зевса, а над ним слово YHU (т.е. Яху или Йехо), написанное старыми финикийскими буквами.
7.
Ассирийские надписи показывают, что истинная форма имени царя Дамаска была Резон, как и имя основателя царства (1 Цар. xi. 23); библейская форма с і обусловлена тем же вокалическим изменением, что и в Той (2 Цар. viii. 9) на стороне Ту (1 Пар. xviii. 9) или Хирам (1 Цар. v. 1) на стороне Хурам (2 Пар. ii. 11). Хезион в 1 Цар. xv. 18, вероятно, является ошибкой переписчика в имени Резон.
8.
Сравните 2 Цар. xv. 29.
9.
Имя Баладан во 2 Цар. xx. 12 (и Ис. xxxix. 1) объясняется ошибкой переписчика, как и Бородах вместо Меродах. Его взгляд должен был вернуться к имени Меродах Баладан в предыдущей строке. Меродах-баладан означает "Меродах дал сына" и без "Меродаха" было бы неполным.
10.
"В тот день" в А. V. должно быть исправлено на "в день" (Ис. x. 32).
11.
Следующая хронологическая таблица позволит читателю без труда понять порядок событий, описанных в предыдущей главе:...

до н. э.

1130. Правление Тиглата-Пилесера I в Ассирии: походы в Сирию и Киликию.

900. Восстановление Ассирии после периода упадка.

858. Восшествие на престол Шалманесера II.

853. Битва при Каркаре.

851. Смерть Ахава.

850. Поход Шалманесера против Хададезера (Бен-Хадада II).

845. Кампания против Хададезера.

843. Убийство Хададезера Хазаэлем.

841. Поход против Хазаэля; дань, выплаченная Иеху Шалманесеру.

823. Шалманесеру II на смену приходит Самас-Риммон.

810. Самас-Риммона сменил Риммон-нирари.

804. Дамаск захвачен ассирийцами: дань, выплачиваемая Самарией.

781. Риммон-нирари сменил Шалманесер III.

773. Кампания против Дамаска.

745. Апрель. Пул, принявший имя Тиглат-Пилесер II, узурпирует ассирийский престол.

743-40. Война с Хаматом; подчинение Уззии; падение Арпада.

738. Дань, выплаченная ассирийцам Менахемом и Резоном.

734. Дамаск осажден; племена за Иорданом уведены; Иехония (Ахаз) Иудейский становится ассирийским вассалом.

733 (? 729). Пеках предан смерти; преемником становится Осия.

732. Взятие Дамаска; Резон убит. Ахаз в Дамаске.

727. Тиглата-Пилесера сменил Шалманесер IV.

722. Саргон захватывает трон и берет Самарию.

721. Меродах-Баладан завоевывает Вавилонию.

720. Завоеван Хамат; египетский Сабако (Со) разбит при Рафии.

712. Посольство Меродах-баладана к Езекии.

711. Взятие Иерусалима и Ашдода Саргоном.

710. Меродах-баладан изгнан из Вавилонии.

705. Убийство Саргона; его сын Сеннахериб становится преемником 12 аб.

704. Меродах-баладан удерживает Вавилон в течение шести месяцев.

701. Поход против Иудеи; битва при Эльтекее; отступление Сеннахериба из Иерусалима.

681. Убийство Сеннахериба; воцарение Эсар-Хаддона.

676. Манассия появляется среди ассирийских данников. Завоевание Египта.

670. Ассур-бани-пал (Сарданапал) вступил в правление 12-го числа Ияра.

668. Умирает Эсар-хаддон; Ассур-бани-пал сменяет его 27 аб.

665. Разрушение Фив (Но-Амуна) ассирийцами.

?606. Падение Ниневии, последний царь - Эсар-Хаддон II или Саракос.

12.

См. Иер. xlvii. 1.

13.

Сравните Иезек. xxvii. 18.

14.

Следующая хронологическая таблица поможет читателю понять последовательность событий в предыдущей главе:...

до н.э.

609. Битва при Мегиддо; Иосия убит; фараон Нехо захватывает Западную Азию.

606. Нехо побежден Навуходоносором в Кархемише; основание Вавилонской империи.

604. Навуходоносор становится преемником своего отца Набополассара.

599. Иерусалим взят; Иехония отправлен в Вавилон.

588. Разрушение Иерусалима; убийство Гедальи.

567. Вавилоняне захватывают Египет, которым тогда управлял Амасис.

561. Навуходоносор сменяет своего сына Злодея-Меродаха.

559. Нергал-Шарезер, сын Бел-сум-ишкуна, захватывает вавилонскую корону.

555. Нергал-шахрезер сменил Лаборосоархода.

555. Корона захвачена Набонидом, сыном Набу-балацу-икби.

552. Сон Набонида.

549. Завоевание Экбатаны (Медии) Астиагесом Киром, царем Элама.

548. Смерть "матери царя" (Нитокрис).

538. Свержение и смерть Набонида; Кир захватывает Вавилон.

529. Смерть Кира и воцарение Камбиса.

521. Дарий, сын Гистаспеса, избран на престол Персии.

520-19. Восстание Вавилона при Нидинта-Беле.

513. Второе восстание Вавилона при Арахе.

15.

"Дерево великого князя".

16.

Буквально: "Я взял каркас".